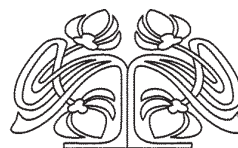

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17
ISSN 1814-733X
ISSN 1819-7671

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артемьев В. Н.** Институциональный человек и порядок социума: платоно-аристотелевская традиция и современная демократия 5
- Гобозов И. А.** «Усталые» периоды истории 10
- Иванов А. Г.** Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов 13
- Капустин Д. Ф.** Философское осмысление идеологии в современном обществе 19
- Крайнов А. Л.** Трансгуманизм как идеология нового социального порядка 23
- Леухин А. Н.** Экологическое сознание в регионах российского Прикаспия: возможности семиотического измерения 28
- Лукьяненко К. А.** Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») 32
- Мокин Б. И., Орлов М. О.** Человек – ты кто? (Историко-философский анализ проблемы человека в аспекте организационной концепции) 40
- Родин Е. О.** Проблема человеческого существования в условиях очередной технологической революции 47
- Фролова С. М., Листвина Е. В.** Идеологические аспекты повседневного бытия общества 52

Психология

- Аксеновская Л. Н.** Сравнительная диагностика организационной культуры: уровень высшего звена системы управления 56
- Зайцев Д. В., Селиванова Ю. В.** Психосоциальные аспекты взаимосвязи алекситимии и аддикций у молодежи 62
- Нестерова К. С.** Сравнительный анализ организационной культуры департаментов международного сотрудничества американского и российского университетов 67
- Одинцова М. А., Айсмонтас Б. Б., Куляцкая М. Г.** Факторы самоактивации студентов с ограниченными возможностями здоровья (по материалам пилотажного исследования) 72
- Орлова М. М.** Социально-психологические аспекты адаптации личности больных сахарным диабетом 80
- Романенко Н. Г.** Феномен духовности в организационном контексте 85
- Рягузова Е. В.** Социокультурные коды и психологические границы соседства 89
- Хрисанфова Л. А.** Соотношение некоторых качеств личности и точности опознавания базовых эмоций в условиях микрогенеза восприятия 95
- Ясин М. И.** Внутренняя религиозная мотивация у вайшнавов 100

Педагогика

- Зайнетдинова К. М., Миронова С. Б.** К вопросу о стратификации образовательных организаций кластера риска 104
- Козлов О. А.** Информационные технологии в обучении курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации 111
- Чепеленко К. О.** Гуманизация в пространстве непрерывного образования 117

Хроника

Научная жизнь

- Данилов С. А.** К 90-летию Я. Ф. Аскина – учителя и философа 121

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и редакции:
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 14.02.17
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,85 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 23-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

статья отозвана 30.09.21

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Artyomov V. N.** The Institutional Person and the Order of Society: Plato-Aristotle's Tradition and Modern Democracy 5
- Gobozov I. A.** «Tired» Periods of History 10
- Ivanov A. G.** Politics as a Sphere Where Ideologies Exploit the Social Myths 13
- Kapustin D. F.** Philosophical Perception of Ideology in Contemporary Society 19
- Kraynov A. L.** Transhumanism as the Ideology of a New Social Order 23
- Leukhin A. N.** Environmental Consciousness in the Regions of the Russian Caspian: the Possibilities of Semiotic Measurement 28
- Lukyanenko K. A.** Risk-Producing Potential of Hyperreligiosity (by the Example of Anton Chekhov's Story «The Murder») 32
- Mokin B. I., Orlov M. O.** The Man – Who are You? (Historical-Philosophical Analysis of Human Problems in the Aspect of the Organizational Concept) 40
- Rodin E. O.** The Problem of Human Being in the Conditions of the Next Technological Revolution 47
- Frolova S. M., Listvina E. V.** The Ideological Aspects of the Everyday Life of Society 52

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Comparative Diagnostics of Organizational Culture: Level of Top Management 56
- Zaitsev D. V., Selivanova Yu. V.** Psychosocial Aspects of the Relationship of Alexithymia and Addiction Among Youth 62
- Nesterova K. S.** Comparative Analyses of Organizational Culture of International Cooperation Departments of Russian and American Universities 67
- Odintsova M. A., Aysmontas B. B., Kulyatskaya M. G.** Self-activation Factors of Students with Disabilities (by the Materials of Pilot Study) 72
- Orlova M. M.** Social and Psychological Aspects of Personality Adaptation of the Patients with Diabetes Mellitus 80
- Romanenko N. G.** To a Problem of Spirituality in Organization 85
- Ryaguzova E. V.** Socio-cultural Codes and Psychological Boundaries of Neighbourship 89
- Khrisanfova L. A.** Recognition of Facial Expressions and Individual Personal Characteristics of the Observers 95
- Yasin M. I.** Vaishnava's Internal Religious Motivation 100

Pedagogy

- Zaynetdinova K. M., Mironova S. B.** To the Question of Stratification of the Educational Organizations of the Cluster of Risk Which are in Difficult Social Conditions 104
- Kozlov O. A.** Information Technologies in Training of Cadets of National Guard Troops of the Russian Federation **retracted 30/09/21** 111
- Chepelenko K. O.** Humanization Space Continuing Education 117

Chronicle**The Scientific Life**

- Danilov S. A.** For the Yackov F. Asckin's 90th Anniversary: the Teacher and the Thinker 121

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

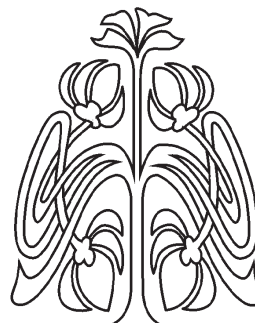
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

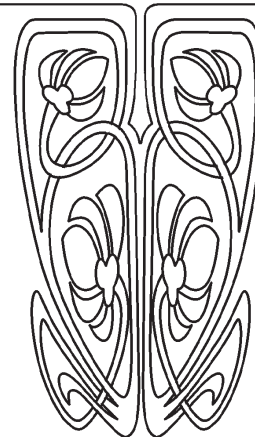
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

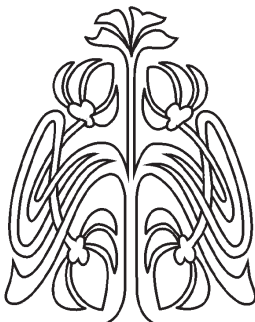
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

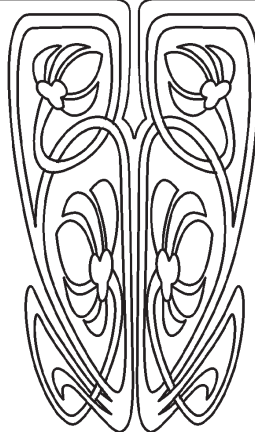
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПОРЯДОК СОЦИУМА: ПЛАТОНО-АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Артемов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladimir-artemov@list.ru

В статье рассматриваются проблемы институционального человека как представителя сообщества в философском наследии Платона и Аристотеля. Отмечено доминирующее влияние культуры и образования на сущность обладателя моральных и интеллектуальных свойств. Особое внимание уделяется раскрытию качества институционального человека и его функциональной согласованности с порядком социума. Высвечивая специфические особенности и свойства этого человека в области культуры миропонимания, статья раскрывает его функциональное соответствие существующему порядку социума. Связь ряда положений платоно-аристотелевской традиции с задачами современной демократии позволяет сделать вывод: формирование философской концепции институционального человека будет способствовать выявлению устойчивости институциональных форм и порядка социума.

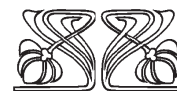
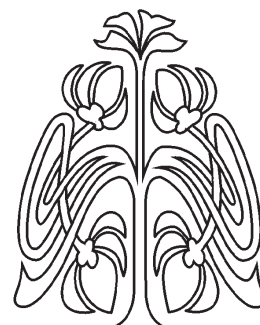
Ключевые слова: платоно-аристотелевская традиция, государство, демократия, институциональный человек, идеология, культура, порядок, социум, средний класс, философская концепция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9

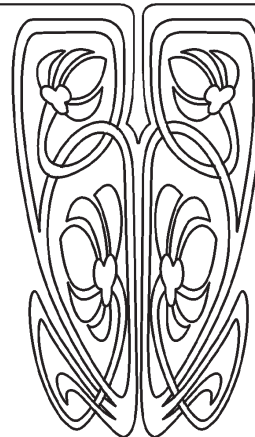
Философская концепция институционального человека даёт возможность предметно объяснить устойчивость сложившейся совокупности правовых норм, регулирующих формы и порядок социума. Посредством использования законов диалектики вскрывается смысл социального как человеческого (честности, порядочности, справедливости, гуманности) в обществе. На базе платоно-аристотелевской традиции можно смоделировать организацию социума, сопоставив её с вариативностью задач современной демократии.

Анализ институциональной системы «человек – государство – общество» возникает одновременно с появлением первых государственных образований. Эта проблематика обстоятельно рассматривается в трудах Платона и Аристотеля, поэтому концептуальные понятия «институциональный человек» и «порядок общества», несмотря на свою научную новизну, имеют исторические корни.

Платон и Аристотель приходят к пониманию того, что в структуризации общества центральное место занимает обладатель разума, природа которого наиболее полно отражает культуру миропонимания. Оба философа, высвечивая специфические свойства человека, показывают их соответствие/несоответствие сущему порядку социума, намечают пути изменения качества второго состояния в лучшую сторону. Своевременное обнаружение субъектами

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

правлящих режимов рассогласования системы «человек – государство – общество» приводит к поиску продуктивных оснований должной организации людей и ограждает от совершения ошибок в будущем.

Анализ созидательных качеств человека, проведённый Платоном и Аристотелем при раскрытии категорий справедливости как одной из форм добродетели, позволяет утверждать, что обладатель разума представлялся ими как микрокосмос и трансцендентная сущность. Понимание Аристотелем государства как продолжения семьи и общества позволило ему высказать мысль о его предназначении, а затем развить её. Античный мыслитель полагал, что оно создаётся «преимущественно для того, чтобы жить счастливо» [1, с. 460]. Такой подход актуален, так как идея создания комфортных условий бытия для подавляющего большинства людей всё ещё не реализована на практике: многотысячные миграционные потоки из стран Африки и Западной Азии в Европу это подтверждают.

Смысловое значение организованного носителя разума в качестве представителя социальной справедливости раскрывается Платоном в работе «Государство» [2]. Поскольку выводы, сделанные им, опираются на онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические основания порядка социума, постольку они оказываются существенными и для становления современной концепции институционального человека, но для её углубленного восприятия необходимо признание точки зрения А. А. Кокорина о том, что универсальной платформой междисциплинарных исследований природы социального бытия людей может быть философская методология, которая играет роль общенаучного алгоритма познания [3, с. 199].

Пристальное внимание к процессам дифференциации общества, согласно А. П. Бутенко, позволило Платону осознать возникновение частной собственности в качестве результата жизнедеятельности становящегося разумного человека [4, с. 16]. Античный философ, изучая политические изменения в устройстве государства того времени, воспринял знаковые формы правления (тимократию, олигархию, демократию, тиранию) как порядок социума и подробно рассмотрел «принадлежащего» им человека. Такой подход, с нашей точки зрения, необходим, так как важно знать не только признаки, характеризующие суть конкретного властвования, но и принципы, выработанные для организации его функционирования.

Выявление взаимообусловленности социальной организации общества и присутствующе-

щего в нём человека Платон начинает с такой формы правления, как тимократия. Он считает, что государственный строй, базирующийся на честности, есть «нечто среднее между аристократией и олигархией» [2, с. 331]. Платон показывает человека, склонного подчинять себе других, который ещё «ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом <...> считает, что основанием власти должно быть <...> всё военное» [2, с. 333]. В связи с этим мыслитель прослеживает взаимозависимость силового порядка социума и «сопутствующего» ему человека, облечённого полномочиями повелевать.

Платон подвергает критическому анализу и олигархическую организацию государства, подразумевая под ней «строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении» [2, с. 335], обращая внимание на то, что при политико-экономическом господстве небольшой группы лиц разрушается смысл социума как целого и снижается уровень его жизнеспособности. Платон характеризует специфического представителя, адекватного данному режиму правления. По его мнению, кроме «богатства и богатей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания <...> это пример извращения того человека, который относится к строю, предшествовавшему олигархии» [2, с. 339]. Следует заметить, что подобная культурная ограниченность ведёт к «процветанию» форм организации людей лишь в интересах узкого круга стяжателей, поэтому порядок социума способствует установлению стереотипа мышления, отличающегося нелогичностью социально-политической, правовой, экономической и иной институциональности.

Платон, отстаивая точку зрения, что демократия «самый лучший государственный строй <...> испещрённый разнообразными нравами <...> ведь вследствие возможности делать что хочешь, он заключает в себе все роды государственных устройств», освещает проблемы культуры и образования представителя народовластия [2, с. 344]. Характеризуя демократического человека, который «разнообразен, многолик, прекрасен и пёстр как его государство» [2, с. 349], он приходит к мысли: носитель разума данного строя сам разрушает смысл власти народа. Платон настаивает и на том, что при демократии, когда свобода становится синонимом вседозволенности, граничащей с безрассудством, начинается порча нравов, развивается наглость, происходит деградация личности, толпа уступает свои права и полномочия тирану.

Древнегреческий мыслитель подчёркивал, что государство демоса «опьяняется» свободой: «Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и общественном обиходе» [2, с. 350]. Свобода становится несвободой, формируется тирания с соответствующим типом человека. По мнению Платона, «тиранический» человек – это трагический человек, человек послушной толпы. Народ «из подчинения свободным людям попадает в услужение деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов» [5, с. 359].

Применяя эмпирический, теоретический и нормативный подходы к предмету исследования, Аристотель вслед за Платоном усовершенствовал ряд категорий, которыми должна оперировать социально-политическая мысль. Древнегреческий философ, отстаивая естественные свойства государства, показывает источник цельности человека. Он не без основания утверждает, что «государство существует по природе и <...> предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» [1, с. 379].

Аристотель подчёркивает, что государственным благом «является справедливость», т.е. то, что служит общей пользе [1, с. 467]. Он затрагивает вопросы порядка обладания и распоряжения имуществом, определённые законами, которые совмещают «в себе хорошие стороны <...> общей собственности и собственности частной» [1, с. 410]. Философ поясняет, что государственные устройства, имеющие в виду взаимную пользу, «являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонение от правильных» [2, с. 456]. Анализируя существующие и моделируя идеальные формы правления, Платон и Аристотель, по существу, анализируют социальное и жизненное пространства, структурированные разными смыслами: «Таким образом, и гражданин должен быть тем или иным в зависимости от того или иного вида государственного устройства» [2, с. 446]. Подобное позволяет представлять институционального человека и порядок социума в качестве взаимообусловленных категорий.

В данном случае и Платон, и Аристотель показывают в природном государстве социально-

политическую однородность общества, которая с психологической точки зрения ассоциируется с понятием «Мы». В природном государстве государство и гражданское общество имеют одно и то же значение – смысл семьи. По мнению Аристотеля, человек, «нашедший своё завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего <...> Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилем справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, с. 379–380]. В современных условиях такая точка зрения актуальна, поскольку субъективные силы, утратившие способность к обмену информацией в интересах государства, перестают быть продуктивными «вершителями» судеб людей. Как следствие, согласно С. А. Вершилову, «они поддаются искусству соблазна “примерить” чуждую привлекательность на национальную почву» [5, с. 103].

В обстановке, когда государство поддерживает деление на «мы» и «они», функциональная организация общества начинает регламентироваться социально-классовой структурой, постепенно утрачивающей объективные смыслы как первого образования (государства), так и второго (общества). Наступает момент «размытости» векторного единства их задач. И тогда люди становятся винтиками политической машины. Это приводит к разрывам в материальном обеспечении народа и его «слуг», ужесточается экономическая эксплуатация, возникает социальное отчуждение.

Отражение древнегреческими мыслителями коммуникативного человека сквозь призму необходимой и достаточной меры его функциональной приверженности порядку социума открывает возможность отражения специфики развития демократии в XXI в., т.е. прослеживается связь человеческой общности с культурой, свободой и властью. Рассмотрение государства не только в качестве политического института, но и социумного образования, пронизанного обменом информацией, приводит к промежуточному умозаключению: «владелец» мышления, интересы которого приведены в соответствие с продуктивным порядком общества, является институциональным, «рационально-ценностным» [6, с. 6] субъектом, включающим амбивалентность порядочного и ценностного человека.

Решение насущных социально-политических задач развития общества актуализирует конкретизацию принципов «природного государства» посредством модели демократии, в контексте которой равенство и свобода явля-

ются необходимым и достаточным условием её становления. Рассмотрение народовластия как многогранного, исторически обусловленного и сложного явления приводит к пониманию, что «народ» в нём выражает социальное равенство, а «власть» – волю, силу свободы. Комплекс гражданских институтов и институций, форм организации людей и способов их взаимодействия составляют суть демократии. При этом следует иметь в виду, что каждой исторической эпохе присущ определенный институциональный человек, обладающий специфическим внутренним миром в определенных условиях среды, где происходит «созревание» порядка социума.

В настоящее время глобализация мирохозяйственных отношений, урбанизационное устройство формируют новые реалии политического и социального развития. Рост городского населения и расширение демократических свобод изменяют структуру общества: происходит объективный процесс становления среднего класса как доминирующей силы в государстве. Существует тенденция сближения и интеграции политических идеологий, хотя подобное происходит не всегда, не везде и не во всём. Двойные стандарты «просвещённого лидерства», применяемые США и рядом стран Запада относительно других государств, препятствуют эффективной коммуникации, направленной на разрешение сложных проблем современности, в том числе и установление необходимого порядка социума.

Не прекращаются случаи возбуждения уголовных дел против высокопоставленных чиновников внутри страны, в ряде субъектов РФ преступность становится де-факто неотъемлемой частью их образования, экономики, социальной жизни и реализации власти, что не способствует её развитию [7, с. 168]. Всё это препятствует эффективной коммуникации, направленной на разрешение сложных современных проблем, в том числе и по установлению необходимого порядка социума.

Социальное равенство общностей складывается под воздействием культурно-образовательной системы, которая, выделяя и структурируя общественное пространство, устанавливает в нём функциональную дифференциацию людей, что подтверждает В. Б. Устьянцев: «Всякий общественный порядок, в том числе и политический, имеет смысл в обращённости к сознанию человека» [8, с. 122]. Эта оценка является логическим продолжением мысли Платона о том, что «в совершенном государстве должна быть осуществлена справедливость <...> справедливый человек не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливо-

сти» [2, с. 207], поэтому признание человеком права власти управлять и выражение им согласия подчиняться ей становятся его внутренней потребностью для воспроизводства должного, когда утверждается продуктивный порядок социума. Таким образом, решение актуальных задач демократии предполагает дальнейшую разработку концепции институционального человека и порядка социума.

В современных условиях синонимом древнегреческого «демоса» выступает средний класс. Являясь опорой народовластия, он предполагает становление новой демократии и надклассовой идеологии. Рабочую формулу современной системы идей, способствующей формированию концепции институционального человека и порядка социума, выражающей интересы субъектов частной собственности и проясняющей положение имущества, находящегося во владении общества, можно представить как: либерализм + консерватизм = социал-демократия. Опираясь на созданную совокупность правовых и социальных норм, регулирующих поступки носителей властных полномочий, она обеспечит их практические действия в духе законов, что будет отвечать совместным чаяниям человека, элиты и общества в целом. Кроме того, этот формат, приведённый в согласие с насущными задачами времени, создаст режим наилучшего благоприятствования для эволюционного развития социума не только в нашей стране.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 828 с.
2. *Платон*. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 655 с.
3. *Кокорин А. А.* Философский алгоритм познания : содержание и практические возможности. М., 2014. 324 с.
4. *Бутенко А. П.* Власть народа посредством самого народа. М., 1988. 208 с.
5. *Вершилов С. А.* Этика мировых субъектов как риски порядкам локальных государств (социально-философский анализ) // Социальное поведение личности : оценки и стратегии. Ульяновск, 2016. С. 99–108.
6. *Артёмов В. Н.* Типологические интерпретации и противоречия функционирования институционального человека // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 5–9.
7. *Вершилов С. А.* Военная безопасность государства (социально-философский анализ). Ульяновск, 2015. 290 с.
8. *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2012. 208 с.

Образец для цитирования:

Артемов В. Н. Институциональный человек и порядок социума: платоно-аристотелевская традиция и современная демократия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–9. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9.

**The Institutional Person and the Order of Society:
Plato-Aristotle's Tradition and Modern Democracy**

V. N. Artyomov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marx str., 412300, Balashov, Saratov region, Russia
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

The paper is devoted to considering the philosophical heritage of Plato and Aristotle touching upon the problems of the institutional person as a representative of the community of people. The dominating influence of culture and the education of society on the essence of the established owner of moral and intellectual properties is fixed. Special attention is also paid to disclosing the quality of its functional coordination with the habit of society regarding the concrete ruling regime. Highlighting the specific peculiarities and properties of this person in the field of the culture of world understanding, the paper discloses his functional correspondence to the existing order of society. The association of a number of the statements of the Plato-Aristotle tradition with the tasks of modern democracy allows the author to make the conclusion: forming the philosophical conception of the institutional person will promote the exposure of the stability of institutional forms and the order of society.

Key words: Plato-Aristotle's tradition, state, democracy, institutional person, ideology, culture, order, society, middle class, philosophical conception.

References

1. Аристотέλης. Αθηναίων Πολιτεία Τασόπουλος Θεόδωρος. Αθήνα, Γεωργιάδης, 2004. 171 σ. (Russ. ed.: Aristotel. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1983. T. 4. 828 p.).
2. Πλάτων. Πολιτεία Ν. Μ. Σκουτερόπουλος. Αθήνα: Πόλις, 2009. 934 σ. (Russ. ed.: Plato. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1994. T. 3. 655 p.).
3. Kokorin A. A. *Filosofskiy algoritm poznaniya: sodержanie i prakticheskie vozmozhnosti* (A philosophical algorithm of cognition: contents and practical possibilities). Moscow, 2014. 324 p.
4. Butenko A. P. *Vlast naroda posredstvom samogo naroda* (The power of people through people itself). Moscow, 1988. 208 p.
5. Vershilov S. A. Etika mirovyh subektov kak riski poryadkam lokalnyh gosudarstv (sotsialno-filosofskiy analiz) (The ethics of the world's subjects as risks to the orders of local states {a social and philosophical analysis}). *Sotsialnoe povedenie lichnosti: otsenki i strategii* (Social behavior of the individual: assessment and strategy). Ulyanovsk, 2016, pp. 99–108.
6. Artyomov V. N. Tipologicheskie interpretatsii i protivorechiya funktsionirovaniya institutsionalnogo cheloveka (The typological interpretations and contradictions of functioning the institutional person). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 5–9.
7. Vershilov S. A. *Voennaya bezopasnost gosudarstva (sotsialno-filosofskiy analiz)* (The military security of a state {a social and philosophical analysis}). Ulyanovsk, 2015. 290 p.
8. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski* (Man, living space, risks). Saratov, 2012. 208 p.

Cite this article as:

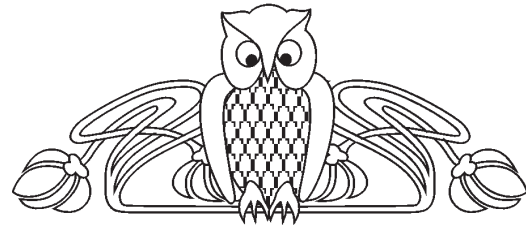
Artyomov V. N. The Institutional Person and the Order of Society: Plato-Aristotle's Tradition and Modern Democracy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–9. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9.

УДК 1:3+1:93

«УСТАЛЫЕ» ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ

Гобозов Иван Аршакович — доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАЕН, профессор кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: igobozov@bk.ru

Статья посвящена актуальным философско-историческим проблемам. В истории человечества бывают кризисные периоды, которые можно назвать «усталыми» периодами. Исторический процесс представляет собой единство объективного и субъективного. Под объективным подразумевается имманентная логика истории, а под субъективным — деятельность субъектов истории, т.е. людей. Примат принадлежит объективному, но субъективное оказывает огромное воздействие на объективное. В кризисные периоды люди теряют пассионарность: они предпочитают созидательной деятельности развлечения, игры, гладиаторские бои и т.д. В итоге общество постепенно приходит в упадок и погибает.

Ключевые слова: объективное, субъективное, взаимодействие объективного и субъективного, усталость, «усталые» периоды, пассионарность, Римская империя.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-10-12

Под «усталыми» периодами истории подразумеваются критические ситуации тех или иных конкретных социально-исторических организмов, приводящие к их упадку. Развитие общества в широком смысле слова осуществляется скачкообразно: как правило, после подъема наступает упадок. Немало страниц мыслители посвятили причинам упадка того или иного социума: так, в центре внимания многих обществоведов, например, оказались причины гибели Римской империи. Крупнейший английский историк XVIII века Э. Гиббон в своем фундаментальном исследовании «Закат и падение Римской империи» показал, как Римская империя переживала на протяжении столетий системный кризис, что, в конечном итоге, привело к ее гибели.

Очень яркую характеристику разложения Римской империи дает Ф. Энгельс: «Уже начиная с последних времен республики, римское владичество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем больше возрастали налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом римлян — покорителей народов; только в ростовщичестве они превзошли все, что было до и после них» [1, с. 147].

М. Вебер причины падения Римской империи видел в падении культуры. Он прямо заявляет, что Римская империя погибла не от вторжения внешних врагов, не от деспотизма римских правителей, не от морального разложения общества, а от упадка культуры: «Уже в начале III века умолкла римская литература. Юриспруденция и юридические школы пришли в упадок. Греческая и латинская поэзия спали мертвым сном. Истории почти не существовало, и даже надписи начинали безмолвствовать. Латинский язык был близок к полному вырождению» [2, с. 447]. М. Вебер считает, что античная культура была заменена деревенской культурой.

Все, что писалось и пишется о причинах гибели Римской империи, на мой взгляд, заслуживает внимания и положительной оценки, но гибель Римской империи не есть единичный случай. В истории было немало империй и цивилизаций, которые в силу разных объективных экономических, политических и иных причин исчезли с лица земли.

Следует подчеркнуть, что социальный мир — это мир материальных и духовных ценностей, созданных разумными существами, действующими сознательно и сознательно преследующими свои цели. Эти ценности передаются от поколения к поколению, каждая генерация к ним что-то добавляет, а что-то отбрасывает, а затем передает последующему поколению. Так происходит на протяжении всей всемирной истории. Римская империя не исчезла вообще, ее достижения сохранились и были использованы последующими поколениями Европы, а затем и всего мира. Как писал Гегель, «из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь» [3, с. 120].

Исторический процесс — это единство объективного и субъективного. Под объективным подразумевается то, что существует независимо от людей. Это материальные и духовные ценности, созданные людьми на протяжении всей истории человечества. Под субъективным — деятельность людей, от которых зависит использование предыдущих ценностей и дальнейшее развитие общества. Можно выразиться иначе: есть объективный фактор (предыдущие ценно-

сти) и есть субъективный фактор (деятельность новых поколений). Диалектика объективного и субъективного такова, что примат принадлежит объективному, но субъективное, в свою очередь, оказывает огромное воздействие на объективное. А это воздействие проявляется в повседневной жизни людей на, скажем, рост производительных сил, в целом – на экономику, на развитие науки, литературы, искусства и т.д., а сила воздействия зависит от *пассионарности* людей.

Термин «пассионарность» впервые употребил историк Л. Н. Гумилев. В него он вкладывает много смыслов, но я приведу только два [4, с. 497]: 1) «*Пассионарность как характеристика поведения* – эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели»; 2) «*Пассионарность как избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению*».

Пассионарность (от фр. *la passion* – страсть, воодушевленность) предполагает активную, воодушевленную высокими целями деятельность субъектов истории, т.е. народных масс. Такую пассионарность народ выражает обычно во время и после революций, войн или каких-нибудь событий, которыми люди восхищаются и воодушевляются. Люди ради общего блага работают без усталости, готовы жертвовать собой в случае необходимости. Как правило, во главе пассионарных людей находятся такие же пассионарные руководители, работающие не зная усталости, живущие интересами народа и готовые к преодолению всех трудностей.

Но пассионарность не может быть вечной. Время идет, появляются новые ценности, которыми начинают руководствоваться новые поколения, в том числе и правящие элиты: они устают от пассионарности. Тогда наступает эпоха «усталых» периодов. Вместо пассионарности появляются лень, желание развлекаться или, выражаясь современным языком, наступают времена шоу. Думаю, что упадок Римской империи, а затем ее гибель является ярким проявлением ее усталости. В Риме стали презирать физический труд, но зато любили больше потреблять, чем производить: «Богатые римляне буквально купались в роскоши: они жили в великолепных дворцах и питались невообразимыми по изысканности яствами, такими, как языки дроздов в диком меде или свиное вымя, фаршированное жареными мышатами» [5, с. 7].

Римский народ не имел никакого богатства, но, как пишет крупнейший немецкий историк XIX в. Т. Моммзен, «между миром богачей и ми-

ром нищих по внешности существовала глубокая, ничем не заполненная пропасть, но в сущности оба круга были очень похожи один на другой. По нравам и мирозерцанию между богатыми и бедными не было коренного различия: одинаковое ничегонеделание, одинаковое увлечение пустыми, ничтожными удовольствиями царило в обеих группах, в каждой – в доступном для нее виде: бедняки жили даровым хлебом. Целыми днями толкались на форуме, наполняли шинки, удовольствие находили лишь в гладиаторских играх – богачи утопали в роскоши бессмысленной, неизящной, гонявшейся лишь за дорогим» [6, с. 247].

Хотя народ не имел никакого богатства, но правители ему предложили грандиозные гладиаторские бои (игры): «Для рядового римлянина панацеей от всех бед был цирк. Большие амфитеатры стали храмами, местами обитания и местами встреч для римских граждан. Поскольку игры всегда сопровождалась ритуальными церемониями в честь богов, они удовлетворяли и религиозные потребности римлян. Но главным было то, что рядовой римлянин мог хотя бы на несколько часов оставить свое жалкое жилище в перенаселенном доме и побыть в великолепном месте, которое по роскоши не уступало Золотому дворцу Нерона. Здесь он имел возможность общаться со своими согражданами, сопереживать вместе с другими болельщиками за своих фаворитов и даже навязать свои желания императору, ибо, как говорили сами римляне: “Только в цирке правит народ”» [5, с. 7–8]. Народ голодал, но он требовал не хлеба, а зрелищ, и правители охотно шли ему навстречу, в противном случае были бы огромные беспорядки с непредсказуемыми последствиями. Таким образом, римляне, включая правителей, потеряли свою пассионарность, что, в конечном итоге, привело к гибели огромной империи.

Перенесемся из Древнего мира в новый и новейший. В новую эпоху французский народ совершил Великую революцию под лозунгом «*liberté, fraternité, égalité*» (свобода, равенство, братство). Революция освободила французов от оков феодализма и предоставила им свободу делать все ради собственного счастья в рамках юридических норм и законов. У французов появилась великая пассионарная личность – Наполеон. Он возглавил Францию в очень трудные времена, когда объединенные реакционные европейские государства хотели задушить революцию, он отчаянно сопротивлялся врагам французской революции, но в конце концов они его свергли.

И хотя Наполеон все время был вынужден воевать, тем не менее он вместе со своим пассионарным народом очень много сделал для блага Франции. Французы еще один раз проявили свою

пассионарность, когда в 1871 г. власть в Париже взяли коммунары. Коммуна было жестоко подавлена и с тех пор французский народ особой пассионарности не проявлял, даже во время Второй мировой войны. Во Франции наступил «усталый» период. Вообще все современные народы Европы потеряли свою пассионарность, о чем свидетельствует наплыв сотен тысяч иммигрантов.

Поговорим теперь о России. Пассионарный российский народ 25 октября 1917 г. совершил Великую социалистическую революцию. Россия начала распадаться не только по этническому признаку, но и по территориальному. После революции пассионарные большевики во главе с Лениным объединили народы Российской империи в единое государство под названием Союз Советских Социалистических Республик. После смерти Ленина у руля государства встал Сталин. Под его руководством были проведены индустриализация, коллективизация и культурная революция. Абсолютное большинство населения дореволюционной России было неграмотно, многие народы находились на стадии родового строя и не имели письменности. Благодаря культурной революции они получили письменность, стали грамотными людьми. Советский Союз в считанные годы был превращен в мощную индустриальную державу. После вероломного нападения фашистской Германии и ее сателлитов на Совет-

ский Союз пассионарный Сталин мобилизовал весь пассионарный советский народ на борьбу с фашистами: он проявлял чудеса храбрости и героизма, в результате гитлеровская Германия была разгромлена и тем самым мир был спасен от фашистского порабощения. Советский народ понес огромные жертвы, но не потерял своей пассионарности и в считанные годы во главе со Сталиным восстановил разрушенное войной народное хозяйство. После смерти Сталина в 1953 г. к руководству страной пришли непассионарные и малограмотные люди, которые начали демонтировать все, что было создано во времена Сталина. Страна откатилась назад, народ был разочарован. Он потерял свою пассионарность. Он устал от постоянных послесталинских реформ и хочет просто-напросто выжить.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. 520 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. 480 с.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1993. 499 с.
5. Манникс Д. П. Идущие на смерть. М., 1994. 160 с.
6. Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993. 259 с.

Образец для цитирования:

Гобозов И. А. «Усталые» периоды истории // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 10–12. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-10-12.

«Tired» Periods of History

I. A. Gobozov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gorky, Moscow, 119991, Russia
E-mail: igobozov@bk.ru

The article is devoted to actual philosophical and historical problems. There are some periods in the history of mankind, which can be called «tired» periods. The fact is that the historical process is a unity of objective and subjective. In that case the objective means an immanent logic of history, and a subjective – activity of the subjects of history, i.e., of people. The objective has the primacy, but subjective has an enormous impact on objective. During crisis periods people lose their passionarity. They prefer entertainment, games, gladiator fights etc. than creative activities finally, the society is gradually coming into decline and die.

Key words: objective, subjective, interaction of objective and subjective, tiredness, «tired» periods, passionarity, Roman empire.

Cite this article as:

Gobozov I. A. «Tired» Periods of History. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 10–12. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-10-12.

References

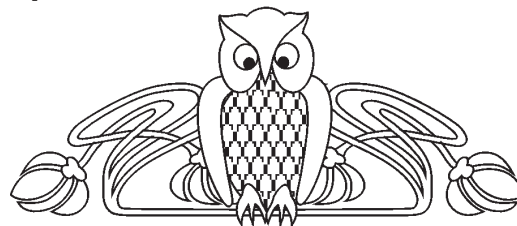
1. Engels F. *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*. Stuttgart, 1900. 224 S. (Russ. ed.: Marks K., Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. *Soch.*: v 50 t. Moscow, 1961. T. 21. 520 p.).
2. Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* (Favorites. Image of society). Moscow, 1994. 704 p.
3. Hegel G. W. F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Werke: in 20 Bd. Berlin, 1970 (Russ. ed.: Hegel G. V. F. *Filosofiya istorii*. St. Petersburg, 1993. 480 p.).
4. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera zemli* (Ethnogenesis and the Earth's biosphere). Moscow, 1993. 499 p.
5. Manniks D. P. *Those about to Die*. London, 1960. 144 p. (Russ. ed.: Manniks D. P. *Idushchie na smert*. Moscow, 1994. 160 p.).
6. Mommsen T. *The history of Rome under the Imperops*. London; New York, 1999. 656 p. (Russ. ed.: Mommsen T. *Istoriya Rima*. St. Petersburg, 1993. 259 p.).

УДК 101.1

ПОЛИТИКА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ ИДЕОЛОГИЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ

Иванов Андрей Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал. E-mail: agivanov2@yandex.ru

В статье политическая сфера рассматривается как пространство объективации социальной мифологии. Государство предстает в качестве медиатора, сглаживающего общественные противоречия при помощи идеологий, в основе которых лежат определенные социальные мифы. Эксплуатация идеологиями социальных мифов позволяет легче воздействовать на общественное сознание. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную, реализует определенную программу развития, эксплуатирует какой-либо миф или совокупность мифов. Наиболее ярко это видно на примере так называемых классических идеологий: в основе либерализма лежит инновационное, прогрессивное развитие, в основе консерватизма – устойчивое развитие, в основе социализма – целевое развитие. Квинтэссенцией воплощения мифа в идеологии, эксплуатации идеологией мифа является «глобальный миф», например миф о герое. «Глобальные мифы» воздействуют на общество, органично сочетая в себе два уровня социального мифа – «архаический» и «конъюнктурный»: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Автор задается вопросом о необходимости, с одной стороны, разоблачения деструктивных социально-политических мифов и, с другой стороны, использования потенциала конструктивных социальных мифов для консолидации общества.

Ключевые слова: политическая сфера, социальный миф, идеология, миф о прогрессе, концепция устойчивого развития, миф о герое, «глобальный миф», «архаический» и «конъюнктурный» уровни социального мифа.

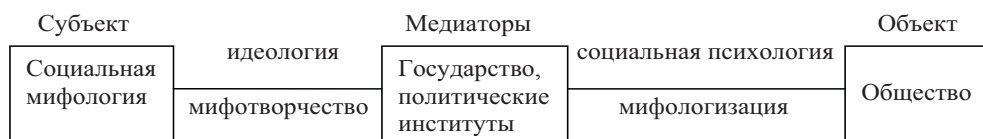
DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18

Политические институты, и прежде всего государство, являются посредниками, медиаторами взаимодействия между социальной мифологией и обществом. Полей, пространств, где осуществляется взаимодействие социальной мифологии и общества, можно выделить несколько: это экономическая, социальная и эстетическая сферы. Однако мы сконцентрируемся на политической сфере в связи с тем, что политическая мифология, оказавшись в центре внимания многих исследователей (Э. Кассирера, К. Маннгейма и др.) еще в середине XX в., не утратила своей актуальности и требует исследования не только

в рамках философии власти, философии политики, но и в более широком ракурсе – с позиций социальной философии. Кроме того, процессы, происходящие в политической сфере, более отчетливо демонстрируют специфику социальной мифологии, социальных мифов.

Государство, на наш взгляд, играет основную роль в процессе институционализации новых социальных мифов, трансформации социальной мифологии. С одной стороны, наиболее благоприятная почва для распространения социальных мифов – широкие массы – это уровень государства; с другой стороны, именно государство обладает всеми рычагами для легитимации социальных мифов, прежде всего, посредством СМИ. Можно даже сказать, что государство – это главный медиатор между социальной мифологией и обществом.

Термин «медиатор» здесь следует понимать в леви-строссовском смысле, когда К. Леви-Стросс говорил о мифах традиционных обществ: «...миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [1, с. 235]. В системе медиаторов и в настоящее время может закрепляться знание, способствующее преодолению тех или иных кризисных явлений как в мировоззрении, так и в общественной жизни. Можно сказать, что государство следует рассматривать в качестве посредника, медиатора, использующего социальные мифы для сглаживания общественных противоречий (рисунок). При этом такая медиация проходит несколько этапов: идет движение, с одной стороны, от общей мифологии к государственной идеологии, с другой стороны, от общества к отдельной социальной группе. Следует добавить, что мифотворческие процессы являют собой субъектную подструктуру деятельности, а процессы мифологизации – объектную подструктуру.

Государство и политические институты как медиаторы между социальной мифологией и обществом

Обычно посредники (медиаторы) оформляют социальную мифологию в идеологию и «доводят» её до населения. Население (общество в целом, различные социальные группы), со своей стороны, воспринимает результаты мифотворческой деятельности политических институтов: часть информации – осознанно, часть – наделяет мифологическими образами.

При таком взаимодействии ключевое значение приобретают процессы мифотворчества, результаты которых в политической сфере зачастую находят отражение в определенных идеологических построениях. Фактически мифотворчество институциализируется через конкретные идеологии. Идеологии при этом выступают в качестве мифогенных факторов. Так возникают, например, миф о прогрессе, имперский миф. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную – эксплуатирует какой-либо миф (мифы). К примеру, в США распространён миф об американской исключительности.

Наш интерес к политической идеологии не случаен, так как мы опираемся на глубокий вывод американского антрополога К. Гирца, рассматривавшего государство так называемого третьего мира и полагавшего, что там на смену детализированным мифам, разработанным ритуалам приходят более абстрактные, произвольные и аргументированные комплексы представлений: «Записанные ли в официальной конституции, воплощенные ли в новой совокупности институтов государственного управления, возведенные ли в ранг универсального вероучения (или, что не редкость, сразу во всех трех видах), эти представления, которые я назвал бы идеологией в собственном смысле этого слова, играют ту же самую роль, какую до этого играли гораздо менее теоретически разработанные доидеологические представления, преемниками которых они являются» [2, с. 395]. Следует заметить, что К. Гирц в целом считал достаточно существенным влияние этих представлений, в частности, полагая, что идеологический вклад в современные государства тех культурных традиций, наследниками которых они являются, имеет гораздо большее значение, чем, скажем, организационный вклад в эти государства тех систем управления, которые им предшествовали.

Со временем на смену господствовавшим мифам приходят проработанные идеологические построения. Это во многом обусловлено влиянием науки, в частности, таким ее свойством как рациональность, и характерно, в первую очередь, для техногенных цивилизаций, возникших в последнее время на Западе. Процесс появления техногенных обществ, их отличия от обществ традиционных были отмечены в одной из ранних

работ Ю. Хабермаса: «Выражение “традиционное общество” характеризует состояние, при котором институциональные рамки покоятся на не вызывающем сомнений легитимизирующем основании мифических, религиозных или метафизических толкований реальности в целом – как космоса, так и общества. “Традиционные” общества существуют до тех пор, пока развитие субсистем целерационального действия остаётся в границах легитимирующей действенности культурных традиций» [3, с. 72–73]. В какой-то момент, полагает он, деятельность субсистем с преобладанием в них не символически опосредованных интеракций, а целерациональных действий (например, экономической системы или государственного аппарата) начинает оказывать всё большее влияние на ход общественного процесса, т.е. традиционные легитимации сменяются другими, претендующими на научный характер, легитимациями. «На месте дискредитированных иррациональных (мифологических и религиозных) систем образовывался мотивационно-объяснительный и легитимизирующий вакуум. Этот вакуум с необходимостью “заполнялся” – заполнялся изобретаемыми теоретиками искусственными системами, претензия на истинность которых обосновывалась научностью, открытием универсальных оснований бытия, принципом прогресса, социальной справедливости и т.д.» [4, с. 65–66].

Постепенно возникают идеологии, в основе которых лежат мифы, имеющие другие по сравнению с их предшественниками формы (мифы демократии, мифы нации), но схожее влияние на развитие государства. При этом определяющим оказывается то, в каких культурах начинают существовать эти новые мифы. «Так, для Запада мифы демократии, социальной справедливости, равенства, свободы, которые породили колоссальную социальную динамику европейских буржуазных революций (без них эти революции были бы простой бойней или захватом власти буржуазией), означали одно, а для России эти же мифы означали уже совершенно иное, причём важно знать, что в этом решающую роль сыграла не сама по себе активность большевиков, которая реализовала уже наличные потенции, а особенности российской политической культуры, решительно повлиявшие на содержание этих мифов. После революции тоталитарная действительность уже сама была в состоянии продуцировать мифы, перерабатывая социальные утопии» [5, с. 45]. Таким образом, от культуры в целом и политической культуры в частности зависит то, как будут восприниматься те или иные «новые» мифы. Цивилизационные же характеристики обществ определяют саму степень восприимчивости таких мифов.

Какие же особенности позволяют нам в эпоху торжества рациональности считать то или иное явление социальным мифом, который, в том числе, может быть использован идеологией в качестве действенного инструмента? Это, во-первых, тотальность – в данном случае способность давать доступное объяснение реальности практически всем социальным группам; во-вторых, производство легитимирующего эффекта – массовое обеспечение признания населением ценностей конкретного социального мифа и, соответственно, эксплуатирующей его идеологии.

Далее рассмотрим специфику современных идеологий, в частности, практику аккумуляции социальных мифов классическими идеологиями. Идеологию в целом принято определять следующим образом: «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определённым образом познаний или “сконструированной” реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [6, с. 405]. Действительно, основным предметом воздействия идеологии является общественное сознание. В периоды активных изменений, происходящих в социуме, общественное сознание оказывается чрезвычайно восприимчивым к различным идеям, зачастую далёким от рациональности. И от того, насколько успешно государство способно контролировать такие общественные умонастроения (назовём это идеологической функцией государства), зависит, в конечном счёте, эффективность деятельности государственного управленческого аппарата в целом.

Провозглашая изменение, развитие, идеологии и сами сталкиваются с быстро меняющимся обществом. Более того, само содержание идеологии может меняться: в частности, в последнее время появляются так называемые «молекулярные» идеологии [7], т.е. идеология может «встречать» перемены в социальной сфере, сама находясь в изменённом состоянии (это справедливо и для мифологии), что во многом обусловлено контекстом, конъюнктурой.

По мнению В. С. Барулина, основным качеством идеологии является её отражение и выражение интересов не только класса, но и социальной группы, общности вообще (в таком случае можно говорить об общенациональной, государственной идеологии). «Поскольку же эти интересы всегда связаны с определённой прагматической направленностью, заключающейся либо в защите от посягательства других интересов, либо в их во-

площении в общественную практику, либо в том и другом, постольку в идеологии велик удельный вес целеполагания, связанного с разработкой ориентиров, программ деятельности» [8, с. 193].

Целеполагание невозможно без актуализации направлений развития. В случае с государством речь идёт о государственном и даже общественном развитии. Здесь мы приходим к утверждению, что каждая идеология, реализуя определённую программу развития, эксплуатирует какой-либо миф или совокупность мифов. Наиболее ярко это видно на примере так называемых классических идеологий. Так, в основе либерализма лежит инновационное, прогрессивное развитие, в основе консерватизма – устойчивое, в основе социализма – целевое развитие. Проекция будущего, воплощённая в программе развития, в большой степени влияет и на используемые, эксплуатируемые идеологиями мифы. Через рассмотрение классических идеологий, в той или иной мере составляющих основу реализуемых государственных политик отдельных стран, постараемся увидеть, каким образом может осуществляться посредничество между социальной мифологией и обществом в политическом пространстве. «Идея прогресса, возникшая и развитая в науке, стала одним из оснований идеологии индустриального общества. Философ Р. Нисбет считает, что “на протяжении почти трёх тысячелетий ни одна идея не была более важной или даже столь же важной, как идея прогресса в западной цивилизации”. Так же, как в случае с идеей свободы, наука задала принципы легитимации прогресса, опираясь, прежде всего, на свой собственный образ. Свобода познания прямо вела к оправданию свободы неограниченного прогресса» [9, с. 45].

Как уже было отмечено, современное западное общество представляет собой техногенную цивилизацию, особенностью которой является постоянное стремление к изменению своих оснований. Именно это обстоятельство – перманентность новаторских изменений – позволило достаточно быстро идее о прогрессе стать мифом о прогрессе со всеми его особенностями. Одной из таких особенностей является важная функция мифа по обеспечению целостной картины мира. И как только феномен прогресса, инновационного развития стал неотъемлемой частью картины мира стран Запада, миф о прогрессе, соответственно, стал одним из факторов общественного развития.

Еще одним социальным мифом, оказавшим существенное влияние на развитие западного общества, стала концепция устойчивого развития. Данную концепцию можно в полной мере считать результатом мифотворческой деятельности господствующего со второй половины XX в. на Западе политического класса.

Устойчивое развитие – «термин, введенный Международной комиссией по окружающей среде и развитию (комиссией Г. Х. Брунтланд) в докладе “Наше общее будущее” для обозначения социального развития, не подрывающего природные условия существования человеческого рода. Возник как реакция на глобальный кризис индустриализма, связанный с угрожающим истощением природных ресурсов, ухудшением состояния природной среды и поляризацией богатства и нищеты в мире. Принцип устойчивого развития получил поддержку ООН. Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию перевела идею устойчивого развития в плоскость конкретных международных обязательств и планов» [10, с. 122], т.е. соединение экологии (окружающей среды) с экономикой и политикой (развитием) было осуществлено с помощью категории «устойчивое развитие». Данная категория появилась в качестве реакции на кризис индустриализма, порожденный, прежде всего, Западом, а также обусловленную колониальной отсталостью развивающихся стран «поляризацию богатства и нищеты». Понятие «устойчивое развитие» утверждалось с помощью индустриализма, колониализма и неоколониализма, в итоге превратившись в соответствующую концепцию. Область применения данной концепции сразу же распространилась на политическую сферу.

Цель концепции устойчивого развития, понимаемой в нашем случае как социальный миф, состоит в сохранении «статуса-кво», в поддержании доминирования определенных социальных групп, в недопущении нарушения баланса сил. Именно эта мифология и составляет основу политической идеологии неоконсерватизма. На наш взгляд, идеология неоконсерватизма, сочетая идеи прогресса с идеями сохранения традиций, в полной мере иллюстрирует концепцию «устойчивого развития», наиболее активно эксплуатирует этот социально-политический миф в своих интересах.

Иллюстрируя мифы, эксплуатируемые такой классической идеологией, как социализм, необходимо, конечно, обратиться к рассуждениям М. Элиаде о коммунистической версии социализма. М. Элиаде отмечал, что К. Маркс воспользовался одним из самых известных эсхатологических мифов средиземноморско-азиатского мира – мифов о справедливом герое-искупителе (в наше время это – пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Кроме того, марксово бесклассовое общество и, как следствие этого, исчезновение исторической напряженности есть, по мнению М. Элиаде, не что иное, как миф о Золотом веке, который в соответствии с многочисленными традициями характеризуется и началом и концом истории. «Маркс обогатил

этот извечный миф элементами мессианистской и иудейско-христианской идеологии: с одной стороны, сотериологическая функция и профетическая роль пролетариата, с другой стороны, последний и решительный бой между добром и злом, который легко сравнить с апокалиптическим конфликтом между Христом и Антихристом, заканчивающимся победой первого» [11, с. 173].

Исходя из того, что в основе социализма находится целевое развитие, неудивительно актуализации эсхатологических представлений, в которых на первый план выходят фигуры героев. Возможно, социалистические идеологии имеют более тесную связь с архаикой: с одной стороны, через апеллирование к идеям, многие из которых составляют основу мифологических представлений и религиозных доктрин; с другой стороны, через признание приоритета коллектива над личностью, что также отражает суть архаических мифологических представлений. Утверждая это, мы отталкиваемся как от широко распространенных идей представителей психоаналитической концепции мифа, прежде всего Дж. Кэмпбелла [12], но также учитываем выводы ряда современных исследований, среди которых отдельно следует выделить работу «Культурная мифология и мировое лидерство» [13], где было предпринято амбициозное исследование разнообразия мифов, лежащих в основе общественных ценностей и оказывающих значительное влияние на глобальное лидерство. В центре внимания соавторов работы находились особенности мифологии лидерства двадцати стран мира, включая Россию, где мифы лидерства оценивались в качестве мощного инструмента (powerful tool), который может быть использован более или менее эффективно и приводить как к позитивным, так и к негативным результатам.

Таким образом, политическое пространство предстает как арена активной эксплуатации идеологиями различных социальных мифов. Далее необходимо попытаться решить следующую этико-аксиологическую проблему: какова степень конструктивности/деструктивности воздействия на общество и государство от использования социальных мифов в политике. Здесь нужно обратиться к морфологии современного социального мифа, в структуре которого можно выделить два уровня. Первый – «архаический» – представляет собой совокупность устойчивых мифологических архетипов. Эти архетипические образы и сюжеты имплицитно присутствуют на уровне менталитета и составляют фундамент любого социального мифа. На втором уровне происходит рационально-теоретическая обработка исходных мифологических архетипов и их трансформация в четко сформулированные идеи, концепты, программы действия, в конечном счете, идеологии. Данный

уровень – «конъюнктурный»: здесь базовые мифологические архетипы интерпретируются, исходя из текущего интереса элиты, выступающей в качестве мифотворцев. «Конъюнктурный» уровень социального мифа – «вершина айсберга», основания же его уходят в глубины народной психологии и менталитета.

По нашему твердому убеждению, конструктивное воздействие на общественное развитие способен оказывать лишь такой социальный миф, в котором органично сочетаются два вышеуказанных уровня. Назовем такие социальные мифы «глобальными»: они воздействуют на общество на двух уровнях: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Так, в мифе о герое, актуальном практически во все времена, можно выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, его качества, предназначение, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, его борьба с врагами, испытания и т.п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; с другой стороны – конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами.

Учитывая, что фигура героя зачастую находится в центре социалистических учений, не должны вызывать удивление последние политические тенденции, отражающие общественный запрос на справедливость, сильного политического лидера, объединяющую идею. Тем более что положение вещей, сложившееся к началу XXI в., позволяет по-новому переосмыслить идеи Р. Барта, высказанные в середине XX в., когда получила продолжение традиция «философии подозрения». Р. Барт «...предложил особую оптику взгляда, позволяющую увидеть махинации властного дискурса, выдающего исторически сложившийся тип культуры за единственную реальность» [14, с. 271]. Р. Барт обратил внимание на способность буржуазного дискурса к обновлению под влиянием дискурсов разоблачительных. Такое обновление состоит в том, что, например, риторика времён Р. Барта – «буржуазный», «фашистский», «пролетарский» – объявляется впоследствии устаревшей и не отражающей существующих реалий. «Система, против которой боролся Р. Барт, снова мимикрирует под Природу, заявляя, что времена классовых противостояний ушли в прошлое, и теперь общество движется к своему естественному состоянию, каковое есть демократия и соблюдение естественных же “прав человека”. “Искусственная” (а таковой она стала представляться именно благодаря разоблачающим дискурсам) терминология заменяется терминологией “естественной”: нам говорят, что не следует говорить “буржуазный” или “капиталистический”, следует употреблять выражение “либеральная

демократия” или что-то в этом роде. Не следует называть “новых правых” и “неоконсерваторов” фашистами, невзирая на их симпатии ко всему “коричневому”» [14, с. 271–273]. В общем, Р. Барт призывал включаться в бой, который «идет уже не за критическую дешифровку (языка мифов. – А. И.), а за оценку» [15, с. 476].

Сегодня мы сталкиваемся с ситуациями, когда для глобального доминирования, для контроля ключевых регионов мира апологеты, например, неоконсерватизма в лице лидеров Запада, более агрессивно, используя влияние на средства массовой информации, применяют социальные мифы, одним из которых является концепция устойчивого развития. Однако, несмотря на то, что это всего лишь метаморфозы «конъюнктурного» уровня социального мифа, именно такое отсутствие связи с традицией, с «архаическим» уровнем, в конечном счете, приводит к деструктивным последствиям для общества.

Одной из главных социально-политических задач, на наш взгляд, становится трансляция объективной картины мира, элиминирование искусственных социальных мифов из общественного сознания. Шагом к этому, в частности, является «разоблачение» мифов, потерявших связь с традицией, но активно эксплуатируемых современной политической элитой. Вместе с тем использование идеологиями социальных мифов может быть конструктивным, консолидировать общество, если в мифе органично отражены «вековые» массовые ожидания и устремления политической элиты, что видно на примере мифа о герое.

Следует заключить, что основную роль в процессе институционализации новых социальных мифов играет государство, являясь главным медиатором между социальной мифологией и обществом. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную – эксплуатирует какой-либо социальный миф (мифы). Квинтэссенцией воплощения мифа в идеологии, эксплуатации идеологией социального мифа является «глобальный миф».

Список литературы

1. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. 512 с.
2. *Гириц К.* Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
3. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. 208 с.
4. *Кориунов Г. П.* Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск, 2009. 208 с.
5. *Пленков О. Ю.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб., 2011. 608 с.
6. *Грицанов А. А.* Идеология // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск, 2003. С. 405–406.

7. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков, 2009. 312 с.
8. Барулин В. С. Социальная философия : учебник. М., 2002. 560 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. 256 с.
10. Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М., 2011. 944 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. 224 с.
12. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М. ; Киев, 1997. 384 с.
13. Cultural mythology and global leadership / ed. by E. H. Kessler and D. J. Wong-Mingji. Cheltenham ; Northampton, 2010. 390 p.
14. Дьяков А. В. Ролан Барт как он есть. СПб., 2010. 320 с.
15. Барт Р. Мифология сегодня // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 474–477.

Образец для цитирования:

Иванов А. Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 13–18. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18.

Politics as a Sphere Where Ideologies Exploit the Social Myths

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia
E-mail: agivanov2@yandex.ru

The article considers the political sphere as a space of social mythology objectification. The state acts as a mediator smoothing of the social contradictions with the help of ideologies, which are based on certain social myths. Exploitation of social myths by ideologies makes it easier to influence social consciousness. Each state through the prevailing ideology (which may exist in its formal or informal way) is implementing a specific development program thus exploiting the myth or set of myths. This is most clearly exemplified in the so-called classical ideologies: the basis of liberalism is innovative, progressive development, conservatism – sustainable development, socialism – purpose development. «The global myth», for example the myth of the hero, is the quintessential embodiment of the myth in ideology, the exploitation of social myths by ideologies. Organically combining the two levels of social myth – the «archaic» and the «conjunctural», – «global myths» affect society. «Global myths» go back to ancient archaic times and can be skillfully used by the ruling elite. The author wonders about the need, on the one hand, to reveal the destructive socio-political myths and, on the other hand, the use the potential of the constructive social myths for society consolidation.

Key words: political sphere, social myth, ideology, myth of progress, concept of sustainable development, myth of the hero, «global myth», «archaic» and the «conjunctural» levels of social myth.

References

1. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris, 1974. 452 p. (Russ. ed.: Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, 2001. 512 p.).
2. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, 1973. 470 p. (Russ. ed.: Geertz C. *Interpretatsiya kultur*. Moscow, 2004. 560 p.).
3. Habermas J. *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main, 2003. 272 p. (Russ. ed.: Habermas J. *Tehnika i nauka kak «ideologiya»*. Moscow, 2007. 208 p.).
4. Korshunov G. P. *Mesto i rol sotsialnoy mifologii v strukture massovogo soznaniya* (The place and role of social mythology in the structure of the mass consciousness). Minsk, 2009. 208 p.
5. Plenkov O. Yu. *Triumf mifa nad razumom (nemetskaya istoriya i katastrofa 1933 goda)* (The triumph of myth over reason {German History and the Catastrophe of 1933}). St. Petersburg, 2011. 608 p.
6. Gritsanov A. A. *Ideologiya (Ideology). Noveyshiy filosofskiy slovar* (The newest philosophical dictionary). Ed. by A. A. Gritsanov. Minsk, 2003, pp. 405-406.
7. Schwarzmantel J. *Ideology and politics*. L., 2008. 208 p. (Russ. ed.: Schwarzmantel J. *Ideologiya i politika*. Kharkov, 2009. 312 p.).
8. Barulin V. S. *Sotsialnaya filosofiya* (Social philosophy). Moscow, 2002. 560 p.
9. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat ee nauka* (Ideology and its mother a science). Moscow, 2002. 256 p.
10. Pavlenko V. B. *Mify «ustoychivogo razvitiya». «Globalnoye poteplenie» ili «polzuchiy» globalnyy perevorot?* (The myths of «sustainable development». «Global warming» or «creeping» global upheaval?). Moscow, 2011. 944 p.
11. Eliade M. *Aspecte que mithe*. Paris, 1964. 187 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2000. 224 p.).
12. Campbell J. *The hero with a thousand faces*. New York, 1949. 403 p. (Russ. ed.: Campbell J. *Tysyachelikiy geroy*. Moscow; Kiev, 1997. 384 p.).
13. *Cultural mythology and global leadership*. Ed. by E. H. Kessler and D. J. Wong-Mingji. Cheltenham; Northampton, 2010. 390 p.
14. Dyakov A. V. *Rolan Barth kak on est* (Roland Barthes as he is). St. Petersburg, 2010. 320 p.
15. Barthes R. *Système de la mode*. Paris, 1967. 326 p. (Russ. ed.: Barthes R. *Mifologiya segodnya*. Barthes R. *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moscow, 2003. 512 p.).

Cite this article as:

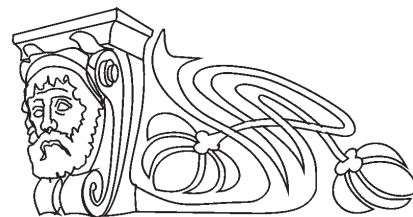
Ivanov A. G. Politics as a Sphere Where Ideologies Exploit the Social Myths. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 13–18. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18.

УДК 101.1:316

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Капустин Дмитрий Федорович – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: kapustin.dmitriy89@yandex.ru

Целью статьи является представление некоторых результатов осмысления места идеологии в либерально-капиталистическом обществе. Идеология выступает в качестве одного из исторически сформировавшихся механизмов социальной организации и самоорганизации. Дается описание ее сущности, содержания, социальных функций в непосредственной связи с пониманием свободы личности. Либерально-капиталистическая идеология, для которой, согласно средствам массовой информации, характерны стремление к свободе и свободное предпринимательство, рассматривается как порождающая насилие, эксплуатацию людей и природы для извлечения прибыли. В статье раскрывается суть феномена рекламы, который является главным агентом пропаганды современных либерально-капиталистических ценностей.

Ключевые слова: идеология, либеральный капитализм, массовая культура, реклама, свобода, современное общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-19-22

Идеология выполняет функцию детерминирования мыслительного акта, который осуществляется в современную историческую эпоху. Анализируя данный феномен, мы можем исследовать работу культуры, социума, сознания. Так как в нашей статье понятие идеологии рассматривается в рамках современного общества, мы интерпретируем ее как мыслительный акт и его трансформацию, начиная с середины XX в. Только с этого момента идеологию можно рассматривать в тесном взаимодействии с осознанием свободы, так как лишь официальная отмена колониальной системы позволяет осуществить поиск и выявление аксиологических характеристик современного общества.

Такие бифуркации, как отмена колоний и падение социалистического режима с его тотальной пропагандой, поставили новые вопросы перед индивидом: не отрефлексированному сознанию приходится решать проблему свободы. Довольно наивно, но емко описал данное состояние С. Довлатов: «Я знаю, что свобода – философское понятие. Меня это не интересует. Ведь рабы не интересуются философией. Идти куда хочешь – вот что такое свобода!...» [1, с. 69]. Произошло «переоткрытие» идеологии, которая отменяет рабство – физическое, психологическое, нравственное; свобода, ставшая вседозволенностью, обрушилась на неподготовленное к ней общество.

С. Жижек в своих работах описывает идеологию как некую «рамку», через которую открывается образ прозрений [2], она выполняет функцию восприятия социального мира и действительности и заодно навязывает нам определенные стереотипы поведения, моды, вкуса. Ценности семьи, морали и нравственности заменило потребление, различие добра и зла, правого и левого потеряло смысл, желание желать и употреблять во что бы то ни стало провозглашается вершиной современной идеологии. Рыночное общество, о котором писал К. Лаваль, «желанно постольку, поскольку способствует освобождению от традиций, верований, обязанностей, некоторой социальной принадлежности, но в то же время приводит нас к новой субъективной и отныне всеобщей зависимости от абстрактной логики “экономических” ценностей, которой отныне подчиняется вся “среда обитания” человека» [3, с. 11]. Ориентирование на капиталистические ценности – развлечения, безграничную свободу и либеральную демократию – превратило современное общество в потребительское.

Свобода как ценность утвердила себя на авансцене истории именно с середины XX в., и современное общество пользуется ее благами всецело и полностью. Но так ли это? «Свобода ведь есть нечто, требующее очень большого физического труда. А несвобода гораздо проще. В эту соблазнительную пропасть, пропасть нетруда, пропасть безответственности, пропасть несвободы может устремляться и падать весь мир» [4, с. 90]. Мы считаем, что данное определение является наиболее соответствующим текущему положению дел в мире: и для определения личности, и общества в целом. Современные модели управления государством отлажены таким образом, что динамика развития личности внутри них искусственно замедлена и сопровождается размыванием индивидуальных интересов и стремлений, ослаблением системы образования, а развлекательная направленность некоторых СМИ уничтожает самость индивида. Благополучное государство сегодня – это государство фактической несвободы: тотальный контроль,

ограничение свободного времени, соответствие товаров и услуг не столько качественным, сколько количественным характеристикам (на самом деле, в угоду капиталистической выгоде). Но, в первую очередь, подавляются способность понимать и возможности самореализации и самоопределения личности внутри системы. Человек мыслящий, рефлекслирующий не угоден современному порядку, он не является отлаженной частью всемирных торговых сделок, а большое количество думающих людей экономически невыгодно потому, что может элементарно уничтожить эту систему изнутри.

Имеет смысл обозначить некоторые характеристики, которые позволят нам понять идеологию современного либерально-капиталистического общества. Человека необходимо втянуть в «Царство Свободы» и заставить его перманентно ощущать себя не предметом, а целью. Всевозможные устройства, способствующие ощущению комфорта, машины, дома, «выгодные» кредиты, реклама, социальные гарантии, выполняют эту задачу. Суть политической анатомии в том, что главной необходимостью является помещение индивида на операционный стол, где ему под светом мощных ламп и общей анестезией сделают нужные и ненужные операции по извлечению индивидуальных стремлений, вкусов, нравов, изучат его внутренности, развернут его мышцы, снимут с него кожу, разрезав тело на части; а потом заново его склеят, используя клей современной либерально-демократической идеологии, и, убедившись в том, что он достаточно стандартен, отправят обратно и пригласят следующего пациента. Современное «общество наблюдения», о дисциплинарном пространстве которого писал М. Фуко [5], не упустит ничего и точно не позволит продемонстрировать, что человек является лишь объектом, который должен употреблять определенные продукты, ездить на стандартной машине, посещать торговые центры и чувствовать себя свободным везде и всюду. Чувствовать, но не быть.

Социалистическая идеология гораздо прозрачнее либерально-капиталистической, так как по своей сути последняя является чистой формальностью, она неконкретна, неопределенна, в ней отсутствуют четкие границы и понятия. Сегодняшняя идеология преподносится человеку как чистая необходимость, как наше собственное желание; нас ею соблазняют [6], навязывают ее и, следовательно, заставляют желать ее. «Существование идеологии как практики часто не принимают всерьез; между тем такое предварительное признание является необходимым условием для любой теории идеологии» [7, с. 240].

Самый простой пример – либерально-капиталистическая идеология, для которой характерны стремления к свободе и свободное предпринимательство, но о том насилии и эксплуатации людей и природы для извлечения прибыли, которое она рождает в действительности, умалчивается во всеулышание. Осуществляется лишь практика, которая воздействует на определенный объект – человека, а в результате получается особый продукт – потребление.

Для примера обратимся к теоретической концепции К. Поппера, чья работа [8] стала своего рода «Библией» неолиберализма и капиталистической идеологии. Однако в контексте нашего исследования более интересна критика идей Поппера, которую предлагает А. В. Бузгалин в своей монографии [9]. Нам кажутся существенными следующие моменты: во-первых, Бузгалин отмечает, что в работе Поппера отсутствует критика истеблишмента капиталистического мира; во-вторых, он делает акцент на том, что Поппер полагает возможным использование насилия для «надлежащего» типа демократии. Вследствие такого подхода мы, оглядываясь назад, видим, что желанные политические системы либерального капитализма вызвали первую, а возможно, и вторую мировую войну и, безусловно, спровоцировали применение ядерного оружия, которое первыми в мире применили США. Можно подчеркнуть: несмотря на то, что формально в русле либерального капитализма индивид полагается активным творцом Истории, фактически характер данной идеологии провозглашает главенствующим капитал и его ценности, представляя человека лишь как средство для его достижения. Индивиду навязывают мнение извне, стандартизируют и унифицируют для создания из него послушного потребителя. В результате этого у него возникает иллюзия совершения самостоятельного выбора, а главным вещателем и пропагандистом современных либерально-капиталистических ценностей становится реклама.

Реклама лишь на первый взгляд является коротким сообщением в промежутке между новостями, в телесериалах, фильмах, передачах, появляется в всплывающем окне браузера, светится на улицах в витринах магазинов, аптек, бутиков, ларьков, которые мелькают перед глазами по дороге домой. На самом же деле реклама есть мы, она является частью современного либерально-капиталистического общества. Реклама и есть капиталистическая идеология. «Она (реклама) продолжает совершенствовать средства передвижения для существ, которым некуда ехать, потому что они нигде не чувствуют себя дома; создавать новые средства связи для существ,

которым уже нечего сказать друг другу, облегчать контакты между существами, которым уже не хочется общаться с кем бы то ни было» [10, с. 70]. Действительно, мы можем передвигаться с гораздо большей скоростью, чем когда-либо, информация моментально доходит до адресата [11], что в принципе удобно и безвредно; прием пищи осуществляется в разрекламированных заведениях, реклама диктует, какую бытовую технику лучше купить и какими косметическими средствами нужно пользоваться. Одним словом, медиаиндустрия использует различные методы, чтобы продемонстрировать, как все это удобно, быстро, вкусно и полезно, а самое главное, остро необходимо нам – и как можно скорее. В этой ситуации человек теряет себя, ведь вещи, которые были поставлены им на службу самому себе, оборачиваются против него: современная вещь морально устаревает гораздо раньше, чем изнашивается физически [12]. Идеология либерально-капиталистического общества подразумевает, что переполненный произведенной продукцией рынок требует все больше новых рынков сбыта. Абсурдной оказывается эксплуатация вещи в пределах ее срока годности, так как это противоречит современному устройству мира, ведь за короткий период выпускаются более модные и яркие аналоги. Одним словом, рост производства и потребления не приводит к структурным переменам, наоборот, человек отчуждается от себя и от «Другого».

В результате анализа данных тенденций мы можем утверждать, что идеология современного общества есть логика разобщения, разделения человека и человечества. Разрушая крепкие общественные связи, гораздо легче влиять на единицу, в дальнейшем создавая из субъектов массовое общество, послушное и гибкое, потребляющее и рождающее мифическую добавочную стоимость всей системы мировой капитализации. Вследствие прогресса картина мира приобретает новые очертания, однако, к сожалению, фундаментальные качественные изменения можно наблюдать в технологической сфере, но отнюдь не в области человеческих взаимоотношений. «Все общество в целом подчинено логике искусственных машин, основанной на рационализации и гиперхрометрии времени» [13, с.16]. Так и современный потребитель – это не только территория повседневности, но и важнейшее идеологическое основание.

Суммируя сказанное выше, необходимо подчеркнуть, что современное общество не может существовать вне идеологии ровно настолько, насколько современный индивид не может находиться в отрыве от потребления. «Нация не может долго существовать без национальной идеи, лишенная такого ориентира интеллектуальная элита и власть неизбежно заведут народ в тупик. Поэтому власть должна быть заинтересована в наличии ясной, четко сформулированной, понятной и признанной большей частью населения страны национальной идеи» [14, с. 71]. Становится ясна необходимость осуществления преобразования современной идеологии, так как требуется четкая формулировка приоритетных для социума задач. Кризисный характер капиталистического общества должен быть осмыслен более глубоко, потому что существование фальшивой свободы провоцирует развитие массовой культуры, дезориентирующей индивида и размывающей нравственные ценности. Необходимо возвратиться к жизни личность в ее самости и способствовать процессу идентификации и самоидентификации индивида. Никогда в истории человечества так остро не стояла проблема ответственности за мышление, проблему свободы, идеологию и культуру.

Список литературы

1. Довлатов С. Чемодан : рассказы. СПб., 2014. 160 с.
2. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М., 2012. 142 с.
3. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неolibеализма. М., 2010. 432 с.
4. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. СПб., 2014. 608 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М., 1999. 479 с.
6. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. 320 с.
7. Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. 392 с.
8. Понпер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2 : Время лжепророков : Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 528 с.
9. Бузгалин А.В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья. М., 2015. 152 с.
10. Уэльбек М. Мир как супермаркет. М., 2004. 155 с.
11. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. 192 с.
12. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб., 2000. 96 с.
13. Морен Э. К Пропастям? СПб., 2011. 136 с.
14. Стратегии инновационного развития современного общества : сб. науч. ст. Саратов, 2009. 284 с.

Образец для цитирования:

Капустин Д. Ф. Философское осмысление идеологии в современном обществе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 18–22. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-19-22.

Philosophical Perception of Ideology in Contemporary Society

D. F. Kapustin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: kapustin.dmitriy89@yandex.ru

This article's objective is to comprehend which place ideology takes in the liberal capitalistic society. Ideology plays the role of the social organization and social self-organization mechanism which has been historically established. The author describes its essence, substance and social functions along with cognizing the notion of an individual freedom. Liberal capitalistic ideology is characterized with a tendency to freedom and free enterprise according to mass media. But we consider it as a violence and human and nature exploitation generator due to its determination to gaining profit. In this paper we also reveal the phenomenon of publicity which is the main agent to popularize contemporary liberal capitalistic values.

Key words: ideology, liberal capitalism, pop-culture, publicity, freedom, contemporary society.

References

1. Dovlatov S. *Chemodan: rasskazy* (Suitcase: short stories). St. Petersburg, 2014. 160 p.
2. Zizek S. *The year of dreaming dangerously*. London, 2012. 142 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *God nevozmozhnogo: iskusstvo mechtat opasno*. Moscow, 2012. 142 p.).
3. Laval Ch. *The new way of the world: on neoliberal society*. London, 2008. 352 p. (Russ. ed.: Laval K. *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma*. Moscow, 2010. 432 p.).
4. Mamardashvili M.K. *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* (Essay on contemporary European philosophy). St.- Petersburg, 2014. 608 p.
5. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, 1993. 360 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdeniye turmy*. Moscow, 1999. 479 p.).
6. Baudrillard J. *De la Seduction*. Paris, 1980. 250 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Soblazn*. Moscow, 2000. 320 p.).
7. Althusser L. *Pour Marx*. Paris, 2005. 294 p. (Russ. ed.: Altusser L. *Za Marksa*. Moscow, 2006. 392 p.).
8. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*: in 2 vol. Vol. 2: Hegel, Marx, and the Aftermath. Princeton, 1971. 432 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoye obschestvo i ego vragy*: v 2 t. T. 2. *Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugiye orakuly*. Moscow, 1992. 528 p.).
9. Buzgalyn A.V. *Anti-Popper. Socialnoye osvobozhdeniye i ego druzya* (Anti-Popper. Social liberation and its friends). Moscow, 2015. 152 p.
10. Houellebecq M. *Inteventions 2. Traces*. Paris, 2009. 285 p. (Russ. ed.: Houellebecq M. *Mir kak supermarket*. Moscow, 2004. 155 p.).
11. Virilio P. *The information bomb*. London, 2000. 146 p. (Russ. ed.: Virilio P. *Informacionnaya bomba. Strategiya obmana*. Moscow, 2002. 192 p.).
12. Ivanov D.V. *Virtualizatsiya obschestva* (The society virtualization). St. Petersburg, 2000. 96 p.
13. Morin E. *Vers l'abîme?* Paris, 2007. 181p. (Russ. ed.: Moren E. *K propasti?* St. Petersburg, 2011. 136 p.).
14. *Strategiyi informacionnogo razvitiya sovremennogo obschestva*: sb. nauch. st. (Strategies of the information development of the contemporary society: scientific articles compilation). Saratov, 2009. 284 p.

Cite this article as:

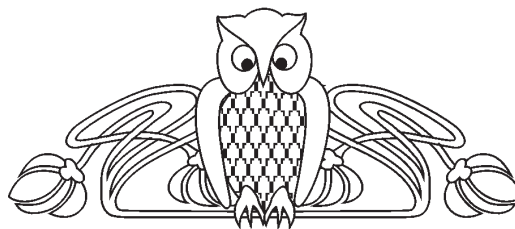
Kapustin D. F. Philosophical Perception of Ideology in Contemporary Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 19–22. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-19-22.

УДК 101.1:316

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Крайнов Андрей Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук, Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова. E-mail: kraival@sgau.ru

Статья посвящена анализу влияния ценностей информационного общества на формирование нового социального порядка. Новый социальный порядок ориентирован на идеалы трансгуманизма и преследует своей целью создание постчеловечества. Кибернетическое бессмертие, а не естественное продолжение рода, является главной целью информатизации общества. Возникает новая система социальных ценностей, основанная на владении средствами, технологиями и каналами информатизации. Все вышеуказанные изменения, в свою очередь, приводят к формированию нового социального порядка, в котором актуализируется симуляция как способ существования жизни.

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, социальный порядок, информационное общество, информационная культура.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-23-27

Понятие «социальный порядок» является стержневым понятием всей социальной сферы, отражающим основополагающие устои и нормы социального бытия. Оно начало формироваться в Античности вместе с возникновением социально-философских концепций Платона и Аристотеля. Согласно Платону, порядок основан на добродетели, которая заложена как основа государственного устройства [1, с. 302], у Аристотеля опорой социального порядка выступает средний класс, который стабилизирует общество [2, с. 507]. Дальнейшее развитие это понятие получило в договорных концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Согласно Т. Гоббсу, порядок в обществе может быть достигнут только посредством заключения договора между гражданами и государством, которому каждый гражданин уступает свою власть, получая взамен защиту жизни и собственности [3, с. 133]. Дж. Локк видел социальный порядок в следовании природным законам, в качестве его основы он рассматривает разделение властей и подчинение правительства закону [4, с. 150]. Согласно договорной теории Ж.-Ж. Руссо, социальный порядок устанавливается в силу потребностей отдельных людей, осознавших, что в их интересах договориться между собой относительно создания определенных коллективных правил [5].

Не вдаваясь в дальнейший анализ формирования и развития теорий социального по-

рядка, можно выделить существенный момент, характеризующий данный феномен, связанный с наличием социальных классов, подчинения, нормативности. Любой порядок предполагает наличие четкой структуры, иерархии, субординации, закона, которые вместе образуют единую систему, в данном случае – социальную. Ядром общества при социальном порядке выступает средний класс с присущими ему ценностями стабильности, равновесия, упорядоченности, прогнозируемости и меры.

Сегодня, в эпоху господства информационной культуры, глобальных процессов информатизации и компьютеризации всех сфер общественной жизни, происходит постепенное изменение ценностного основания социального порядка. На смену ценностям «умеренность», «упорядоченность», «структурированность», «законность» приходят ценности «безграничность», «безмерность», «бесконечность», «деструктурированность». Более того, постепенно исчезает само понятие классов и социальных слоев, чему способствует всех уравнивающая глобальная информатизация. В Интернете нет ни бедных, ни богатых, ни директоров, ни подчиненных, ни среднего класса [6, с. 56]. Главная ценность информационного общества – умение владеть информационными технологиями и получать с их помощью доступ к нужной информации, которая является самоцелью и самооценностью и имеет свойство бесконечно экспоненциально накапливаться, постоянно преодолевая саму себя. Этот безудержный рост информации уже породил новый информационный мир с новыми ценностями и правилами, которые, являясь частью социального бытия, порождают новый социальный порядок.

Укоренению в человеческом сознании ценностей нового социального порядка способствуют такие феномены информационного общества, как безлимитный Интернет, децентрализованные пиринговые сети, возможность бесплатно общаться посредством видеосвязи в ряде мессенджеров и анонимно совершать различные действия в разных точках планеты,

возможность создать абсолютно любую вещь с помощью 3D принтеров. Итогом данного процесса является возведение вседозволенности и безнаказанности в ранг нормы, что совершенно неприемлемо для традиционного социального порядка. Входя в нашу жизнь, ценности нового социального порядка вызывают когнитивный диссонанс – противоречия в сознании, понимании, действовании.

Ценности безмерности и безграничности, берущие свое начало в процессах информатизации, проникают в сферу вопросов жизни и смерти с целью отодвинуть границы последней как можно дальше, жизнь человека сделать безграничной, а его – бессмертным. Наиболее основательно данные ценности представлены в современном мировоззрении трансгуманизма. Сама приставка «транс» переводится как: 1) движение через пространство, пересечение его; 2) находящийся за пределами чего-либо [7].

Таким образом, трансгуманизм по сути есть попытка выхода человека за пределы своей человечности, то есть гуманности. Следовательно, в основе мировоззрения трансгуманизма лежат античеловеческие негуманные ценности. Недаром в практической сфере социального бытия трансгуманистическое мировоззрение сопровождается такими негативными феноменами, как трансгендерность, трансгенность, трансперсональность, транскультурность, транснациональность. Все они в своей сущности выходят за пределы естественного, принося угрозы в бытие человека, такие как утрата самоидентичности от неопределенности в выборе своего пола и собственных ему социальных ролей, риск получить заболевания в результате употребления в пищу трансгенных продуктов, деперсонализация как следствие растворения индивида в виртуальном пространстве и слияния с массой ников-аватаров, утрата собственной культуры в процессе глобализации.

Согласно философской концепции трансгуманизма, достижения современной науки и техники надо максимально использовать для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения таких нежелательных аспектов человеческого существования – страданий, болезней, старения и смерти [8]. При этом допускаются еще недавно казавшиеся фантастическими варианты человеческого бессмертия: существование в киберпространстве, портирование сознания в другое – более молодое – тело или крионизация.

Сегодня активно ведутся разработки в области крионизации, автором идеи которой и основателем крионики был американский ученый

Р. Эттингер. В своем главном труде «Перспективы бессмертия» он не только научно обосновывает различные варианты воскрешения тела и максимального отодвигания процессов его старения и умирания, но затрагивает вопросы сохранения информации человеческого мозга: «Непременно придет время, когда методы кодирования памяти мозгом будут детально изучены, и информацию можно будет “считывать” прямо из нервной ткани и “записывать” в нее» [9]. Причем данный вариант работы с информацией способен в дальнейшем обеспечить бессмертие человека вне его тела. Если разработки в области портирования информации человеческого мозга на электронный носитель или в другой человеческий мозг увенчаются успехом, то с большой долей вероятности можно утверждать, что сознание телесно умершего человека будет жить в виртуальности либо воскреснет в другом человеческом теле – молодым и здоровым.

Таким образом, ценности трансгуманизма постепенно, но неуклонно формируют новый социальный порядок, базирующийся не на нуждах человека и человечности, но ориентирующийся на постчеловеческое роботизированное бытие, для которого человек, скорее, необходимый придаток, нежели ценность. Согласно докладу Всемирного экономического форума «The future of jobs», сокращение рынка труда станет результатом роботизации производства в крупнейших странах мира. Сильнее всего пострадают женщины, так как они меньше всего заняты в инженерно-технических, математических и научно-технологических специальностях [10].

Тенденция сокращения рабочих мест в пользу роботов уже отчетливо видна во многих странах и отраслях производства, что приводит к возникновению такого вынужденного способа удержания и занятости персонала (человеческих ресурсов), как неполный рабочий день. И мера эта – отчасти одолжение со стороны работодателя, который с удовольствием бы заменил весь персонал роботами. По мнению аналитиков института Nomura Research Institute (Япония), к 2035 г. роботы освоят половину специальностей в Японии [11]. Например, в одном из отелей задействованы роботы-администраторы, перевозчики багажа, уборщики, роботы, ответственные за приготовление кофе, уборку и доставку свежего белья, все они владеют несколькими иностранными языками, они вежливы, учтивы, исполнительны, ответственные, не нуждаются в зарплате, социальных гарантиях, сне, пище, отпуске.

С вхождением человекоподобных роботов (роботов-андроидов) в нашу жизнь происхо-

дит актуализация постчеловеческого бытия, в котором человеку отводится роль средства, но не цели. Человек становится нужен постольку, поскольку он удовлетворяет новую трансгуманистическую систему ценностей и вписывается в новый постчеловеческий порядок. Сегодня активно идут разговоры о том, что к 2050 г. роботы прочно войдут в святая святых человека – сферу интима, заняв там места жриц и жрецов любви [12]. Причем ученые-разработчики выделяют много положительных сторон реализации данного проекта: профилактика венерических заболеваний, возможность подобрать партнера под себя по национальным характеристикам, формам тела, языку, половым особенностям, навыкам и умениям. Робот исполнительен, непритязателен, безопасен и, самое главное, чудовищно работоспособен. Вытеснив женщин из старейшей профессии, роботы смогут намного эффективнее пополнять госбюджет, как делают это в ряде государств (в Германии и Голландии, например) женщины. Вопрос внешнего вида андроидов давно решен – разработки в области искусственной кожи, мимики и жестов настолько ушли вперед, что современные андроиды-няньки ничем внешне не отличаются от людей. Таким образом, новый социальный порядок ведет к нивелированию роли женщины и устранению каких-либо границ между полами.

Зачем нужны дети, если человек собрался жить вечно и стать бессмертным? В мире постчеловеческих ценностей нет места материнству и детству, нет места продолжению человеческого рода, так как слишком большому количеству бессмертных людей рано или поздно станет тесно на планете. Да и сама приставка «пост» свидетельствует о том, что человечество утратило статус сколь-нибудь значимого феномена, но нужно лишь для того, чтобы осуществлялся бесконечный процесс информационного и технического совершенствования.

Известный современный шведский философ, занимающийся вопросами постчеловеческой реальности, Н. Бостром в еще 2003 г. опубликовал работу «Мы все живем в компьютерной симуляции?» [13], в которой под постчеловеческой цивилизацией понимал цивилизацию настолько сильно изменившихся потомков человека, что людьми их считать уже нельзя. Под симуляцией в данной работе понимается моделирование сознания человека с помощью компьютерной программы. Таким образом, все общество, вся человеческая история есть не более чем продукт симуляции. Сегодня его прогнозы и выводы не кажутся фантастическими и лишены доли рациональности. Гиганты

компьютерной индустрии в области онлайн-игр и особенно игр с дополненной реальностью упорно работают над тем, чтобы миллионы людей погружались в альтернативный мир и существовали в реальности только для того, чтобы продолжать самореализовываться в новом виртуальном мире.

Одной из последних новинок в области игр с дополненной реальностью, получившей скандальную известность, является «Покемон Го», детище компании Niantic. Опасность данной игры с философской точки зрения не в том, что благодаря ей потенциальному врагу будут известны все потаенные места вашего сарая, квартиры или стратегического объекта, но в том, что в очередной раз виртуальная реальность подменяет истинно реальное бытие, уводя сознание человека в мир симуляции и симулякров. Более того, эта реальность все чаще называется дополненной, она дополняет реальное бытие человека, т.е. делает его полным, совершенным. Получается, что без дополненной реальности, актуализирующейся в подобных играх, жизнь человека будет неполноценной, лишенной истинных ценностей симуляции. Вопиющим примером – квинтэссенцией вхождения виртуальности в реальный мир – является недавнее заявление в полицию москвички о том, что ее изнасиловал покемон [14]. Каким бы смешным, на первый взгляд, данный казус не кажется, сам факт его свершения заставляет задуматься о становлении нового социального порядка. Безмерность и безграничность информационного пространства расширяет собственные границы, вторгаясь в человеческое бытие не только на гносеологическом уровне, но и на онтологическом, уверенно заявляя свои права на его распорядок дня, привычки, планы, предпочтения и ожидания.

В результате подобного воздействия информационных технологий на личностное и социальное бытие человека невольно возникает вопрос о целесообразности процесса глобальной информатизации. Те плюсы, которые она дает, с лихвой компенсируются негативными последствиями, сплошь и рядом проявляющимися в реальной жизни человека. К ним можно отнести информационное мошенничество (кража паролей банковских карт, социальных сетей, личных данных, взлом электронной почты), психологическую зависимость (игроманию, психологический стресс, наступающий без мобильного телефона под рукой), дополнительные расходы на связь и приобретение новых гаджетов, организацию сбыта наркотиков и террористических актов посредством анонимных

мессенджеров, оказание влияния на массовое сознание определенных социальных групп с целью подчинения и контроля их, организация оранжевых революций посредством социальных сетей, проникновение в личную жизнь человека через мобильные телефоны (геоинформационное позиционирование, скрытое фотографирование и прослушивание). Вот далеко не полный перечень проблем, которые привнес в жизнь современного человека новый социальный порядок, организовав и упорядочив эту жизнь таким образом, чтобы она всецело была подчинена безмерному и безграничному процессу информатизации.

Ф. Фукуяма в своей работе «Наше постгуманистическое будущее: последствия биотехнологической революции» назвал трансгуманизм «самой опасной идеей в мире» [15]. Согласно его воззрениям, идеология трансгуманизма не обещает человечеству светлое будущее, но навсегда сделает человека придатком созданных им машин, лишив его вместе со старением и болезнями всего человеческого. Так что вопрос, останется ли человек самим собой с наступлением эры постчеловечества, когда все его органы будут заменены новыми долговечными, а сознание выгружено в информационную реальность и подключено к коллективному супермозгу, становится одним из актуальнейших философских вопросов. Не приведет ли эра постчеловечества к превращению человека в симулякр – означающее без означаемого?

Обозначенные проблемы заставляют задуматься о поиске способов сдерживания влияния информационно-технологического и научно-технического прогресса на сознание человека. Какими они будут – полный запрет Интернета, возврат к аналоговым телефонам или возрождение аграрного уклада общественной жизни, основанном на натуральном хозяйстве, – никому неизвестно, но вне всякого сомнения только формирование в сознании человека ценностной системы, в которой информационные технологии

вытеснены на второй план, способно изменить вектор развития человечества и удержать его в рамках гуманизма.

Список литературы

1. Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 654 с.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. Гоббс Т. Соч. : в 4 т. М., 1991. Т. 2. 731 с.
4. Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. 668 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. 416 с.
6. Тихонова С. В. Коммуникационное пространство сегодня : информация и сеть // Полис. 2007. № 3. С. 53–64.
7. Иноязычные приставки в русском языке и их значение. URL: <http://russkiyazyk.ru/sostav-slova/pristavka/inozyachnyie-pristavki-v-russkom-yazyke-i-ih-znachenie.html> (дата обращения: 06.09.2016).
8. Сайт российского трансгуманистического движения. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/> (дата обращения: 06.09.2016).
9. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М., 2002. 152 с.
10. Мануйлова А. Роботы занимают рабочие места // Коммерсантъ. 2016. 19 янв. URL: <http://kommersant.ru/doc/2895710> (дата обращения: 06.09.2016).
11. К 2035 году половину рабочих мест Японии смогут занять роботы. URL: <http://www.artofcare.ru/top/robotyi-zanimayut-chelovecheskie-rabochie-mesta.html> (дата обращения: 06.09.2016).
12. В Амстердаме появится бордель с роботами-проститутками // ВЕСТИ.RU. 2012. 22 мая. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=800441&cid=520> (дата обращения: 06.09.2016).
13. Bostrom N. Are you living in a computer simulation? // Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53, № 211. P. 243–255.
14. Покемон изнасиловал женщину прямо в центре Москвы // Правда.Ру. 2016. 19 авг. URL: <http://www.pravda.ru/news/accidents/09-08-2016/1309344-pokemon-0/> (дата обращения: 06.09.2016).
15. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution. N.Y., 2002. P. XIII + 256.

Образец для цитирования:

Крайнов А. Л. Трансгуманизм как идеология нового социального порядка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 23–27. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-23-27.

Transhumanism as the Ideology of a New Social Order

A. L. Kraynov

Saratov State Vavilov Agrarian University
1, Teatralnaia sq., Saratov, 410012, Russia
Email: krainoval@sgau.ru

This article analyzes the impact of the information society values on the formation of a new social order. A new social order is focused on transhumanist ideals and pursues the goal of creating posthumanity. Cybernetic immortality, not a natural continuation of the species, is the main purpose of the information society. There is a new system of social values, based on the ownership of the means and information channels. All of the above changes, in turn, lead to the formation of new social order, in which simulation turns into real life.

Key words: transhumanism, posthumanism, social order, information society, information culture.

References

1. Plato. *Republic*. New York, 2008. 560 p. (Russ. ed.: Platon. *Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1994. T. 3. 654 p.).
2. Aristotle. *The Politics*. Oxford, 2009. 480 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1983. T. 4. 830 p.).
3. Hobbes Th. *Leviathan*. Oxford, 2008. 576 p. (Russ. ed.: Gobbs T. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1991. T. 2. 731 p.).
4. Locke J. *Second treatise of government and a letter concerning toleration*. Oxford, 2016. 256 p. (Russ. ed.: Lokk Dzh. *Soch.*: v 3 t. Moscow, 1988. T. 3. 668 p.).
5. Rousseau J.-J. *The Social Contract*. Oxford, 2008. 256 p. (Russ. ed.: Russo Zh.-Zh. *Ob obschestvennom dogovore. Traktaty*. Moscow, 1998. 416 p.).
6. Tikhonova S. V. Kommunikatsionnoe prostranstvo segodnya: informatsiya i set (Communication space today: Information and Network). *Polis*. (Polis), 2007, no. 3, pp. 53–64.
7. *Inoyazychnye pristavki v russkom yazyke i ikh znachenie* (Foreign-language consoles in the Russian language and their meaning). Available at: <http://russkiyazyk.ru/sostav-slova/pristavka/inoyazychnye-pristavki-v-russkom-yazyke-i-ih-znachenie.html> (accessed 6 September 2016).
8. *Sayt rossiyskogo transgumanisticheskogo dvizheniya* (Website of Russian transhumanist movement). Available at: <http://www.transhumanism-russia.ru/> (accessed 6 September 2016).
9. Ettinger R. C. W. *The prospect of immortality*. Doubleday. New York, 1964. 177 p. (Russ. ed.: Ettinger R. *Perspektivy bessmertiya*. Moscow, 2002. 152 p.).
10. Manuylova A. Roboty zanimayut rabochie mesta (Robots take jobs). *Kommersant* (Kommersant), 19 January 2016. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2895710> (accessed 6 September 2016).
11. *K 2035 godu polovinu rabochikh mest Yaponii smogut zanyat roboty* (By 2035, half of the working places of Japan will take robots). Available at: <http://www.artofcare.ru/top/robotyi-zanimayut-chelovecheskie-rabochie-mesta.html> (accessed 6 September 2016).
12. *V Amsterdame poyavitsya bordel s robotami-prostitutkami* (A brothel with android-prostitutes will appear in Amsterdam). *Vesti.ru*. 22 May 2012. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=800441&cid=520> (accessed 6 September 2016).
13. Bostrom N. Are you living in a computer simulation? *Philosophical Quarterly*, 2003, vol. 53, no. 211, pp. 243–255.
14. *Pokemon iznasiloval zhenshchinu pryamo v tsentre Moskvy* (Woman was raped by a pokemon in the centre of Moscow). *Pravda.ru*. 9 August 2016. Available at: <http://www.pravda.ru/news/accidents/09-08-2016/1309344-pokemon-0/> (accessed 6 September 2016).
15. Fukuyama F. *Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution*. New York, 2002, pp. XIII + 256.

Cite this article as:

Kraynov A. L. Transhumanism as the Ideology of a New Social Order. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 23–27. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-23-27.

УДК 130.2: 504.75

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Леухин Алексей Николаевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры мировой экономики и финансов, Астраханский государственный университет. E-mail: leuhin_1242@mail.ru

Статья посвящена анализу экологического сознания как уникального феномена пространства культуры, структура которого (метаструктура) обладает значительным семиотическим потенциалом, выраженным набором комбинаций (кодом) образно-символических репрезентаций. Семиотическое измерение экологического сознания в регионах российского Прикаспия актуально в условиях, когда общественное сознание в нашей стране еще испытывает на себе давление антропоцентрических установок. Использование методики семиотических измерений экологического сознания дает возможность получить необходимую информацию о процессах формирования экологических образов, программировать развитие системы «человек – общество – природа» на принципах экоцентризма. Применение в процессе измерения матричного подхода обеспечивает упорядочение семиотических метаструктур (архетипов, мифообразов, символов и смыслов), визуализацию многомерных экологических образов, отраженных в том или ином региональном контексте.

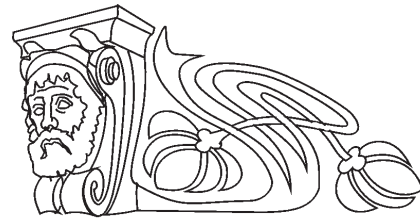
Ключевые слова: экологическое сознание, семиотическое измерение, пространство культуры, экологические образы, матричный подход, метаструктуры, визуализация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-28-31

Активные трансформационные процессы, протекающие в обществе, не могут не затронуть общественного экологического сознания – особого отношения человека к природе, которое проявляется обычно в форме мировоззренческих оценок природных факторов и систем. Эволюция экологического сознания, усложнение присущих ему качеств и свойств обусловлены рядом объективных факторов, включающих как экономические, социокультурные, так и ценностные, архетипические зависимости.

Экологическое сознание, как и любая другая форма общественного сознания, имеет свою специфику отражения социоприродных процессов, вырабатывает несколько отличную, нежели в других отраслях приложения преобразующих сил человека, совокупность оценок этих процессов.

Ранжирование оценочной системы экологического сознания может быть различным и базироваться на идеях: доминирования человека над миром живой природы (антропоцентризм) или, наоборот, гармонизации отношений между обще-

ством и окружающей средой в русле стратегии устойчивого развития (экоцентризм).

Осознание органами государственной власти необходимости что-то менять в их отношениях с природой порождает социальный заказ на исследование социоприродных систем, в том числе путем проведения семиотических измерений пространств культуры (семиотических пространств), способных отображать траекторию изменений социально-экологических отношений в системе «человек – общество – природа».

Сосредоточение полученных данных в некоей рациональной точке осмысления может составить прочную основу для формирования экологических ценностных ориентаций, представлений и установок населения современной России. Реализация продуманной и принимаемой обществом социально-экологической политики повлечет за собой целый ряд преобразований: от снижения показателей смертности в стране до роста высокотехнологичного и экологически чистого производства, делающего нашу жизнь более защищенной, комфортной и безопасной.

Форматирование семиотических пространств на принципах экоцентризма способствует формированию целостного взгляда на государство как на «единую экосистему», от чего выигрывают все структуры общества: административно-управленческий уровень, производство, население, общественные экологические организации и учреждения [1].

Подтверждением тому может служить передовой опыт стран Европейского Союза в области экологизации экономики и природопользования. Большую роль в «экологическом повороте» общественного сознания сыграли следующие действия национальных правительств: ужесточение юридической ответственности граждан за экологические правонарушения; проведение комплексных прикладных исследований в области философии, культурологии, социологии, психологии; конструирование и распространение средствами массовой информации ярких, эмоционально окрашенных экологических образов и представлений.

Эти мероприятия на практике доказали свою эффективность: в настоящее время в развитых странах наличие экомаркировки (индикатор нейтрального воздействия производства на окружающую среду) определяет образ предприятия будущего. Как показывают исследования, до 94% потребителей сознательно покупает услуги у тех компаний, имидж которых связан с заботой о состоянии окружающей среды [2]. Сложилось понимание, что в условиях жесткой конкурентной борьбы предприятия как производственного, так и непромышленного секторов экономики должны не только заявлять о приверженности стратегии устойчивого развития, но и на деле совершенствовать инфраструктуру в соответствии с экологическими требованиями.

Что касается России, то здесь нельзя однозначно говорить, какой тип носителей природно-ориентированных установок является наиболее распространенным [3]. Как считает Ж. Т. Тощенко, в общественном сознании «существуют не просто противоречивые, но и взаимоисключающие друг друга установки и ориентации» [4, с. 45].

Так, по мнению Ю. М. Плюснина, постепенная экологизация общественного сознания в нашей стране может объясняться активностью средств массовой информации, ведь до недавнего времени экологические установки большинства соотечественников основывались на принципах утилитарного, нежели этического отношения к природной среде. Многие работы последних лет фиксируют позитивные изменения в структуре экологического сознания, в котором стали преобладать эстетическая и этическая компоненты отношения к природе за счет постепенного снижения значения утилитарной составляющей. Но несмотря на постепенный переход общественного сознания на новый экоцентрический виток своего развития, подавляющее большинство экспертов констатирует в нем наличие весомой доли антропоцентризма [5].

Согласно данным Т. В. Ивановой, технократическое сознание, в отличие от гуманитарного, основано на пассивно-созерцательном восприятии природы и его носители при недостатке знаний и информационной осведомленности способны спровоцировать в обществе нарастание экологического нигилизма, усиление эксплуатации природных ресурсов [6].

Истощение запасов природных ресурсов, деградация местных экосистем наблюдаются и в трансграничных регионах российского Прикаспия – Астраханской и Волгоградской областях, Республиках Калмыкия и Дагестан. Наиболее уязвимы особо охраняемые природ-

ные территории, а также эталонные ландшафты Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги, которые испытывают на себе не только прессинг неорганизованного туризма и браконьерства, но и интенсивное антропогенное давление со стороны промышленных, сельскохозяйственных и туристических предприятий.

Экономические затруднения, с которыми столкнулось население России в условиях рыночных реформ, породили в общественном сознании систему взаимоисключающих экологических образов и ориентаций, оправдывающих на бытовом уровне присваивающий характер взаимодействия человека с природной средой. Наблюдаемые противоречия экологических образов вносят в систему «человек – общество – природа» элементы непредсказуемости и неопределенности, как следствие, возникают кризис системы мировосприятия, обесценивание аксиологических компонентов природы, замалчивание объективных экологических проблем, равнодушное к ним отношение.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных проблемам изучения массового экологического сознания. Обстоятельные исследования экологического сознания проводились, в том числе, и среди населения Нижнего Поволжья, например, трансграничные социологические исследования, принятые научным коллективом Астраханского государственного технического университета на территории трех субъектов федерации: Астраханской и Волгоградской областей, Республики Калмыкия в рамках проекта Программы развития ООН/Глобального экологического фонда [7].

Полученные результаты могут послужить основой как для проектирования системы мониторинга социально-экологических отношений, так и для проведения семиотических измерений пространства культуры российского Прикаспия с целью установления образно-ассоциативных связей между элементами (знанием, пониманием, мотивацией) экологического сознания местного населения, а также определения семиотических метаструктур (экологических первообразов, равно как и других образно-символических репрезентаций в системе «человек – общество – природа»), отражающих культурно-исторический опыт взаимодействия человека с природной средой [8].

Анализ отечественной научной литературы, посвященной проблеме семиотического измерения экологического сознания как социокультурного феномена, показывает недостаточную изученность данной проблемы. В рамках семиотического подхода основными объектами

изучения экологического сознания выступает, как правило, свод народных преданий, легенд, сказаний и мифов, рассматривающий человека традиционной культуры с точки зрения его рационально-этического отношения к миру природы. Значительно больший акцент здесь делается на анализе обширного массива нарративных источников, при этом исследованиям дискурсивной динамики экологических образов в условиях меняющегося регионального контекста уделяется весьма слабое внимание. Более того, не учитывается ни трансграничный характер этих исследований, ни широкие возможности моделирования семиотических пространств, матричное отображение которых способно не только визуализировать систему экологических образов, но и отследить динамику их метаструктурного развития в условиях кризиса традиции, испытывающей на себе пагубное влияние «тысяч разных словесных и художественных форм <...> западных институциональных моделей» [9, с. 464].

Как видим, назрела объективная потребность в описании и детальном изучении системы экологических образов, включая глубинные архетипы, их символические репрезентации, значения и смыслы, которые, по нашему мнению, способны не только отразить семиотический срез экологической ситуации в регионах российского Прикаспия, но и в опоре на эти данные выделить сценарии возможных изменений региональных социозкосистем [10]. Большое значение здесь приобретает проблема исследования образно-ассоциативных связей экологического сознания населения Прикаспия, а также анализ семиотической основы этой структуры с целью выявления механизмов программирования экологически ответственного поведения в системе «человек – общество – природа».

Регионы российского Прикаспия в зависимости от специфики социально-культурного развития составляют удивительную мозаику эколого-географических образов, обладающих значимым семиотическим потенциалом, и задача последующих исследований состоит в том, чтобы максимально полно раскрыть потенциал семиотических пространств при помощи визуализации семиотических метаструктур и их комбинаций, представленных в определенной последовательности. В этой связи предлагаемая нами методика семиотических измерений открывает новые возможности для выявления удивительных парадоксов, разрывов, неочевидных связей факторов и элементов многоуровневой структуры экологического сознания, раскодировки и перекодирования с позиций эко-

центризма «набора общепонятной символики, объединяющей различные» региональные общности [11, с. 59].

В самом деле, экологические образы имеют огромную силу воздействия: зная, какие именно семиотические метаструктуры лежат в основе восприятия человеком той или иной экологической проблемы, можно сконструировать некоторые сценарные условия, в которых бы нивелировалось расстояние между субъектом и объектом, а сам объект получал субъективно значимую окраску.

Изучение экологических образов позволит не только представить картину, протекающих в российском Прикаспии социоприродных процессов, но и отразить систему взаимосвязанных архетипических первообразов, символов и смыслов, подвигающих «человека к творчеству <...> устранению деструктивных сил экологической реальности» посредством программирования определенного отношения к ней [12, с. 141].

Использование матричного подхода к решению задач семиотического измерения метаструктур, укорененных на уровне архетипов пространств культуры, должно содействовать выявлению в территориальных контекстах многомерных экологических образов, потенциал которых может быть использован органами государственной власти при разработке и выполнении социально значимых экологических проектов.

Список литературы

1. Яницкий О. Н. Россия как экосистема // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 84–94.
2. Хоханина Т. И., Анискин Ю. П., Суханова Л. С. Экологический менеджмент. М., 2010. 188 с.
3. Плюснин Ю. М. Экологическое сознание «простых людей»: два десятилетия изменений // Российский Север: социальные и экологические перспективы. М., 2010. С. 86–108.
4. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2008. 543 с.
5. Яо Л. М. Особенности экологического сознания россиян. URL: <http://iaolubov.narod.ru/tezis1.htm> (дата обращения: 15.09.2016).
6. Иванова Т. В. Экологические ценности в общественном сознании // Вopr. психологии. 1999. № 3. С. 83–88.
7. Зелетдинова Э. А., Калиева А. Д., Леухин А. Н., Крятова Н. В., Горяева С. Н., Петрякова Е. А. Экологическое сознание и окружающая среда: проблемы взаимодействия. Астрахань, 2008. 132 с.
8. Леухин А. Н. Роль метаструктурных матриц в оптимизации экотуризма // Юг России: экология, развитие. 2010. № 4. С. 22–24.

9. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М., 2007. 704 с.
10. Добычина И. Е. Концептуализация семиотического измерения социокультурной среды (теоретико-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2003. 27 с.
11. Щепанская Т. Б. Система : тексты и традиции субкультуры. М., 2004. 286 с.
12. Дмитриева Н. В. Человек как субъект экологической реальности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 139–142.

Образец для цитирования:

Леухин А. Н. Экологическое сознание в регионах российского Прикаспия: возможности семиотического измерения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 28–31. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-28-31.

Environmental Consciousness in the Regions of the Russian Caspian: the Possibilities of Semiotic Measurement

A. N. Leukhin

Astrakhan State University
20a, Tatishchev str., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: leuhin_1242@mail.ru

This article analyzes the environmental consciousness as a unique phenomenon of cultural space, whose structure (metastructure) has significant potential semiotic expressed set of combinations (the code) is figurative-symbolic representations. Semiotic dimension of environmental awareness in the regions of the Russian Caspian is important in an environment where social awareness in our country still feels the pressure anthropocentric policies. Using the methodology of semiotic dimensions of environmental awareness makes it possible to obtain the necessary information about the processes of formation of ecological images, program development of the system «man – society – nature» on ecocentrism principles. Application during the measurement matrix approach provides ordering semiotic metastructures (archetypes, mythological images, symbols and meanings), visualization of multi-dimensional environmental images reflected in a particular regional context.

Key words: environmental awareness, semiotic dimension, cultural space, environmental images, matrix approach, metastructures, visualization.

References

1. Yanitskiy O. N. Rossiya kak ekosistema (Russia as an ecosystem). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 2005, no. 7, pp. 84–94.
2. Khakhanina T. I., Aniskin Yu. P., Sukhanova L. S. *Ekologicheskiy menedzhment* (Environmental management). Moscow, 2010. 188 p.
3. Plyusnin Yu. M. Ekologicheskoe soznanie «prostykh lyudey»: dva desyatiletiya izmeneniy (Environmental awareness «ordinary people»: a decade of changes).
4. Toshchenko Zh. T. *Paradoksalnyy chelovek* (Paradoxical man). Moscow, 2008. 543 p.
5. Yao L. M. *Osobennosti ekologicheskogo soznaniya rossiyan* (Features of ecological consciousness of Russians). Available at: <http://iaolubov.narod.ru/tezis1.htm> (accessed 15 September 2016).
6. Ivanova T. V. Ekologicheskie tsennosti v obshchestvennom soznanii (Environmental values in the public mind). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psychologii), 1999, no. 3, pp. 83–88.
7. Zeletdinova E. A., Kalieva A. D., Leukhin A. N., Kryatova N. V., Goryaeva S. N., Petryakova E. A. *Ekologicheskoe soznanie i okruzhayushchaya sreda: problemy vzaimodeystviya* (Environmental awareness and the environment: problems of interaction). Astrakhan, 2008. 132 p.
8. Leukhin A. N. Rol' metastrukturykh matrits v optimizatsii ekoturizma (Role metastructural matrixes in optimizing ecotourism). *Yug Rossii: ekologiya, razvitie* (The South of Russia: Ecology and development), 2010, no. 4, pp. 22–24.
9. Kara-Murza S. G. *Demontazh naroda* (Removing people). Moscow, 2007. 704 p.
10. Dobychina I. E. *Kontseptualizatsiya semioticheskogo izmereniya sotsiokulturnoy sredy (teoretiko-metodologicheskii aspekt): avtoref. dis. kand. filos. nauk* (Conceptualization semiotic measuring social and cultural environment {theoretical-methodological aspect}): : autoref. diss. ... cand. of philosophy). Krasnodar, 2003. 27 p.
11. Shchepanskaya T. B. *Sistema: teksty i traditsii subkultury* (System: the texts and traditions of subculture). Moscow, 2004. 286 p.
12. Dmitrieva N. V. Chelovek kak sub"ekt ekologicheskoy real'nosti (Man as the subject of the environmental reality). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 139–142.

Cite this article as:

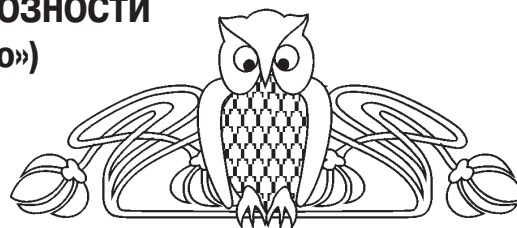
Leukhin A. N. Environmental Consciousness in the Regions of the Russian Caspian: the Possibilities of Semiotic Measurement. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 28–31. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-28-31.

УДК 101.1:316+248+130.2+291.1

РИСКОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГИПЕРРЕЛИГИОЗНОСТИ (на примере повести А. П. Чехова «Убийство»)

Лукьяненко Константин Александрович – старший преподаватель кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dakos@inbox.ru

Научное сообщество в вопросе возрождения религиозной веры в современной России много внимания уделяет поиску эффективных способов защиты от различного рода деструктивных культов, сект. Однако по-прежнему мало внимания уделяется развитию здорового религиозного опыта внутри традиционных религий, в частности православия. Одной из таких реальных проблем является гиперрелигиозность. Термин «гиперрелигиозность» был рожден в лоне психиатрии как неофициальный диагноз, которым врачи клеймили почти каждого верующего, проходящего лечение в клинике. Однако исследования гиперрелигиозности выходят далеко за рамки психиатрической практики, это – сфера феноменологии религиозного опыта, той области, где психиатрические знания утрачивают свою компетенцию. Православной традиции давно известна данная проблематика, ее феноменологические истоки она усматривает в намеренных или ненамеренных уклонениях верующего человека от многовекового духовно-аскетического опыта как верного религиозного метода восхождения человека к святости. Одной из основных причин является, прежде всего, самовольная интенсификация религиозной жизни. Повесть А. Чехова «Убийство» помогает увидеть изнанку духовной жизни, проследить динамику возникновения гиперрелигиозности и ее рискогенного потенциала.

Ключевые слова: гиперрелигиозность, рискогенная религиозность, чрезмерная религиозность, религиозный опыт, прелесть, сектантство, раскол, фанатизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39

Произведение А. Чехова «Убийство» – это, прежде всего, рассказ о пустой вере, о вере внешней, которая «без дел мертва есть» (1, Иак. 2:17). Символом этого рассказа является бесплодная смоковница, ведь убийство как подтверждение лжеправедности, лжедуховной веры совершается в Страстной понедельник. Персонажи рассказа, «истинно верующие» сестра Аглая и ее брат Яков, убили своего брата Матвея за то, что тот «нарушил» монашеский устав полного воздержания от пищи в этот день, к тому же на их глазах он решил съесть отварную картофелину, обмакивая ее в постное масло. По иронии судьбы Матвей, который прежде сам «остерегался» масла в пост, получил смертельный удар по темени той самой бутылкой с постным маслом, из которой прежде налил его себе в чашку. Примечательно, что именно в этот день православная церковь вспоминает грозное символическое событие – проклятие (иссушение) Христом бесплодной

смоковницы, которая внешне была покрыта богатой листвой, а плодов не имела. Эта смоковница – прообраз фарисейской, лицемерной веры, скрывающейся за внешней набожностью и не приносящей плодов духовных – истинного покаяния, смирения, веры, молитвы, любви и добрых дел.

«Убийство» – это также зеркало трагических последствий: и никоновских реформ, приведших к церковному расколу, и петровских реформ, приведших к оскудению духовной жизни в церкви (о чем Чехов неоднократно писал в своих письмах), и последующего периода «мистицизма Александровых времен», который привел к страшной неразберихе в религиозной жизни русского человека и увеличению числа «юродствующих сектантов, оккультистов, масонов, розенкрейцеров, иллюминатов и всякого рода кликуш» [2].

Состояние неопределенности в религиозной жизни того времени (начало XIX в.), в последующие десятилетия усиливающееся посредством антихристианских, точнее, антиправославных веяний с Запада (секулярных, материалистических и атеистических идей П. Гольбаха, К. Маркса, Л. Фейербаха, Ф. Ницше, З. Фрейда и др., миссионерская деятельность Г. Рэдстока и др., распространение штундизма и т.д.), породило закономерную реакцию в литературных, медицинских и церковных кругах. В литературе написано огромное количество произведений, показывающих настоящую религиозную веру и ее изнанку (В. Даль, П. Мельников-Печерский, Н. Гоголь, Г. Успенский, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Лесков, М. Салтыков-Щедрин и др.). В медицинской сфере появляются труды В. Кандинского, С. Корсакова, В. Бехтерева, П. Ганнушкина и других выдающихся психиатров, пытающихся оценить рискогенный потенциал различных патологических феноменов религиозной жизни и дать им врачебную оценку. В церковной жизни появляются такие фигуры, как И. Брянчанинов, Ф. Затворник (Говоров), И. Кронштадтский, Оптиные старцы и др., своим примером и трудами «говорившие» о подлинной вере и духовной жизни (в отличие

от, например, главных персонажей «Чаепития в Мытищах»). Философская интеллигенция того времени, открещиваясь от синодальной устроенности церкви, склоняясь к западной мистике и желая радикальной трансформации христианства, в большинстве своем сама скатывалась в гностицизм и ложный мистицизм, одним словом, в ересь (Д. Мережковский, В. Розанов и др.).

На фоне такого пестрого религиозного сумбура того времени А. Чехову удавалось довольно точно отличать «истинное» от «ложного», духовное от всякого недуховного и противодуховного, религиозный суррогат от подлинной веры. На это дарование Чехова в свое время обратили внимание такие выдающиеся богословы XX в., как С. Булгаков и А. Шмеман. Булгаков, акцентируя внимание на необыкновенной чуткости Чехова к поэзии религиозного чувства, заключил, что ему вообще свойственно «глубокое и тонкое понимание религиозной психологии, в особенности же простолудинов. В этой области Чехов оставляет позади себя даже Толстого, приближаясь к Достоевскому, не имеющему здесь себе равных» [3]. А. Шмеман считал, что «нет в русской литературе, пожалуй, писателя более трезвого», а также, что Чехов «был как бы меркой трезвости <...> почти духовной трезвости» [4]. Такая оценка Чехова выражает целостное видение масштаба его фигуры и взгляда на духовную трагедию, в какой пребывал русский народ: «Убийство» – очередное подтверждение этому.

Рассказ увидел свет годом позже знаменитого «Черного монаха», в котором Чехов раскрыл трудно различимую грань сложного феномена духовной прелести в сравнении с психиатрическим диагнозом «*mania grandiosa*» (мания величия). Уже в «Черном монахе» четко прослеживается динамика восхождения из области психологии и психопатологии в «метафизическую область невроза» (Б. Вышеславцев). Чехов из медицинской области вступает в ту, где психологические, психофизиологические и психиатрические методы исследования религиозной жизни превращаются в «предмет религиозного исследования теологии» [5]. А это уже область религиозной феноменологии, потому в «Убийстве» Чехов предпринимает попытку анализа известного психиатрического диагноза – «*ragonia religiosa*» (религиозное помешательство). Писатель-психиатр А. П. Чехов с поставленной задачей справился. Динамика религиозного помешательства, отраженная писателем в его произведении, полностью соответствует клиническому описанию этого диагноза австрийским психиатром Р. фон Крафт-Эбингом в его труде «Судебная психопатология». В статье мы эту

проблематику рассмотрим через призму православной святоотеческой традиции, к которой писатель сам имел непосредственное отношение.

В письме известному издателю и драматургу А. С. Суворину от 2 мая 1897 г. Чехов писал: «У меня найдется кое-что, например, “Убийство”, где изображены раскольники или нечто вроде» [6]. В рассказе Чехов раскрывает и феноменологию девиантной религиозной жизни и веры, содержащей в себе потенцию раскола вообще, применимую к любому периоду христианства, и «нечто вроде», проявляющееся в полифонии типов религиозной жизни. Писатель делает акцент на искажении веры, ее гипертрофии как источнике любого «раскола и лжеучения» (от всего рода Тереховых, по прозвищу Богомолочных, верующих «не так как все», до феномена сектантства – молокан и хлыстов). Чехов показывает, как «количественные перегрузки» в религиозной жизни и качественные искажения религиозного сознания приводят к тому состоянию духовной поврежденности, которое именуется в христианстве «прелестью», а в психиатрии – «чрезмерной религиозностью» (Б. Ганнушкин), гиперрелигиозностью [7, 8].

Уточним, что под количественными перегрузками мы понимаем чрезмерный пост, чрезмерный аскетизм, слишком продолжительные молитвы, целью которых является получение «необычных» ощущений; самочинное умерщвление своей плоти (самобичевание, ношение вериг или власяницы и т.д.). Эти перегрузки приводят к гордыне и состоянию гиперрелигиозности.

При анализе рассказа у нас возникла мысль, что существует некий аналог духовного образа Матвея, одного из героев рассказа, и что его написание является реминисценцией. Возможно, Чехов был знаком с трудами русского богослова и аскетического писателя, епископа Игнатия Брянчанинова, которые ко времени написания рассказа Чеховым были известны в России. Параллель с рассказом Чехова можно найти в трудах святителя «О молитве Иисусовой: беседа между старцем и учеником его», который издавался в Санкт-Петербурге с 1867 г. В этот период Чехов часто бывает в Санкт-Петербурге. Живя в Мелихове (1892–1899), он часто посещал монастырь, за которым был закреплен в качестве врача, здесь он мог ознакомиться с аскетической литературой. Кстати, «Черный монах» (1893) и «Убийство» (1895) были написаны именно здесь, в это же время он был увлечен психиатрией.

Чехов определяет вектор уклонения религиозной веры при непонимании традиции. Он предполагает, что религиозность рода Тереховых от того особенная, что «они жили особняком, как

медведи, избегали людей и до всего доходили своим умом». И что именно от этого «они были склонны к мечтаньям и к колебаниям в вере» [9, с. 156]. Более того, «они понимали Писание не просто, а все искали в нем скрытого смысла...» [9, с. 157].

Необходимо отметить, что «своим умом», «мечтанья» и «колебания» – это качественное искажение религиозного сознания (квазирелигиозность). Подобная религиозность имеет в своем основании неверный религиозный акт и содержание, а «люди неверного акта и неверных содержаний проповедуют соблазн, искажают свою и чужую жизнь, развращают граждан...» [10, с. 121]. Религиозность человека «раскрывается» в религиозном акте, религиозном содержании и религиозном Предмете, а это предполагает формирование «верных и неверных религиозных актов» [10, с. 121], т.е. существует риск уверовать в «неверное» и/или неверно. Большинство ересиархов были (и есть) гиперрелигиозны, но это вовсе не означает, что в их жизни доминировала количественная чрезмерность. Гиперрелигиозность может возникать из-за качественных предпосылок, которые приводят к количественным перегрузкам, и, наоборот, от количественных перегрузок, нередко приводящих к качественным искажениям. Для опытных духовников подобная религиозная жизнь говорит о неверном понимании и осуществлении: «Человеческое умствование, введенное в учение веры христианской, называется ересью, а наследование этому учению – зловерием» [11, с. 23]. Чехов это тоже понимал. Думается в его переписке есть свидетельства, что к нему обращаются как к духовнику, а не как к врачу или психиатру [12, 13].

Кроме того, братья Тереховы – Матвей и Яков – центральные персонажи произведения, Матвей является олицетворяет сектантский путь, а Яков – раскольнический. Их религиозный опыт – пример многопланового исследования сущности и истоков различных патологий в религиозной жизни, которые чаще всего имеют общую основу.

Религиозность Якова Терехова представляет собой уставщический тип религиозной жизни с ярко выраженными признаками фанатизма, а фанатизм является крайней формой гиперрелигиозности. Такую религиозную веру и жизнь описывает П. Ганнушкин [13]. В разделе, посвященном фанатикам, дано обширное описание асоциальных и рискованных признаков этой религиозности. Ганнушкин приходит к выводу, что именно железная воля «делает фанатиков опасными для общества» [13]. Подобной волей обладал Яков Терехов. Фанатики чаще всего становятся

«вождями религиозных течений и сект», а под их руководством нередко совершаются различные «изуверские дела и чудовищные преступления: самоистязание, пытки, мучительства, убийства» [13]. Яков соорудил молельную комнату у себя дома, его мысли и действия отвратили и сестру его Аглаю, и его дочь Дашутку от церкви. В рассказе Чехов использует очень точную метафору – «громадный страшный зверь» – для описания духовного состояния Якова, которая обнажает подлинный лик его религиозной веры, приведшей к убийству брата. Исследователи жизни и творчества Чехова уже обращали внимание на сходство образа Якова Терехова с личностью отца Чехова, Павла Егоровича.

Для нашего исследования ключевой фигурой является Матвей Терехов: на примере его религиозной жизни Чехов показывает переход от полноценной религиозной жизни к ее самовольной (самочинной) чрезмерной интенсификации, что приводит к духовному повреждению. Причем писатель обнажает духовные корни того состояния, в котором оказался главный герой, а потом и его брат. Оба брата становятся жертвой своих страстей, своего тщеславия, переросшего в гордыню – «в бесовскую прелесть», на этом Чехов акцентирует внимание читателя несколько раз. Несмотря на детскую склонность Матвея к мечтаньям, братья не были психически больными, но их неверная религиозная жизнь была равноценна помешательству, своеобразно у каждого. «Состояние людей в бесовской прелесть, – пишет святитель Игнатий, – бывает очень разнообразно, соответствуя той страсти, которую человек оболещен и порабощен, соответствуя той степени, в которой человек порабощен страсти» [14, с. 259].

Состояние «бесовской прелесть», с первых строк повествования о религиозном опыте Матвея, Чехов приписывает «врагу рода человеческого», который пытается погубить всякого благочестивого. Матвей соблюдал чистоту телесную, а «такое направление жизни, известно, не нравится врагу рода человеческого» [9, с. 146]. Матвей это понимает и делает вывод: «захотел он, окаянный, погубить меня и стал омрачать мой разум, все равно как теперь у брата» [9, с. 146]. У И. Брянчанинова читаем: «Если демоны увидят, что кто-либо из христиан, в особенности из монахов, начинает подвизаться и преуспевать, то приступают к нему и тотчас же начинают полагать препятствия на пути его. Препятствия эти суть греховные помышления» [15, с. 498]. Приняв ложную мысль как «начало зол» [14, с. 257], Матвей утратил свободу и вступил в полное подчинение дьяволу: «Неверный учению Христову,

последующий своей воле и разуму подчиняется врагу и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести» [14, с. 259].

Все виды бесовской прелести возникают из-за того, что в основание молитвы, как пишет святитель Игнатий, не положено покаяние, которое должно выступить «источником, душою, целью молитвы» [14, с. 259]. Человек, живущий религиозной жизнью, только начиная «катартический путь» (И. А. Ильин), путь очищения от грехов, может легко сбиться, возомнив себя «святое Папы Римского». Православный святой, возродивший практику Иисусовой молитвы на Афоне, преподобный Григорий Синаит говорит: «Если кто, с самонадеянностью, основанною на самомнении, мечтает достигнуть в высокие молитвенные состояния, и стяжал ревность не истинную, а сатанинскую, того диавол удобно опутывает своими сетями, как своего служителя» [14, с. 259]. Подобные предостережения делает еще один афонский монах и богослов Никодим Святогорец: если дьяволу не получается прельстить спасающегося «явными на зло прельщениями», тогда он «то мнимо благими помыслами, то изречениями Божественного Писания, то примерами святых возбуждает неблагоприятно и не по силам принимать непомерные подвиги к духовному совершенству, чтоб, когда мечтаем стоять на вершине его, низринуть нас в бездну падения» [16].

Действие рассказа происходит во время Великого поста. Каждый верующий в этот период хочет посвятить больше времени духовной жизни, но оно и опасное, рискогенное. Святоотеческая традиция вырабатывала норму религиозной жизни (устав): для мирян, для монашествующих. «В первую неделю Великого поста до субботы святые отцы положили сухоядение, но трудящимся и слабым не грех даже чайку попить <...> У людей сила разная», – говорит Матвей [9, с. 146]. В духовной жизни то, что для монаха хорошо, для мирянина может быть губительным: незнание этих законов или намеренное уклонение от них может привести к болезням (физическим или духовным) и даже к гибели. Чехов, вольно или невольно, показывает нам возможные последствия нарушений меры в духовной жизни.

Матвей самочинно уклоняется от существующих правил: «дал я обет», «у меня же <...> ни крошки во рту не было», «не разрешал себе», «вовсе ничего не кушал», «заводские хлебают щи из судака, а я в стороночке сухарик сосу». Самочинное уклонение – это прямое нарушение аскетической традиции, которая предполагает духовное руководство мудрыми наставниками, без которых многие сбивались с верного пути и

«повреждались». На Матвея находит «фантазия», возникает «мечтание» о своей святости и о греховности и недостойности священнослужителей; и в монастыре его «сердце не спокойно», ему «все кажется», что и монахи грешат, живя не по уставу; у него уже «от гнева сердце трясется», а ему все «представляется» будто «все пьяницы, скоромники, табачники, блудники, картежники», и только один Матвей «живет по заповедям». И он приходит к мысли о том, что он – «человек праведный, а церковь по своему несовершенству» для него «не подходит» (9, с. 146–147).

Помимо усиленного поста Матвей самочинно налагает на себя различные послушания: «вставал по ночам и поклоны бил, камни тяжелые таскал с места на место, на снег выходил босиком, ну, и вериги тоже» [9, с. 147]. Подобное, по словам Никодима Святогорца, не обходится без дьявольского наущения: «Так, иного научает он жестоко изнурять тело свое постом, бичеванием, спанием на голой земле и другими подобными озлоблениями плоти для того, чтобы он или впал в гордыню, возмечтав, что великие совершает дела...» [16]. И. Брянчанинов писал, что разгорячив воображение и плоть, «человек делается очень способным к усиленному посту и бдению» [14, с. 266, 294]. Описывая это состояние, он писал, что «находящийся в самообольщении не ест, не пьет, не спит, зимою ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкою наглостью, без всякой правильности, без толку и смысла, с кровяным, вещественным, страстным разгорячением, и по причине этого горестного, губительного разгорячения. Святой, да и только!» [14, с. 271–272]. Началом прелести, констатирует святитель, является гордость, а плодом ее – преизобильная гордость [14, с. 268].

Матвей, подобно падшему ангелу, «возмечтал в гордыне своей до невероятия» и стал думать о том, «как бы свою церковь устроить». Когда Осип Варламыч, один из персонажей повести, будет вразумлять Матвея, это «до невероятия» он обозначит дважды как «сверх обыкновения». Чехов, вероятно, хотел обратить внимание на превышение меры в религиозной жизни и на его последствия.

Здесь уместно будет вспомнить наказ Василия Великого, обращенный не только к монахам, но и к неофитам: «Всякому деланию должно предшествовать рассуждение: без рассуждения и благое дело обращается в злое по безвременности и неумеренности» [15, с. 258–259]. Без рассуждения Матвей определил для себя «время и меру». Такими действиями он и многие другие, «поддавшись рвению неразумной ревности и в своих самоумерщвлениях преступая за меру соб-

ственных своих сил, пропали в своих измышлениях подвижнических и сделались посмешищем злых демонов!» [16]. Соорудив собственную молельную, Матвей стал держаться «устава святой Афонской горы» и «желал быть угоднее монахов», налагал на себя дополнительный труд. Молился Матвей, собственно, как и его братец Яков, «со слезами и со воздыханием, воздевая руки...» [9, с. 149]. Подобная излишняя чувственность во время молитвы строго запрещается в аскетической традиции [14, с. 261–262].

В лице Матвея мы видим безрассудное стремление к жизни, превосходящей отшельническую строгость. От подобного предостерегал православный святой, основатель скитского жительства на Руси, Нил Сорский, говоря, что «такое стремление почти всегда появляется у личностей, не понимающих ни себя, ни монашества: потому-то преткновения и самообольщения при этом роде жизни случаются самые тяжкие. Если монахам воспрещается <...> тем более воспрещается оно мирянам!» [15, с. 259]. То, что возможно монахам, – истинное послушание и совершенное отсечение своей воли и разума, «отнюдь не возможно стяжать мирским людям» [15, с. 260]. Святые отцы утверждают, что если живущие в миру, даже после прочтения святоотеческих книг, подробно описывающих подвиг Иисусовой молитвы, без послушания «понудятся на молитву», то им «предстоит опасность впадения в какую-либо прелесть, приключающуюся начинающим самочинно подвиг этой молитвы» [15, с. 261]. То же можно сказать об образе жизни в миру, подобному монашескому. К сожалению, в нынешнее время возрождения православия в России в подобную духовную ловушку попадают очень многие неопиты.

Также святыми отцами уже давно отмечено, что «усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разжжены прельщенные» [14, с. 273]. Виднейшие христианские еретики известны своим развратным поведением: «Аполлинарий имел прелюбодейную связь <...> Арий был развратен до невероятности» [11, с. 24]. У Чехова читаем: «... известно, как только заведется какой раскол и лжеучение, то от женского пола отбоя нет <...> в диком беспамятстве впал я в блуд» [8, с. 149–150]. П. Ганнушкин писал: «религиозный экстаз представлен характером чувственности <...> в силу естественного психологического состояния, которому обычно подвластна чрезмерная религиозность» [17]. Такое поведение наблюдается в большинстве религиозных сект. Психиатр пишет о николетах, адамистах, пикар-

дистах, секте «баб» и российской секте «хлыстов», «члены которой во время их религиозных церемоний, называемых “радения”, впадают в экстаз, в котором они предаются необузданному разврату» [17]. Этому разврату не миновали Матвей и уверовавшие в его святость. Гиперрелигиозность Матвея и его последователей привела к тому, что они «взбесились» и, очевидно, в состоянии сильной экзальтации, перешедшей в иступление, впали в блуд: результатом этой «связи» стал ребенок, который, в итоге, умер.

Жизнь Матвея имела эффект не только внутренний (духовная прелесть), но и внешний: около него возникла «референтная группа», порождающая множество мифов о его святости. Более того, Матвея стали почитать святым в городе и приезжать к нему «за утешением». Важно подчеркнуть, что подобная рискованная религиозность заражает других и быстро распространяется. Это нам показывает и Чехов. По словам жандарма, одного из персонажей рассказа, жизнь Матвея до его духовного отречения – это молоканство. В поведении Матвея присутствовали все признаки безумства адептов сект молокан и хлыстов, о которых писатель упомянул в рассказе. Интересно и то, что Чехов «сообщает» о многих случаях гиперрелигиозности в России устами Матвея: «... как только говорят, что вот в городе или деревне завелся, мол, святой, по неделям не ест и свои уставы заводит, то уж я понимаю, чьи тут дела...» [9, с. 152].

Подтверждением слов Чехова служат труды В. Бехтерева, С. Корсакова и др., которые приводят множество примеров подобных патологических типов религиозной жизни. Бехтерев пишет о Василии Д., Осипе Потапкине, Кондрате Малёваном и др. Мельников-Печерский писал о Даниле Филипповиче – основателе секты хлыстов, ученике Капитона, лидера «лесных старцев» [18, 19]; Г. Успенский о Парамоне, монахе Ферапонте. Биограф Чехова А. Измайлов, анализируя рассказ «Убийство», заметил, что Чехов «верно подметил черту русского религиозного порыва, бросающего нашего простеца в штунду и хлыстовство, и оплакал бесплодную его гибель» [20].

Такие религиозные порывы являются следствием «неверного религиозного акта» (И. Ильин), неверного понимания и осуществления религиозной жизни в целом. Поиск ощущений и чудес, самочинные подвиги аскетизма и остальные безрассудные действия, пренебрегающие важностью построения верного религиозного опыта вне духовно-аскетического метода, могут, а чаще всего приводят к трагическим последствиям в жизни верующего и его окружения. Если бы многие старались идти святоотеческим

умеренным путем – верно следовать традиции, они бы сами достигли подлинной святости, ведь, по верному замечанию Б. Вышеславцева, «истинная религиозная жизнь противоположна всякому неврозу и психозу, и святые суть самые здоровые люди, обладавшие во всей полноте “функцией реальности”» [21].

Матвей, в итоге, казалось бы, был чудесным образом исцелен от лжесвятости, но нам не известно, сколько душ он успел загубить своей гиперрелигиозностью. Он сам мог сойти с ума или покончить жизнь самоубийством. Подобная участь могла постигнуть и каждого из его последователей. Однако вместо жизненно необходимых для верующего человека смирения и трезвения Матвей обрел лжесмирение и ложное трезвение. С высоты своего падения он регулярно обличал своих родичей: «образумьтесь», «покайтесь», «уймитесь». За мгновение до смерти горделивая основа обличений Матвея открылась в его словах, обращенных к брату Якову: «Братец, уймитесь! Вас обуяла гордость бесовская! <...> Вы <...> богоотступник и еретик. Бесы окаянные заслонили от вас истинный свет, ваша молитва не угодна Богу. Покайтесь, пока не поздно! Смерть грешника люта. Покайтесь, братец!» [9, с. 176]. Эти же слова должны были быть обращены и к самому Матвею, к его собственной «бесовской гордости». Но лжедуховность, гордыня, по сути, и стали причиной его преждевременной смерти.

Остальных героев этого рассказа осудили на многие годы каторжных работ. После убийства брата, во время судебных тяжб, Яков «не имел уже никакой веры, ничего не знал и не понимал, а прежняя вера была ему теперь противна и казалась неразумной, темной» [9, с. 184]. Годы спустя, нагнадевшись на страдания других людей в тюрьме, Яков снова «стал возноситься к богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи. Всё уже он знал и понимал, где бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого...» [9, с. 188–189].

Обращение к рассказу А. Чехова является напоминанием о том, что «умеренность, воздержание, рассуждение, своевременность, постепенность полезны всем и во всем» (Севастиан Карагандинский). Этим принципом чрезвычайно опасно пренебрегать в духовной жизни.

В заключение статьи предлагаем следующие определения гиперрелигиозности. Гиперрелигиозность с точки зрения психиатрического и

психоневрологического подходов – это болезненное восприятие роли религии и Бога в собственной жизни; она проявляет себя в таких феноменах как: религиозный фанатизм, религиозное помешательство (*raganoia religiosa*), религиозный энтузиазм, галлюцинации, экстаз, мистический бред, психическая эпидемия. Гиперрелигиозность последователей неопятидесятнических и некоторых неохристианских объединений представляет собой квазирелигиозный процесс симуляции и иллюзорной интенсификации традиционной молитвы посредством гипнотических манипуляций.

Гиперрелигиозность с точки зрения святоотеческой традиции представляет собой феномен «ревности не по разуму», источниками которой являются самомнение и гордость (прелесть). Так обозначаются различные отклонения от здоровой религиозности, приводящие религиозного энтузиаста (чаще всего неопфита) к обманчивой святости. В этом смысле гиперрелигиозность – это аномальное духовное состояние, которое является следствием усиленного телесно-душевного порыва к достижению тех духовных высот, которые требуют продолжительного времени и духовно верного религиозного метода. И поскольку «самость и самочиние» преобладают в жизни тех, кто занимается «исключительно усиленным телесным подвигом» [14, с. 248], постольку гиперрелигиозность есть самостная религиозность.

Гиперрелигиозность с точки зрения социального и религиозно-философского подходов представляет собой такую интенсификацию в религиозной жизни, которая переизбытком своего качества переходит в псевдорелигиозность (преступая меру, переходит в свою противоположность) – рискогенную религиозность. Это касается, прежде всего, верующих традиционных религий. Так, гиперрелигиозное сознание, в первую очередь, присуще религиозным фундаменталистам, квазирелигиозным верующим и неопфитам. Религиозный фанатизм – это крайняя форма гиперрелигиозности.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Киев, 2009. 1536 с.
2. *Мень А.* Библиологический словарь : в 3 т. М., 2002. URL: <http://www.alexandrmen.ru/books/dict/16-r.pdf> (дата обращения: 27.08.2016).
3. *Булгаков С. Н.* Чехов как мыслитель. М., 1910. 47 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10072121> (дата обращения: 27.08.2016).
4. *Шмеман А.* Только Чехов не проглядел русского священника. URL: <http://www.pravmir.ru/protopresviter->

- aleksandr-shmeman-tolko-chehov-ne-proglyadel-russkogo-svyashchennika/ (дата обращения: 27.08.2016).
5. Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=242> (дата обращения: 27.08.2016).
 6. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 2 мая 1897 г., Мелихово // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1978. Т. 6. С. 349–350.
 7. Лукьяненко К. А. Соціальні норма і патологія гіперрелігійності: підступи до теми // Філософські дослідження : зб. наук. праць Східноукраїнського національного університету ім. Володимира Даля. Луганськ, 2011. Вип. № 14. С. 291–300.
 8. Лукьяненко К. А. Факторы возникновения гиперрелигиозности гибридной топики прелести // Гілея: наук. вісн. : зб. наук. пр. Київ, 2013. Вип. 71 (№ 4). С. 646–652.
 9. Чехов А. П. Убийство : рассказы. М., 2012. 192 с.
 10. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. М., 1993. Т. 1. 448 с.
 11. Брянцинов И. Избранные творения : в 2 т. М., 2014. Т. II. 537 с.
 12. Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, 1997. 224 с.
 13. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий : их статика, динамика, систематика. URL: <http://drlev.ru/book/gannushkin.pdf> (дата обращения: 27.08.2016).
 14. Брянцинов И. Собр. соч. : в 7 т. М., 2011. Т. 1. 672 с.
 15. Брянцинов И. Избр. творения : в 2 т. М., 2014. Т. I. 604 с.
 16. Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 4-е изд. М. ; СПб. 2000. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/bran1/Main.htm> (дата обращения: 28.08.2016).
 17. Ганнушкин П. Б. Избр. тр. Сладострастие, жестокость и религия / под ред. О. В. Кербилова. Ростов н/Д, 1998. С. 269–290.
 18. Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч. : в 8 т. М., 1976. Т. 7. 431 с.
 19. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2009. 288 с.
 20. Измайлов А. А. Вера или неверие. URL: http://az.lib.ru/i/izmajlow_a_a/text_0040.shtml (дата обращения: 18.08.2016).
 21. Вышеславец Б. Религиозно-аскетическое значение невроза // Путь. 1925. № 5. С. 128–130. URL: <http://www.odinblago.ru/path/5/15/> (дата обращения: 21.08.2016).

Образец для цитирования:

Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 32–39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39.

Risk-Producing Potential of Hyperreligiosity (by the Example of Anton Chekhov's Story «The Murder»)

K. A. Lukyanenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: dakos@inbox.ru

To the question of revival of religious faith in contemporary Russia the scientific community pays big attention on finding methodological possibilities of protection against all kinds of destructive cults and sects. However, little attention is paid to the development of a healthy religious experience within the traditional religions, particularly Orthodoxy. One of the real problems is hyperreligiosity. The term hyperreligiosity was born in the bosom of psychiatry, as an unofficial diagnosis that doctors put almost every believer that was treated in the clinic. However hyperreligiosity studies go far beyond the psychiatric practice, this – the scope of the phenomenology of religious experience, the area where the psychiatric knowledge loses its competence. Orthodox tradition knows this problem for many centuries, its phenomenological origins she sees in the intentional or unintentional avoidance of the believer from many centuries known spiritual and ascetic experience – as a true religious method of person ascent to holiness. One of the main reasons is, first of all, unauthorized intensification of religious life. The Chekhov's story «The Murder»

helps to see the underside of the spiritual life, to follow the dynamics of occurrence of hyperreligiosity and its risk-taking potential.

Key words: hyperreligiosity, risk-producing religiosity, excessive religiosity, religious experience, delusion, sectarianism, split, fanaticism.

References

1. Bibliya. Knigi Svyaschennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta (Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament). Kiev, 2009. 1536 p.
2. Men A. *Bibliologicheskij slovar*: v 3 t. (Bibliological dictionary: in 3 vol.). Moscow, 2002. Available at: <http://www.alexandrmn.ru/boooks/dict/16-r.pdf> (accessed 27 August 2016).
3. Bulgakov S. N. *Chekhov kak myslitel* (Chekhov as a thinker). Moscow, 1910. 47 p. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10072121> (accessed 27 August 2016).
4. Shmeman A. *Tolko Chekhov ne proglyadel russkogo svyashchennika* (Only Chekhov not overlooked Russian priest). Available at: <http://www.pravmir.ru/protopresviter-aleksandr-shmeman-tolko-chehov-ne-proglyadel-russkogo-svyashchennika/> (accessed 27 August 2016).
5. Melekhov D. E. *Psikhiatriya i problemy dukhovnoy zhizni* (Psychiatry and problems of spiritual life).

- Available at: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=242> (accessed 27 August 2016).
6. Chekhov A. P. Pismo Suvorinu A. S. (Letter to Suvorin A. S.), 2 May 1897, Melikhovo. Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* (Complete works and letters: in 30 vol.). Moscow, 1978, vol. 6, pp. 349–350.
 7. Lukyanenko K. A. Sotsialni norma i patalogiya giperreligiyosti: pidstupi do temi (Social norms and pathology of hyperreligiosity: the approaches to the topic). *Filosofski dostidgenyya: zb. nauk. pr. Shidnoukrainskogo natsionalnogo universytetu imeni Volodymyra Dalya*. Vip. 14 (Philosophical Investigations: Proceedings of East Ukrainian National University named after Vladimir Dal'). Lugansk, 2011, iss. 14, pp. 291–300.
 8. Lukyanenko K. A. Faktory vzniknoveniya giperreligioznosti gibridnoy topiki prelesti (Factors of occurrence of hyperreligiosity of hybrid topics of delusion). *Gileya: nauk. visn.: zb. nauk. pr.* (Gilea: Scientific Bulletin: Collection of science works National pedagogical University named after M. P. Dragomanov). Kyiv, 2013, vol. 71, no. 4, pp. 646–652.
 9. Chekhov A. P. *Ubyystvo: rasskazy* (The Murder: stories). Moscow, 2012. 192 p.
 10. Ilyin I. A. *Aksiomy religioznogo opyta: v 2 t.* (Axioms of religious experience: in 2 vol.). Moscow, 1993, vol. 1. 448 p.
 11. Bryanchaninov I. *Izbr. tvoreniya: v 2 t.* (Selected works: in 2 vol.). Moscow, 2014, vol. 2. 537 p.
 12. Sobennikov A. S. «*Mezhdu "est Bog" i "net Boga" ...*» (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A. P. Chekhova) («Between “God exists” and “there is no God” ...») {about religious and philosophical traditions in the creation of A. P. Chekhov}). Irkutsk, 1997. 224 p.
 13. Gannushkin P.B. *Klinika psihopatiy: ikh statika, dinamika, sistematika* (Clinic of psychopathy: their statics, dynamics, systematics). Available at: <http://drlev.ru/book/gannushkin.pdf> (accessed 27 August 2016).
 14. Bryanchaninov I. *Sobr. soch.: v 7 t.* (Collected works: in 7 vol.). Moscow, 2011. Vol. 1. 672 p.
 15. Bryanchaninov I. *Izbr. tvoreniya: v 2 t.* (Selected works: in 2 vol.) Moscow, 2014, vol. 1. 604 p.
 16. *Nevidimaya bran. Blazhennoy pamyati startsa Nikodima Svyatogortsa* (Unseen Warfare. Blessed memory of the elder Nicodemus of the Holy Mountain). St. Petersburg; Moscow, 2000. Available at: <http://www.wco.ru/biblio/books/bran1/Main.htm> (accessed 28 August 2016).
 17. Gannushkin P.B. *Izbr. trudy. Sladostrastie, zhestokost i religiya* (Selected works. Sensuality, violence and religion). Ed. by O. V. Kerbikov. Rostov-on-Don, 1998, pp. 269–290.
 18. Melnikov-Pecherskiy P. I. (Andrey Pecherskiy). *Sobr. soch.: v 8 t.* (Collected Works: in 8 vol.) Moscow, 1976, vol. 7. 431 p.
 19. Bekhterev V. M. *Vnushenie i ego rol v obshchestvennoy zhizni* (Suggestion and its role in public life). St. Petersburg, 2009. 288 p.
 20. Izmailov A. A. «*Vera ili neverie*» («Belief or disbelief»). Available at: http://az.lib.ru/i/izmajlow_a_a/text_0040.shtml (accessed 18 August 2016).
 21. Vysheslavtsev B. Religiozno-asketicheskoye znachenie nevroza (The religious-ascetic value of neurosis). *Put* (Way), 1925, no. 5, pp. 128–130. Available at: <http://www.odinblago.ru/path/5/15/> (accessed 21 August 2016).

Cite this article as:

Lukyanenko K. A. Risk-Producing Potential of Hyperreligiosity (by the Example of Anton Chekhov's Story «The Murder»). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 32–39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39.

УДК 1 (091) (44):141.131

ЧЕЛОВЕК – ТЫ КТО? (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ)

Мокин Борис Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: boris.mokin2014@yandex.ru

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mil.ru

На исходе XX в. на Западе стали складываться контуры новой цивилизации, опирающейся на совершенно новые формы социальности, прибегающей к новым типам технологий, активно оперирующей информационными потоками. Не все родовые черты этой цивилизации установлены, хотя историко-философские исследования в этом направлении ведутся уже давно. Становление этой цивилизации вносит кардинальные изменения в нашу жизнь. Мощный поток трансформаций, затопляющих пространство складывающейся веками западной цивилизации, достиг каждой точки земной поверхности, ворвался в жизнь всех обществ, внес радикальные изменения в культурные основания бытия всего человечества. Эти трансформации затронули все пласты человеческой реальности, привели к появлению технически воспроизводимых типов виртуальной реальности, сказались на самой близкой человеку форме реальности – на его жизненном мире. В этих условиях перехода от индустриализма к постиндустриализму вопрос человеческого существования остается весьма актуальным.

Ключевые слова: история западной философии, антропологический кризис, организационная концепция в философии, общество потребления, западная цивилизация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-40-46

В условиях кризиса в обществе с особой остротой начинают обсуждаться вопросы фундаментального характера: по тому ли мы пути идем, когда речь идет о нашей стране, и о сущности человека вообще. Причем это относится не к отдельным лицам, наделенным критическим взглядом: в обществе создается духовная атмосфера, питающая мысль большинства и касающаяся проблем, о которых в обычное время не слишком задумывались: человек – кто ты? Но, несмотря на динамику общественной мысли, в ее обсуждении мало что прибавляется нового: как правило, новые аспекты сводятся к оценке тех шагов, которые предпринимаются органами власти в решении каких-либо конкретных проблем, особенно назревших и требующих

разрешения. Это процедуры совершенно необходимые, но они не выводят развитие страны на какой-то иной путь.

Разочаровавшись в возможности построения провозглашенного в свое время «зрелого социализма» и усилиях, направленных на перестройку, которые, в конечном счете, привели к утверждению рыночной экономики, элита общества «зависла», сосредоточившись на обсуждении пути «куда идем», причем предлагая противоположные оценки. Одна из них опирается на реальные факторы: наполнение магазинов разнообразной продукцией, о чем население страны «перестроечного» времени могло только мечтать; другие констатируют, что это изобилие недоступно многим. Эти оценки со стороны разных социальных групп требуют более объективного исследования, чтобы сдвинуться с уровня «мнения» на уровень «обоснования». Мнения же могут преодолевать на пути отрицания субъективных, односторонних интересов отдельных социальных групп во имя блага всей страны.

Сложность этого процесса начинается с того, что при анализе такой самоорганизующейся системы, как общество сталкиваются два диаметрально противоположных фактора: сознательный характер деятельности людей и стихийность возникновения итоговых результатов при столкновении разнонаправленных усилий. Из-за догматического подхода власти в нашей стране к марксистской теории переосмыслить некоторые фундаментальные идеи было невозможно, что и привело, в конечном счете, к определенной утрате актуальности этой теории. С учетом накопленного опыта для определения пути, по которому должно развиваться наше общество, следует обратиться к теории самоорганизации, методологический подход которой связан не только с учетом интересов разных социальных слоев населения, но и с выявлением той фундаментальной основы, которая сохраняется в обществе в любых условиях. Важную роль при этом играет методология анализа европейской культуры, которую дал Ф. Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки», ибо те проблемы, которые существуют в культуре современной Европы, возникли еще при разрушении древней досократической культуры Древней Греции.

Иначе говоря, для понимания развития культуры необходимо обращаться (или возвращаться) к первоосновам.

В осмыслении же проблем современного общества следует исходить из тех организующих начал, которые сформировали и человека, и общество в целом. Здесь обнаруживаются очевидные факты, которые не теряют своего основополагающего значения, выраженного в формуле Ф. Энгельса «труд создал человека». Он сформулировал её, базируясь на результатах исследований выдающегося этнографа Л. Г. Моргана, научно обосновавшего идею о роли орудийной деятельности в формировании человека [1, с. 34]. А труд – фактор многогранный, соединяющий и материальные, и духовные начала. Первое, что следует выделить: у мыслящего существа есть естественные, биологические потребности, которые в дальнейшем дополняются. Если бы их не было, человек перестал бы развиваться, оставшись на стадии потребительства – от биологического потребления до современного его понимания. Второе, на что следует обратить внимание: даже биологическое потребление у предчеловека предполагало переход от приспособительного существования, свойственного животным, к преобразующему отношению к окружающей среде.

Даже простейший труд – это единство знания и практического действия, в котором мысль организует деятельность на основе знания, зафиксированного в знаках, начиная с движений и звуков, а затем – слов и словосочетаний. В кибернетических системах организующим началом является программа, заложенная человеком; у человека таким началом является мыслительная деятельность как единство идеального (чувственных и рациональных образов) и материального, существующего в виде различных знаков – языка. Это относится как к деятельности индивида, так и общества в целом, поэтому анализ взаимосвязи мысли, сознания и деятельности как у индивида, так и у общества следует осуществлять не на гносеологическом, онтологическом уровнях или в пространстве социальной философии, а в организационном аспекте, включающем указанные уровни, но не сводимом к ним.

Исследование самоорганизации как философской проблемы осуществлено А. Богдановым в его книге «Всеобщая организационная наука (Тектология)» в самом начале 1920-х гг. Этот подход использовал уже Г. Спенсер, убежденный в том, что в процессе развития главное место занимает равновесие: важнейшее состояние системы – ее устойчивость, в отличие от гегелевской и марксистской точек зрения, утверждающих в

качестве определяющего фактора развития борьбу противоположностей. Эта же идея нашла свое выражение и в рефлексиях Ницше, наделяющего жизнь аполлоническим духом упорядоченности, оформленности, правил, выраженных в понятиях, наряду с дионисическим началом, воплощающим свободную игру жизненных сил. Сама идея выделения и противопоставления этих начал является фактическим использованием Ницше организационного подхода в исследовании такого сложного объекта его философии, как жизнь. Большой вклад в развитие организационного подхода был внесен синергетикой как общенаучной концепцией, рассматривающей процесс возникновения систем с точки зрения их самоорганизации [2].

Организационный подход важен и в исследовании человека как «причуды вселенной» (если воспользоваться выражением Э. Фромма), не приспособляющейся к окружающим условиям, а преобразующей их. Основой этой причуды является формирование мысли как единства знания (гносеологический подход) с выявлением организующего начала. Поэтому важно задаться вопросом: человек – ты кто? М. Хайдеггер в своей фундаментальной онтологии на него ответил: человек как особое сущее это тот, чье бытие осуществляется в пространстве «бытия ктойнойностью», что подчеркивает его принципиально важную идею о том, что Я – это духовное сущее, по отношению к которому невозможно употреблять «что». «Я, – подчеркивает Хайдеггер, – это не вещь, но личность» [3, с. 188].

Человека как особое сущее Хайдеггер наделяет понятием *Dasein* (термин во всей его сложности непередадим с немецкого одним словом), и ему стремление быть не дается как автоматическая способность. *Dasein* должно прилагать значительные усилия, чтобы быть человеком, поскольку он способен экзистировать, т.е. вступать в осмысленность именно как человек к окружающему миру. Экзистирование бывает подлинным и неподлинным, так как *Dasein* может понимать себя из своих возможностей и открывать себе свой мир, свое бытие, но может осуществляться из «других», тех, кто входит в окружающий его мир. Исходя из повседневного способа бытия, эти «другие» выступают как некая усредненность человека вообще, выражаемая Хайдеггером неологизмом *das Man*: «Мы наслаждаемся, веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят» [4, с. 126–127]. Такой человек, находясь под определяющим влиянием других, обезличивает себя, полагая при этом, что его поведение самостоятельно. Опасность тако-

го способа бытия Dasein в том, что это отучает индивида от собственного понимания и себя, и окружающего сущего: он привыкает к этому способу существования, становясь все более «машинизированным» субъектом и познания, и действия. По Хайдеггеру, подобное опасное явление преодолевается наличием в психике человека организующего начала самости, образующей ядро его Я. Функция самости заключается в собственном сохранении Dasein, т.е. существа мыслящего, способного «быть-ктойностью».

Еще более сложная картина взаимодействия человека с миром с точки зрения самоорганизации предстает в исследованиях Р. Барта. Освоение индивидом культуры осуществляется, с его точки зрения, не на основе познания как своего рода копирования, а путем формирования такой картины знаний, воплощающей культуру, которая осуществляется в результате наложения друг на друга различного рода «произведений» (в широком смысле слова) и фиксации памяти фрагментов самой действительности, в том числе и мнений других людей, образуя некую целостную и динамичную «картину» существующей культуры, выраженной Бартом в понятии «Текст». Текст как культурный код, как пишет Барт, «осколки чего-то, что было уже читано, видено, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [5, с. 66]. Барт сравнивает текст с бездонным небосводом, где культурные коды «суть не что иное, как цитации – извлечения из какого-либо знания, человеческой мудрости» [5, с. 65]. «Текст» – это результирующий итог освоения субъектом культуры, которая включает в себя и обобщающие понятия, идеи, принципы, познавательные установки, и вместе с тем некоторые конкретные выражения, буквально цитаты знаменитых авторов или героев, типа: «Быть или не быть?». Методологическая значимость хранения информации как итогов взаимодействия индивида с действительностью в его познавательной деятельности в виде многоуровневого Текста позволяет ему избавиться от машинообразного буквального способа фиксации знания, дающего человеческой мысли колоссальное преимущество перед машинной организацией хранения, обработки и использования получаемой информации.

Кроме того, Р. Барт обращает внимание и на методологическую значимость Текста в другом аспекте: у индивида возникает возможность преодоления власти конкретного произведения на познающего субъекта, власти в виде «притягивающей любви». Читатель, утверждает Барт, «испытывает чувство любви к произведению <...> Читать – значит желать произведение, же-

вать превратиться в него, это значит отказаться от всякой попытки продублировать произведение на любом другом языке помимо языка самого произведения: единственная, навеки данная форма комментария, на которую способен читатель как таковой, – это подражание» [6, с. 373–374]. Наличие же в голове субъекта Текста утверждает творческую свободу как равноправие культурных «голосов»: в пространстве Текста оказываются несостоятельными претензии любого культурного топоса на какую-либо приоритетность в нем. Поэтому знания индивида, существующие в форме Текста, позволяя быть свободным от подражания, дают ему возможность быть свободным в созидании собственной мысли.

Таким образом, самоорганизация мыслительного процесса у Барта связана со структуризацией познавательного процесса и фиксацией знания не только в виде понятий, идей, принципов, но и в многоуровневой форме текста, образующейся в наложении нового знания на уже существующие. Такая форма бытия знания устойчива и в то же время динамична в силу ее открытости для внешнего мира, для нового знания о нем. Без равноправия культурных голосов вообще невозможно развитие мысли; засилие каких-то идей в общественном сознании не менее опасно, чем их дублирование в познавательном процессе, что и случилось с марксистской теорией в нашей стране, когда из идеологических и политических соображений утверждались – вслед за Марксом и Энгельсом – очевидные (для настоящего времени) несоответствия теоретических идей и реальной жизни: в частности, в вопросе о разделении труда, который, в противовес утопическим социалистам и Прудону, рассматривавшими его как процесс вечного разделения, Маркс оценивал однозначно, утверждая, что разделение труда калечит рабочего, превращая его в «частичного человека». «Настанет время, – писал Энгельс, – когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии, и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку <...> Хорош был бы социализм, – резюмирует Маркс, – увековечивающий профессию тачечников» [7, с. 206]. И нельзя не согласиться с Т. И. Ойзерманом, признавшим утопичность такого утверждения [8, с. 11].

Не менее утопичны и идеи Энгельса о том, что благодаря социалистическому переустройству общества экономические условия, господствующие над людьми, «подпадут под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повели-

телями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в обществе» [7, с. 227].

Эти положения свидетельствуют о том, что в самоорганизации общества определяющим фактором функционирования является мысль, мыслительная деятельность. И эффективность ее воздействия на развитие всей жизни общества будет прежде всего зависеть от того, насколько она верно определила всю совокупность происходящих процессов как в обществе в целом, так и в преломлении их в сознании индивида с учетом не только социально-политических факторов, но и биологических, поскольку конкретный человек – это единство социального и биологического. Марксистская же теория приоритет отдает социальному, что ведет к одностороннему анализу и общества, и самого человека.

Организационный подход позволяет учитывать биологический фактор, но не в качестве надстройки над социальным, а в их единстве, ибо такой компонент знания как инстинкт лежит у истоков и социального, если иметь в виду, что термин «знание» не сводится к рациональному знанию, выраженному в понятиях. Обобщающий смысл термина «знание» необходим для связи разных уровней отражения как всеобщего свойства животного мира – от физиологического механизма, чувственных образов до самых абстрактных форм отражения. К сожалению, плодотворная идея об опережающем отражении не пользуется в настоящее время вниманием. Не вступая в полемику о ее перспективности, обратимся именно к ней в аспекте ее использования в самоорганизующихся живых системах, а конкретно – в выяснении ее роли в процессе организации деятельности как отдельного человека, так и общества.

Что касается отдельного человека, то плодотворный материал можно найти в работах известного американского психолога, одного из основателей гуманистической психологии А. Маслоу, связывающего свои выводы с философскими основаниями. Он отмечает, что «специфическая особенность человеческого организма состоит в том, что в то время, когда в человеке доминирует определенная потребность, меняется вся его философия будущего» [9, с. 62].

Он рассматривает самоорганизацию человека в свете теории мотивации его деятельности, в основе которой находятся потребности, расположенные в иерархической зависимости. Самоорганизация начинается с физиологических потребностей (в воздухе, пище и воде), над которыми надстраиваются психологические. Чувство голода, отмечает Маслоу, «владеет со-

знанием почти безраздельно. Все силы начинают обслуживать удовлетворение потребностей в пище, и организация этих сил почти полностью определяется одной целью – утолением голода. Рецепторы и эффекторы, интеллект, память, привычки – все в данный момент представляет собой инструменты для утоления голода» [9, с. 61]. Это важнейший организующий компонент жизнедеятельности человека, центрирующий все его ресурсы – биологические и интеллектуальные – на сохранение его жизни.

Не менее важен для человека и другой организационный фактор: «Как только удовлетворяется одно желание, – пишет Маслоу, – тут же его место занимает другое» [9, с. 51]. Это обстоятельство определяет динамизм поведения индивида и обеспечивает его способность к развитию. Удовлетворение физиологических потребностей открывает путь к утверждению высших потребностей. Таким образом, утопические идеи о светлом будущем человечества предполагают, прежде всего, материальную обеспеченность высокого уровня, в связи с чем Маслоу замечает: «Для нашего хронически и до крайней степени голодного человека Утопия представляется всего лишь местом, где полно еды» [9, с. 62]. Отчетливо понимая эту особенность, Маркс говорил в «Капитале» о том, что капитализм понуждает человечество к созданию материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным её принципом является полное свободное развитие каждого, т.е. раскрытие высших потребностей человека как цели развития общества возможно только при наличии материальных условий высокого уровня, способных обеспечить капиталистическое производство.

С организационной точки зрения, прежде всего, следует определить фундаментальный фактор деятельности человека вообще, начиная с его становления и по настоящее время. Вывод тривиален: прежде чем что-либо осуществить, человек мысленно проектирует основные этапы того, что он хочет сделать, далеко не всегда в четко сформулированных понятиях. Но именно мысль является исходным организующим фактором деятельности, который, выражаясь по-гуссерлиански, не требует доказательств, он очевиден.

Мысль же, связанная с сознанием в целом и подсознательными компонентами психики, проявляет себя прежде всего в желании, которое и фиксирует, так или иначе осознает индивид. И здесь следует вернуться к идеям Маслоу, исследовавшего мотивацию человеческой деятельности. Он отмечает, что «отличительной чертой

человека на протяжении всей его жизни является то, что он непрерывно чего-то желает» [9, с. 51]. Существенно то, что удовлетворение желания порождает новое. Эту же тему рассматривает французский философ Ж. Делёз. В работе «Капитализм и шизофрения», написанной совместно с Ф. Гваттари, он обращает внимание на очень важный для этого психологического явления аспект, а именно – на производящий фактор желания. «Желание, – пишут Делёз и Гваттари, – охватывает жизнь своей производящей способностью» [10, с. 51].

Абстрагируясь от конкретного субъекта, французские философы предлагают понятие «машинерия», наглядно выражающее картину человеческого организма как «желающей машины». Эта метафору Делёз и Гваттари распространяют и на общество в его конкретной форме – капитализм, который подобно шизофренику открывает все шлюзы потоков желания. Это позволяет философам сделать важный вывод относительно капитализма: в истории развития общества вместе с появлением буржуазии у производства изменяется его цель: не производство предметов потребления, а производство для производства, единственная цель которого – это «абстрактное богатство и его реализация в формах, отличных от потребления» [10, с. 400]. Аналогом этого общества является человек-шизофреник, психика которого – поток желаний, ничем не ограниченный. Такой человек соответствует капиталистическому обществу, в котором «все является производством: производствами производств, действий и страстей <...> распределения и ограничения; производствами потреблений, наслаждений, тревог и страданий» [10, с. 16]. При этом мыслительная деятельность как организующее начало, которое реализуется, по Маслоу, в соответствии с принципом «удовлетворенной потребности», порождая новую потребность более высокого уровня», сменяется другим организующим фактором, в соответствии с которым доминирующие желания порождаются не жизнеобеспечивающими потребностями, а фантомом «желающих машин», когда общество навязывает индивиду желания, чуждые человеку мыслящему, о чем убедительно повествует французский философ Ж. Бодрийяр.

Объектом его внимания становится тип общества, названный Дж. К. Гелбрайт обществом изобилия, в котором индивид «потребляет с излишком», когда изобилие продукции сняло проблему физиологических потребностей. Производство теперь работает не на удовлетворение жизненных потребностей, а на их статусную составляющую. Бодрийяр назвал этот феномен

«символическое потребление». В обществе изобилия потребление вещей не ограничивается их использованием по прямому назначению в соответствии с их потребительной стоимостью. Оно становится знаком надуманно желаемой действительности, например, считать себя повелителем времени, окружив свой быт старинной мебелью и такой же архитектурой. Бодрийяр, опираясь на идеи Делёза о воссоздании платоновского понятия *simulacrum*, означающего у античного философа процесс создания «копии копий», как подражание идеальной модели оригиналу – эйдосу, предложил историческую схему симулякров: подделка – машинное производство – симуляция. Симулякр-«подделка» возникает в период становления буржуазного общества как выражение принципа состязательности: если у него есть, то должно быть и у меня. Утвердившееся машинное производство обеспечивает неотличимость вещей, что сказывается и на неотличимости их производителей. «При серийном производстве, – пишет Бодрийяр, – вещи без конца становятся симулякрами друг друга, а вместе с ними и люди, которые их производят» [11, с. 122]. Так что сегодня вся реальность – политическая, социальная, экономическая – изначально включает в себя симулятивный аспект человеческого воображения, и «вся реальность сделалась игрой в реальность» [11, с. 152].

С возникновением компьютерной техники появилась возможность создания искусственной реальности – виртуальной, в которой у человека легко может возникнуть ощущение единства с ней, что существенно влияет и на характер мышления. Мысль индивида, организующая его деятельность, подвергается, помимо идеологического и социально-политического факторов, постоянному воздействию. Человек начинает жить в том мире, который определяет ему вездесущая реклама, организуемая производящими корпорациями и дополняемая идеологическими идеями, удобными для этих корпораций. А срастание экономической реальности с идеологическими установками в обществе, достигшем высокого уровня обеспеченности материальными средствами, конкуренция из сферы производства перемещается в сферу потребления, ориентированную на развлекательность и потому легко воспринимаемую индивидом. Интеллектуальные потребности, которые должны были бы, по А. Маслоу, исследовавшего человека еще до стадии изобилия, требовать своего удовлетворения, остаются нераскрытыми или направленными на «освоение» иллюзорного, но заманчивого виртуального мира. Образ жизни такого индивида трансформируется от продуктивного направления

его деятельности, сутью которой является главный принцип человеческого бытия – труд создал человека, к развлекательному, потребительскому.

Это не означает деградации всего человечества, ибо всегда останутся люди, ориентированные на реализацию своих продуктивных способностей, таких как смысл и цель бытия, о чём, по нашему мнению, справедливо заявил Э. Фромм: только продуктивная ориентация – интеллект и любовь – достойны бытия человека [12, с. 282]. Следовательно, индивиду необходимо приложить интеллектуальные усилия, чтобы в условиях тотальной рекламы потребительского бытия он не оказался в плену этого образа жизни и не отказался от самого себя, от своей мысли, которая и организует всю его деятельность. Жить не как все (*das Man*), о чем говорил Хайдеггер, и не по образу рекламного существования, а жизнью, наполненной творческими усилиями, во многом зависит и от самого человека, его напряженных усилий, достойных бытия-ктойностью.

В этом и заключается суть ответа на вопрос: человек – ты кто? Бытие-ктойностью предполагает прежде всего духовное бытие, а не погоню за материальными благами, но и не существование на грани «как-бы-выжить». Наша страна не относится к «обществам изобилия», но в ней есть немало людей, особенно в крупных городах, для которых такое бытие – реальность, но редко кто из них живет бытием-ктойностью. Духовное бытие далеко не сводится к рациональному, тем более что духовное бытие включает в себя не только его. Поэтому выбор пути, по которому следовало бы трансформировать наше общество, должен осуществляться с учетом этих обстоятельств, дабы возможно было реализовать суть главного закона РФ: наше государство – социальное, т.е. отражающее интересы народа, а не желания и устремления олигархов, для которых социальная направленность жизнедеятельности общества – лишь ширма. Для этого надо, прежде всего, сме-

нить основную организующую идею: в социально ориентированном обществе определяющей основой является, очевидно, не та экономика, которая нацелена на получение прибыли, а та, в основе которой лежит идея социальной справедливости, соответствующей и устремлениям народа, и его духу. В этом случае мысль, но уже не индивида, а общества окажется главным организующим началом, ориентированным на интересы народа, а следовательно, и всей страны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-33-12009 а(ц) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс».

Список литературы

1. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. 352 с.
2. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / пер с англ. М., 2006. 296 с.
3. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 446 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М., 1997. 452 с.
5. Барт Р. S/Z. М., 2009. 374 с.
6. Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М., 1961. Т. 20. 858 с.
8. Ойзерман Т. И. Марксистская идея социализма и реальный социализм // Вопр. философии. 2002. № 2. С. 3–13.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2011. 352 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990. 672 с.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. М., 2000. 387 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть. Киев, 1998. 395 с.

Образец для цитирования:

Мокин Б. И., Орлов М. О. Человек – ты кто? (Историко-философский анализ проблемы человека в аспекте организационной концепции) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 40–46. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-40-46.

The Man – Who are You? (Historical-Philosophical Analysis of Human Problems in the Aspect of the Organizational Concept)

M. O. Orlov, B. I. Mokin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: boris.mokin2014@yandex.ru, E-mail: orok-saratov@mil.ru

At the end of the twentieth century the contours of a new civilization has began to develop in the West, based on a completely new form of sociality using new types of technologies, actively operating information flows. Not all generic features of this civilization has been established though historical and philosophical studies in this direction have been done for a long time. It is absolutely clear that its establishment is making cardinal changes in our lives. A powerful stream of transformations flooding the space evolving over the centuries western civilization has reached each point of the earth's

surface, has burst into life of all societies, has brought about radical changes in the cultural basis of the existence of all mankind These transformations had affected all levels of human reality, had led to the appearance of technically reproduced types of virtual reality, had influenced the very close human form of reality – his life-world. In these conditions, which are characterized as the transition from industrialism to post-industrialism, the question of human existence is relevant.

Key words: history of western philosophy, anthropological crisis, organizational concept in philosophy, consumer society, western civilization.

Acknowledgements: Article is prepared with financial support RGNF, the project 15-33-12009 a (c) «Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse».

References

1. Morgan L. H. *Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. London, 1877. 352 p. (Russ. ed.: Morgan L. H. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linyi chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. Leningrad, 1935. 352 p.).
2. Prigogine I. *From being to becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences*. San Fransisko, 1980. 272 p. (Russ. ed.: Prigozhin I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu. Vremya i slozhnost v fizicheskikh naukakh*. Moscow, 2006. 296 p.).
3. Heidegger M. *Die Grundprobleme der Phanomenologie*. Klostermann, 1927. 473 S. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Osnovnye problem fenomenologii*. St. Petersburg, 2001. 446 p.).
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1967. 437 S. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytiye i vremya*. Moscow, 1997. 452 p.).
5. Barthes R. *S/Z*. Paris, 1970. 368 p. (Russ. ed.: Bart R. *S/Z*. Moscow, 2009. 374 p.).
6. Barthes R. *Izbr. raboty. Semiotika. Poetika* (Barthes R. *Selected works. Semiotics. Poetics*). Moscow, 1994. 616 p.
7. Engels F. *Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft. Zweite Auflage*. Zürich, 1886. 504 S. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. Moscow, 1961. Vol. 20. 858 p.).
8. Oyzerman T. I. *Marksistskaya ideya i realnyy sotsializm* (The Marxist idea of socialism and real socialism). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2002, no. 2, pp. 3–13.
9. Maslow A. H. *Motivation and personality*. New York, 1970. 336 p. (Russ. ed.: Maslov A. *Motivatsiya i lichnost*). St. Petersburg, 2011. 352 p.).
10. Deleuze J., Guattari F. *Capitalisme and schizoprenia. L'Anti-Edipe*. New York, 1977. 339 p. (Russ. ed.: Deleuze J., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya. Anti-Edip*. Moscow, 1990. 672 p.).
11. Baudrillard J. *L'Echange symbolique et la morte*. Paris, 1976. 352 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert*. Per. s fr. Moscow, 2000. 387 p.).
12. Fromm E. *Haben oder Sein*. Stugurt, 1976. 257 S. (Russ. ed.: Fromm E. *Imet ili byt*. Kiev, 1998. 395 p.).

Cite this article as:

Orlov M. O., Mokin B. I. The Man – Who are You? (Historical-Philosophical Analysis of Human Problems in the Aspect of the Organizational Concept). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 40–46. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-40-46.

УДК 392.81

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОЧЕРЕДНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Родин Евгений Олегович – аспирант кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: eu.rodin@yandex.ru

Статья посвящена осмыслению проблем человеческого существования в условиях надвигающейся технологической революции, которая приведет к изменению не только технологического уклада, но и социальных условий жизни. Рассматриваются наиболее значимые последствия для человека пяти предыдущих технологических революций – от промышленной революции конца XVIII в. до компьютерной революции конца XX в. Предлагается общая картина изменений в материально-технической и социальной жизни, которая будет определять характер человеческого бытия в следующие полвека. С позиций философского знания развивается позиция умеренного оптимизма, прогнозируется растущее число проблем, с которыми придется столкнуться людям в обозримом будущем.

Ключевые слова: технологическая революция, технологический уклад, социальные институты, человеческое существование.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-47-51

Экономисты, социологи и исследователи научно-технического прогресса в один голос утверждают, что человеческая цивилизация стоит перед лицом еще одной технологической революции, которая приведет к торжеству очередного, шестого технологического уклада, и это будет сопровождаться фундаментальными изменениями всех технико-экономических процессов, а также наложит серьезный отпечаток на существующие социальные институты [1–3]. В большинстве своем исследователи делают акцент на проблемах научно-технического и социально-экономического характера, тогда как антропологическая проблематика, как правило, оставляется ими без внимания.

Как изменится жизнь людей в обществе, где произойдут все эти перемены, связываемые с очередной технологической революцией и складыванием шестого технологического уклада? Как изменится человеческое существование и сама человеческая природа в связи с этими переменами? В статье планируется с позиций философского знания рассмотреть эти вопросы.

Согласно широко распространенным представлениям, подавляющее большинство человечества живет в условиях индустриального общества, формирование которого началось немногим более двух столетий назад. За это время материально-техническая основа общества, как

и его социально-экономические институты, претерпели, по крайней мере, пять серьезных изменений. Приблизительно в 1785 г. началась первая технологическая (промышленная) революция, которая привела к быстрому развитию текстильных фабрик и сети водного транспорта, первоначально в Великобритании; ведущими отраслями экономики стали текстильная промышленность и сельское хозяйство. Около 1835 г. началась вторая технологическая революция, сопровождавшаяся стремительным распространением железных дорог и мирового судоходства; началось быстрое развитие судостроения, паровозостроения, добывающих отраслей экономики. Этот период, часто именуемый «эпохой пара», около 1885 г. сменила «эра электричества». Быстро стали распространяться электрические средства связи, электроэнергетика и электротехническая промышленность. Кроме того, успешно развились химическая промышленность и производство стали.

Около 1935 г., спустя всего полвека после того, как был сконструирован двигатель внутреннего сгорания, началось массовое производство автомобилей и самолетов, началась «эра автотранспорта». При этом особое значение приобрели добыча и переработка нефти и синтетических материалов. Еще полвека спустя началось формирование пятого технологического уклада, начало которому дала компьютерная революция. Появились новые средства коммуникации, спутниковая связь, персональные компьютеры, компьютерные сети. Началась «эпоха Интернет». Кроме того, стремительно распространились микроэлектроника, информатика, атомная и аэрокосмическая промышленность, а также биотехнологии и генная инженерия животных.

По оценкам большинства экспертов, между 2030 и 2035 гг. произойдет очередная технологическая революция – информационная, которая приведет к установлению шестого технологического уклада, в рамках которого сформируется новая технологическая инфраструктура, ядром которой станут глобальные мультимедийные сети и новые средства транспорта, в первую очередь беспилотные. Начнется эпоха нетрадиционной и

космической энергетике, а материально-техническое развитие общества будет определяться распространением нанотехнологий, биотехнологий, информационных и других технологий.

Исследователи вопроса о влиянии технологического развития на судьбы общества часто ставили перед собой и вопрос о его социальных и моральных последствиях для человека. К. Маркс и Ф. Энгельс, руководствуясь принципами моральной философии, приводили многочисленные примеры губительного воздействия технического прогресса на население индустриальных стран, как в конце XVIII в., так и в середине XIX в. По их наблюдениям, начало использования машин в промышленности привело к удешевлению труда, деградации семейной жизни рабочего человека; началась эксплуатация дешевого детского и женского труда. В массе своей промышленный рабочий в Великобритании оставался грубым и невежественным, не умел читать и писать, имел многочисленные проблемы со здоровьем. Это касалось как рабочих на ткацких фабриках, так и сезонных, строящих железные дороги [4, 5].

Жизнь людей в индустриальных обществах XIX в. в массе своей была тягостным существованием. Труд рабочих почти ничего не стоил, а их морально-культурный облик рисовался большинству образованных людей жалким и достойным лишь сострадания. Критический взгляд, заданный Марксом и Энгельсом на социальное устройство периода первой и второй технологических революций, был усвоен многими их приверженцами и продолжал воспроизводиться и после того, как началась третья технологическая революция. Однако именно в эту эпоху условия существования рабочих в индустриальных странах постепенно стали меняться.

Согласно П. Дракеру, после того, как Ф. У. Тейлор, а затем Г. Форд создали научную систему организации труда, сложились предпосылки для последующего изменения общей социально-экономической ситуации в индустриальных странах. Последовательно применяя научное знание к сфере труда, Тейлору и Форду удалось добиться решения до той поры неразрешимой проблемы роста производительности труда, что, в свою очередь, привело к общему улучшению материального благополучия рабочего класса и снижению остроты классовых конфликтов [6]. К 1930 г. эпоха пролетарских революций в западных странах закончилась, и с этим индустриальные общества вступили в период очередной, четвертой технологической революции.

Социальная и морально-культурная атмосфера обществ четвертого технологического уклада имела своих многочисленных исследова-

телей. Некоторые из них продолжали опираться на критические подходы, восходящие к Марксу и Энгельсу, хотя в чистом виде они были уже неприменимы для анализа новой ситуации. Г. Маркузе, относивший себя к числу поздних последователей Маркса, указывал на то, что техническое развитие после 1950 г. достигло столь высокого уровня, что техника сама по себе превратилась в главный инструмент управления общественной жизнью. Сформировалось «одномерное общество», в котором подавляющее большинство людей живут нравственно скудной жизнью, но при этом пользуются всеми материальными благами и ничего не хотят менять. У этих «одномерных людей», согласно Маркузе, полностью исчез революционный потенциал, на смену которому пришел культ потребления [7].

Рассматривая наиболее важные черты «развитого индустриального общества» времен Маркузе, следовало бы указать не столько на его морально-культурную «одномерность», сколько на высокий уровень образования, которого в этот период достигло абсолютное большинство людей в развитых странах. Промышленные рабочие начала второй половины XX в., как и работники офисов, повсеместно представляли собой хорошо образованных людей, которые, кроме того, могли получать качественное медицинское обслуживание и различные виды социальной помощи. Повсеместное внедрение новых технологий сделало образование жизненно необходимой ценностью. Жизнь без школы, без университета уже казалась немыслимой, а работа на все более сложно организованных заводах и фабриках требовала не только высокой производственной дисциплины, но и глубоких знаний в различных научных, технических и социально-экономических сферах. Сопоставляя морально-культурный облик типичного работающего человека времен Маркса и Маркузе, следует осознавать, что он изменился – от невежества к образованности.

Компьютерная революция начала 1980-х гг. до основания потрясла все устои индустриального общества. Благодаря персональным компьютерам и компьютерным сетям люди получили возможность прилагать знания не только к труду, но и к самому процессу добывания и производства новых знаний. Новая информационная эпоха наложила отпечаток на все – процесс труда, сферу образования, медицину, всю социальную жизнь, культуру. Человек эпохи Интернет неожиданно для себя оказался в глобальной деревне, где все люди получили возможность связываться со всеми и обсуждать какие угодно вопросы. Прежние моральные границы быстро были взломаны, и характер человеческого существования серьезно

изменился. Необходимость в прежних формах организации труда постепенно стала исчезать: появилась возможность надомного труда, частичной занятости, более разнообразного досуга. Одновременно с этим резко возросли интеллектуальные перегрузки. Люди в индустриальных странах стали мишенью глобальных масс-медиа и неиссякаемых потоков информации, что серьезно осложнило их эмоционально-психологическую жизнь и даже дезориентировало [8–10].

Типичным условием существования человека в информационную эпоху стали всевозможные риски. Риск быть обманутым, заболеть, потерять работу, столкнуться с терроризмом – все это стало частью обычной атмосферы, окружающей человека в обществе, где Интернет, масс-медиа и мобильная связь задают ход всего порядка вещей. Для исследователей этой проблематики риск стал не только воплощением всех реальных и мнимых угроз человеческой жизни, но и важнейшей антропологической категорией [11, 12]. Можно констатировать, что с того момента, как началась пятая технологическая революция, «одномерность» и связанная с ней стабильность сменились неопределенностью, но при этом и большими возможностями.

Но теперь, как уверено большинство исследователей, время пятой технологической революции и порожденного ей технологического уклада заканчивается. Подходит к концу и эпоха того социального уклада, который стал порождением глобальной информатизации. Будущее уже начинает просматриваться, и поэтому ощущение неизбежных перемен возрастает.

Нам сейчас не столь важно, где, когда и в какой форме начнется очередная технологическая революция. Более важно понять, что она будет означать для человеческого существования и к каким последствиям может привести. Все сказанное далее следует рассматривать как вариант философского прогноза на следующие полвека.

Быстрое распространение новых технологий – нано-, био-, информационных, а также, возможно, когнитивных и социальных, будет означать еще большую технологизацию всех сторон человеческой жизни. Внедрение роботов и робототехники, которое уже началось на целом ряде крупных промышленных предприятий, будет означать не просто максимально высокую автоматизацию труда, но и практически полное вытеснение человека из этой сферы. При этом стоимость самого производительного труда существенно упадет, и значение будут иметь только товары с высокой добавленной стоимостью, иначе говоря – высокотехнологичные разработки, программное обеспечение, файлы

с дорогостоящей информацией. Следовательно, еще более возрастает значение и стоимость труда высококвалифицированных инженеров и самого инжиниринга. Напротив, рабочий как социальное явление исчезнет, уступив место роботу. То же самое коснется целого ряда профессий, которые потребуют не столько более высокой квалификации, сколько роботизации. Человеческое присутствие станет все менее желательным в целом ряде профессий, связанных с риском и монотонностью действий. Это профессии спасателя, военного, врача, водителя транспортного средства, а также банковского служащего.

Исчезновение фигуры промышленного рабочего и профессий, связанных с риском, не будет, однако, прологом к полному исчезновению человека и замене его машиной. Напротив, люди массово начнут осваивать новые социально-экологические ниши. Подобно тому, как во времена первой и следующих за ней технологических революций население перемещалось из деревень в города, с полей на фабрики и в заводские цеха, теперь большинство будут покидать заводы и офисы, оказываясь на улицах, спортивных площадках и клубах, в торгово-развлекательных комплексах, храмах и в своих собственных домах. Согласно предсказаниям О. Тоффлера, производство, образование и здравоохранение перестанут быть массовыми и стандартизированными [13]. Благодаря распространению 3D-принтеров все больше людей получит возможность производить целую массу полезных вещей в своем собственном доме. Отпадет необходимость массового копирования и тиражирования. Упадёт роль продаж, а вместе с этим и изменится содержание рекламы. При этом жизнь станет еще более сложной, непредсказуемой и опасной. Войны не исчезнут, но станут более жестокими, бесчеловечными, будут связаны с использованием многочисленных роботов и беспилотных систем [14].

В свое время Маркс предсказал, что в будущем труд приобретет характер всеобщего. Так оно и будет, но, скорее всего, не в том смысле, как это имел в виду Маркс. Трудовая деятельность будет возможна на любом месте, но, чтобы существовать, большинству людей придется постоянно искать средства к существованию, искать работу, и это будет непросто. В таких условиях возрастет умение договариваться друг с другом, поддерживать контакты, решать массу задач гуманитарного содержания. Большое значение будут иметь социальные и гуманитарные науки: появится большое число профессий, связанных с общением и обслуживанием людей. Неизбежно станет больше учителей, поваров, тренеров,

всяческих специалистов по образу жизни и т.п. То, что Д. Белл в 1973 г. прогнозировал для своего «постиндустриального общества» [15], еще более верным будет для общества, которое предстоит создать. Мы предлагаем называть такое общество технологически сверхразвитым, поскольку его характер будет определяться постоянным возникновением все более новых технологий, постоянной «гонкой» технологий, которая уже есть в сфере ИТ-технологий.

Скорее всего, некоторые из этих технологий будут предназначены для того, чтобы воздействовать не на окружающий мир, а на саму человеческую природу – телесность, биологию, психологию человека. В то время, как Интернет и компьютерные технологии, расширив интеллектуальные возможности человека, изменили его поведение и привычки, биотехнологии, медицинские нанороботы, генная инженерия и другие средства с большой долей вероятности смогут воздействовать на органы, клетки и даже гены конкретного человека. В литературе, посвященной этим вопросам, предсказывается возможность весьма вероятного, но рискованного перехода к постчеловеческому состоянию, который будет сопровождаться новыми биоэтическими дискуссиями и вызовами трансгуманизма [16, 17].

Мы склонны занимать позицию умеренного оптимизма: человек в условиях очередной технологической революции не исчезнет как вид, но он станет проблемой для самого себя в еще большей степени, чем прежде. Большинство привычных моделей существования начнут уходить в прошлое, хотя не исчезнут. Возможно, для большинства людей отпадет необходимость в ежедневных походах в какое-либо конкретное место, воспринимаемое как место работы, однако потребность в самой работе сохранится и станет более острой. Люди станут больше контактировать друг с другом, как посредством технологий, так и без них, преследуя самые разные цели – материальные и нематериальные. Большинству придется все больше времени уделять своей собственной персоне и больше заботиться о других, какая бы причина ни лежала в основе этого. Постепенный отход от стандартов в сферах образования и здравоохранения будет неизбежен, что повлечет за собой не только пьянящее ощущение свободы, но и растущие сомнения и беспокойства по поводу будущего. Возрастет число новых рисков и новых соблазнов, появится целый ряд новых возможностей, а целый ряд других будет упущен, например, возможность наслаждаться книгой в руках и массой свободного времени.

Грядущая технологическая революция, скорее всего, не изменит социальный уклад,

сложившийся в прошлом. Останутся прежние формы семьи, церкви и государства, однако в условиях беспрецедентного давления со стороны новых технологий и тех, кто будет выступать за их глубокую модернизацию или полное упразднение. Очевидно, что значительная часть людей посвятит свою жизнь тому, чтобы встать на стражу этих проверенных временем институтов. В этом, как кажется, будет заключаться большая часть забот со стороны тех людей, для которых технологическая революция будет восприниматься как вызов их существованию и природе.

Список литературы

1. *Перес К.* Технологическая революция и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011. 231 с.
2. *Гуриева Л. К.* Концепция технологических укладов // *Инновации*. 2004. № 10. С. 70–75.
3. *Авербух В. М.* Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // *Вестн. Ставропол. гос. ун-та*. 2010. № 71. С. 159–166.
4. *Маркс К.* Капитал. Кн. 1 : Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 23. 544 р.
5. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. 668 р.
6. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // *Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология / под ред. В. Л. Иноземцева*. М., 1999. С. 67–100.
7. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. 341 с.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
9. *Кастельс М.* Галактика Интернет : размышления об Интернете, бизнесе и общества. Екатеринбург, 2004. 328 с.
10. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М., 2015. 240 с.
11. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
12. *Агацци Э.* Моральное измерение науки и техники. М., 1998. 344 с.
13. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2010. 800 с.
14. *Гильбо Е. В.* Постиндустриальный переход и мировая война. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2385122/> (дата обращения: 25.05.2016).
15. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 956 с.
16. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее : последствия биотехнологической революции. М., 2004. 352 с.
17. *Тищенко П. Д.* На гранях жизни и смерти : философские исследования оснований биоэтики. СПб., 2011. 328 с.

Образец для цитирования:

Родин Е. О. Проблема человеческого существования в условиях очередной технологической революции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 47–51. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-47-51.

The Problem of Human Being in the Conditions of the Next Technological Revolution

E. O. Rodin

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politeknicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: eu.rodin@yandex.ru

The paper is considered the problems of human being in the face of a looming technological revolution that will change not only the technological structure, but also social conditions. It is considered the most significant effects of five previous technological revolutions for a human, from the industrial revolution of the end of the XVIII century to the computer revolution of the end of the XX century. It is represented a general picture of changes in the technological and social life, which will determine the nature of human being in the next half of century. From the standpoint of philosophical knowledge, the author develops a position of moderate optimism, predicting a growing number of challenges that have to face the people in the foreseeable future.

Key words: technological revolution, technological structure, social institutes, human being.

References

1. Perez C. *Technological revolutions and financial capital. The dynamics of bubbles and golden ages*. Northampton, 2002. 198 p. (Russ. ed.: Perez C. *Tekhnologicheskaya revolyutsiya i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya*. Moscow, 2011. 231 p.).
2. Gurieva L. K. Kontseptsiya tekhnologicheskikh ukладov (A conception of technological structures). *Innovatsii (Innovations)*, 2004, no. 10, pp. 70–75.
3. Averbukh V. M. Shestoy tekhnologicheskii ukлад i perspektivyi Rossii (kratkiy obzor) (The sixth technological structure and prospects of Russia {an overview}). *Vestn. Stavropol. gos. un-ta* (Bulletin of the Stavropol State University), 2010, no. 71, pp. 159–166.
4. Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie*. Mappe 1: der Produktionsprozess des Kapitals. Marx K., Engels F. *Aufsätze*. 2. Aufl. Janrhundert: in 50 Bd. Hamburg, 1867. Band 23. 784 p. (Russ. ed.: Marx K. *Kapital*. T. 1. Protsess proizvodstva kapitala. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1961. T. 23. 544 p.).
5. Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Marx K., Engels F. *Aufsätze*. 2. Aufl. Gesammelte Werke: in 50 Bd. Leipzig, 1845. Bd. 2. 366 p. (Russ. ed.: Engels F. *Polozhenie rabochego klassa v Anglii*. Marks K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955. T. 2. 668 p.).
6. Drucker P. *Post-capitalist society. New Wave post-industrial West: An Anthology*. New York, 1993. 319 p. (Russ. ed.: Drucker P. *Postkapitalisticheskoe obshchestvo. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade*: Antologiya. Moscow, 1999, pp. 67–100).
7. Marcuse H. *Dimensional Man. Study ideology of advanced industrial society*. Boston, 1966. 260 p. (Russ. ed.: Marcuse H. *Odnomernyy chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva*. Moscow, 1994. 341 p.).
8. Castells M. *The information age: Economy, society and culture*. Oxford, 1996. 556 p. (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*. Moscow, 2000. 608 p.).
9. Castells M. *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society*. Oxford, 2003. 304 p. (Russ. ed.: Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve*. Ekaterinburg, 2004. 328 p.).
10. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Paris, 1981. 209 p. (Russ. ed.: Bodriar J. *Simulyakry i simulyatsiya*. Moscow, 2015. 240 p.).
11. Beck U. *Risk Society. On the way to another modernity*. London, 1992. 272 p. (Russ. ed.: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, 2000. 384 p.).
12. Agazzi E. *Moralnoe izmerenie nauki i tehniki* (Moral dimension of science and technology). Moscow, 1998. 344 p.
13. Toffler E. *Third wave*. New York, 1980. 552 p. (Russ. ed.: Toffler E. *Tretya volna*. Moscow, 2010. 800 p.).
14. Guilbo E. V. *Postindustrialnyy perekhod i mirovaya voyna* (A post-industrial shift and World War II). Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/2385122/> (accessed 25 May 2016).
15. Bell D. *The coming post-industrial society. Experience of social forecasting*. New York, 1973. 507 p. (Russ. ed.: Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyit sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow, 1999. 956 p.).
16. Fukuyama F. *Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution*. New York, 2002. 218 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii*. Moscow, 2004. 352 p.).
17. Tishchenko P. D. *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bioetiki* (On the brink of life and death: the philosophical study of bioethics grounds). St. Petersburg, 2011. 328 p.

Cite this article as:

Rodin E. O. The Problem of Human Being in the Conditions of the Next Technological Revolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 47–51. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-47-51.

УДК 167

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

Фролова Светлана Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Листвина Евгения Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: listvamer@yandex.ru

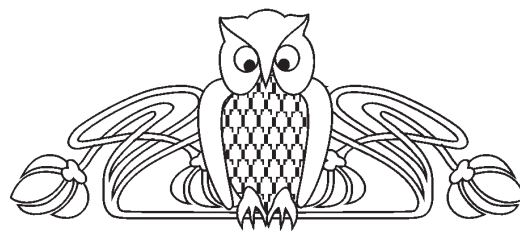
Статья посвящена исследованию понятия идеологии и ее роли в практиках повседневного бытия. Определено, что теоретической основой идеологии является идея-образец, на формирование которой оказывают значительное влияние ментальные, национальные и духовные традиции. В качестве основного фактора, способствующего выработке идеологических установок, предлагается включить повседневное бытие, в рамках которого проходят апробация идеологических установок и выработка таких основных аспектов идеологии, как идеи, нормы, ценности. Установлено, что закреплённая в идеологии система ценностей определяет направления, которым следуют индивиды в процессе повседневного бытия, а идеи, рассматриваемые вне сформированной системы ценностей, не могут дать полного представления об идеологии. Предлагается рассматривать повседневность как самостоятельную аксиологическую данность, поскольку признание ценности накопленных в процессе каждодневного бытия знаний и понимание значимости обыденного мира для человека позволяет по-новому оценивать данный феномен.

Ключевые слова: повседневность, идеология, идея, ценности, нормы, идеологические установки повседневного бытия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-52-55

Идеология – это цепочка связанных, взаимозависимых явлений, оказывающих активное влияние на восприятие событий, происходящих в процессе исторического развития общества. Проблема идеологии в последнее время стала широко обсуждаться, вероятно, это вызвано осознанием того, что идеология формирует поведение индивида, является отражением его аксиологических, институциональных и этических установок.

Этимология слова «идеология» складывается из двух значений: греч. *idea* – идея, образец и *logos* – слово. Введение в научный оборот термина «идеология» связано с именем французского просветителя XVIII в. Антуана Дестюта де Траси, хотя он сам основателем «идеологии» считает Э. Кондильяка – «французского Локка». «Великому идеологу, – пишет де Траси в одной из глав «Идеологии в собственном

смысле слова», – некоторые идеи которого я <...> осмеливаюсь опровергать, принадлежит выдающаяся заслуга быть тем первым, кто по настоящему познал, что значит мыслить» [1, с. 147]. Несмотря на то, что понимание идеологии де Траси как «науки об идеях» так и не было принято в научный оборот, мы согласимся с французским мыслителем в том, что предметом изучения идеологии выступают законы формирования, согласованности и влияние идей на *каждодневную деятельность* социальных групп.

Несомненно, идеология прошла долгий путь формирования. Согласно мнению исследователей, особое значение в развитии идеологических установок имели не только историческая эпоха и интересы государственных структур: важное место в построении идеологических конструкций занимают ментальные, национальные и духовные традиции определенного общества. К косвенным факторам, оказавшим влияние на развитие идеологии, относят производственные отношения, культурные связи, научные знания и, в определенной степени, географический фактор.

Считаем необходимым добавить к названным факторам повседневное бытие как фундирующую основу развития идеологии. Такое дополнение обусловлено не только тем, что любые идеологические теории проверяются в практике повседневности, но и тем, что идейные установки – это упорядочивающие элементы различного рода деятельности, формирующие как опыт совместного повседневного бытия, так и *идеи, нормы, ценности* каждодневной жизнедеятельности людей, которые отвечают потребностям социума в целом, отражают явления повседневной реальности и благодаря постоянной апробации становятся приоритетными для многих субъектов.

Идеологическую составляющую повседневного бытия человека предлагаем рассмотреть, как взаимосвязь *идейного, ценностного и нормативного (институционального) аспектов*. Изменение указанных элементов способствует модификации сознания и внутренних установок субъекта в соответствии с требованиями эпохи: это определяет диалектический характер идеологии.

С античных времен ключевым в понимании термина «идеология» является понятие «идея», которое не только не утратило своего значения до настоящего времени, но сохраняет все его характеристики. Осознание идеи как достигаемой очевидности было описано Платоном. Важно отметить, что платоновское учение об идеях послужило прообразом идеологической системы государственного устройства, теоретическое изложение которого мы находим в работе Платона «Государство».

Платон понимал идею как идеальный образ желаемой действительности, идея доступна только умозрительности, а то, чему она может быть уподоблена, «поддается человеческому, более сжатому» определению и обусловлено бытием. Бытие, в свою очередь, базируется на понимании того, что «единое, взятое само по себе, есть многое и <...> что многое [само по себе] есть единое» [2, с. 1026]. Только в *ипостаси Блага* идея определяет форму и порядок множества, воплощая множество бытия в мире. При объединении рассеянного множества идея наделяется ролью образца онтологической модели бытия, она наполняет смыслом все существующее, а главное – дает «надежду, что мир вечных идей когда-нибудь воплотится и сделает человека, его жизнь более благополучной. Гармония человека, общества и окружающей среды для Платона была идеалом, а для человечества – непреходящей мечтой, несмотря на то, что она недостижима» <...> Идея Блага – первопричина идеального мира, к которому должно стремиться человечество, если оно мечтает о своей пролонгации» [3, с. 24–25]. Почему? Дело в том, что заданная идея-образец обладает визуальным конкретным значением с проекцией на существующую реальность. Действуя на подсознание индивидов, идея обеспечивает эффективность внедряемых начинаний, а ориентир на образец-идею упорядочивает и нормирует их действия в повседневной деятельности.

В современном понимании идеи мало что изменилось, она по-прежнему является основой любого начинания, направленного на преобразование бытия, и узаконенная идея лежит в основе идеологии. Сложно усомниться в том, что по своему содержанию идеи, как и повседневное бытие людей, постоянно меняются. Объяснение этому находим у К. Мангейма, утверждающего, что идеи «по мере того, как они, будучи реализованы, воплощаются в новые условия жизни и застывают в виде привычки, инертности, косности, возникает необходимость в новой критике, и так все вновь и вновь...» [4, с. 119]. Исходя из сказанного, можно утверждать, что универсальной, единой идеологии выработано быть не может, как не может существовать абсолютного равенства идей. Обще-

ство, при условии устаревания прежних доктрин, может как выдвигать новые идейные установки, так и неограниченно интерпретировать уже существующие, но никакие ограничения не могут препятствовать созданию новаторских концепций возможного переустройства бытия и на их основе создавать новые, возможно, мифические формы и способы переустройства общества. Полагаем, что идеологию сложно рассматривать как движение к истине, ведь существует множество идей, и все они равноправны, так как базируются на эмпирических данных, аксиологических и нормативных установках и правилах определенного общества, соблюдение которых дает возможность достичь поставленной цели.

Нормативные установки повседневного бытия, формальные и неформальные [5, с. 113–120], так же, как и идеи, не могут рассматриваться в качестве постоянных, жестко фиксированных механизмов действия людей, поскольку нормы, являясь подробным руководством поведения субъектов в различных бытийственных ситуациях, выступают отражением определенного этапа развития общества, отвечают его потребностям. Изменение идеологии ведет к изменению норм бытия и трансформации обыденной жизни человека. Несмотря на то, что «поведенческие стереотипы личности в значительной мере формируются под влиянием быта», повседневность человека «является выражением присущих ему социально-культурных представлений, восходящих к историческим устоям общества» [6, с. 8] и, как правило, не противоречит нормативному требованию власти.

Еще в классической рациональности было определено, что чистое бытие – ничто и только через установку норм, регулирующих отношения между людьми, это бытие институализируется, обретает социальный характер, общие цели и даже определяет образ жизни определенного сообщества. Выживание человека основывается на подчинении установленному порядку и, прежде всего, на понимании необходимости принятия норм, подразумевающих предсказуемость поведения окружающих людей [7, с. 118–124], поэтому принятие политических идей власти и следование закрепленным в соответствии с существующей идеологией нормам, а также изменение быта под новые «нормализующие суждения властей» – неотъемлемая часть повседневного существования. Особенно ярко эти процессы прослеживаются в советской повседневности, когда идеология и правовые установки большевиков не только изменили нормативные, культурные, экономические основы повседневного существования людей, но существенно перестроили неформальные нормы поведения, выстроенные на основе традиций,

моральных и этических норм совместного бытия многих поколений, что кардинально изменило аксиологические приоритеты повседневной жизни.

Не вызывает сомнений, что идеи, рассматриваемые вне сформированной системы ценностей, не могут дать полного представления об идеологии, поскольку аксиологический компонент повседневного бытия помогает оценивать социальные и культурные явления каждодневной действительности. Не случайно И. Кант, поднявший проблему природы и категоризации ценностей, интерпретирует их как нравственные категории, как априорные черты *Homo sapiens*. В «Критике способности суждения» немецкий мыслитель выдвигает тезис об истинности этой категории и делает вывод о том, что истинная ценность определяется через осознание человеком целесообразности его деятельности, условия возможности которой доказывает «конечная цель» [8, с. 310], определяющая уровень человеческого в человеке. Косвенно такую позицию можно соотнести с идеологией: конечной целью-ценностью применения идей, как уже отмечалось выше, является идея понятности-общности системы оценок и определенности действий во имя создания общего для всех людей блага.

Идеология задает структурные и аксиологические детерминанты, «предлагает свой взгляд на события, помогает сориентироваться в постоянно меняющемся мире, помогает строить свое будущее, выстраивает иерархию ценностей, помогает понять, что важно, что не важно, за что стоит бороться, что стоит менять, а с чем можно согласиться или терпеть» [9]. Если люди тоскуют по советскому времени, то это обусловлено сегодняшним отсутствием однозначных и лаконичных ответов на возникающие в процессе повседневной жизнедеятельности вопросы.

Устанавливая базовые ценности, идеология тем самым упорядочивает повседневность индивидов. Так, идея ценности семьи способствует снижению бракоразводных процессов, идея всеобщей грамотности вызывает всплеск интереса к литературе, утверждение идеи ценности и престижа рабочих профессий способствует оттоку с предприятий офисных работников, идея всеобщего братства сводит к минимуму число конфликтов. Следовательно, идеология формирует систему ценностей, которая неизменно проецируется на каждодневное бытие граждан. Но является ли ценностью сама повседневность?

Несомненно, каждодневное бытие любого индивида и граждан в целом само по себе ценно, но почему-то понимание повседневного бытия как ценности не прослеживается в идеологических проектах до тех пор, пока «современное общество перестало жить в режиме острого идеологического напряжения и как бы открыло для себя заново

ценность повседневного существования». Как отмечено исследователями, в период роста материального благополучия обыденное существование постепенно обрело признаки «самобытия» и стало выглядеть «как ценность среди других ценностей» [3, с. 73–74].

Полагаем, что определение повседневности как самостоятельной аксиологической данности связано не с отсутствием идеологических установок, а с их изменением. В эпоху современности, когда четкое нормированное упорядочивание повседневности ушло в прошлое, когда на первый план выходит идея о том, что каждый должен иметь свой мир существования, что идеология одной личности выстраивается на фундаменте общей идеологии и проецируется на его повседневность, одним из актуальных становится аксиологический аспект повседневности. На наш взгляд, ценность повседневности дополняет понимание того, что за рамками повседневного бытия, его рутинности, стандартности, предсказуемости, нормативности и установленных культурных и духовных направлений человек чувствует себя незащищенным, лишенным возможным использовать наработанные в прошлом идеи и опыт бытия.

Идеи, как справедливо отмечено исследователями, – это отражение бытия, повседневность «нуждается в идейности», поскольку «цена безыдейной повседневности – это начало эрозии самого бытия» [3, с. 90]. Опыт повседневного бытия предыдущих поколений дает нам возможность развития и помогает исключить ошибки прошлого, что и определяет аксиологическую основу повседневности.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что идеология не только важна, она *необходима* как для развития общества, так и для формирования культуры, норм и ценностей повседневного бытия, ведь идеология – это система внутренних установок совместной жизнедеятельности, элементы которой в определенной степени регулируются обществом в процессе исторически меняющихся условий.

Идеология как взаимосвязь идейного, ценностного и нормативного аспектов не может существовать вне рамок повседневности, поскольку идеи как теоретическое основание идеологии вырабатываются в практиках повседневного бытия и отражают явления каждодневной действительности. Основанием любой идеологии служит идеал-образец, стремление соответствовать которому является специфической формой человеческого существования, так как соответствие определенному идеалу наделяет смыслом каждодневное бытие человека в повторяющейся рутине повседневного бытия. Изменение идеала-образца общественного устройства ведет к изменению ментальных и аксиологических устоев

общества, модифицирует его институциональные установки, преобразуя тем самым повседневную жизнь индивидов.

Список литературы

1. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // *Вопр. философии*. 2013. № 8. С. 146–148.
2. Платон. Парменид // Платон. Диалоги. Кн. первая. М., 2008. С. 1021–1100.
3. Идеология: поиски и находки / науч. ред. И. И. Кальной. М., 2015. С. 24–25.
4. Мангейм К. Идеология и утопия // *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы* / сост. В. А. Чаликова. М., 1991. 405 с.
5. Фролова С. М. Институциональные основы повседневности // *Вестн. Поволж. акад. гос. службы*. 2012. № 4 (33). С. 113–120.
6. Фролова С. М. Институциональный подход в исследовании // *Вестн. Поволж. акад. гос. службы*. 2013. № 2 (35). С. 118–124.
7. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
8. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. 365 с.
9. Алтунян А. Г. Идеология как система представлений, оценок, ценностей, упорядочивающая действительность // А. Г. Алтунян. Анализ политических текстов. М., 2006. 384 с. URL: <http://lib.sale/issledovaniya-politologicheskie/analiz-politicheskikh-tekstov-uchebnoe-posobie.html> (дата обращения: 21.09.2016).

Образец для цитирования:

Фролова С. М., Листвина Е. В. Идеологические аспекты повседневного бытия общества // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 52–55. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-52-55.

The Ideological Aspects of the Everyday Life of Society

Frolova S. M., Listvina E. V.

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru; listvam@yandex.ru

The article is devoted to the notion of ideology and its role in the everyday life practices of everyday life. It was determined that the theoretical basis of ideology was the idea of sample, the formation of which has a The mental, national and spiritual traditions have the significant impact for the formation of its theoretical basis. The main factor contributing to the development of ideological offers includes daily existence, in which the testing takes place ideological and development of the main aspects of the ideology such as the ideas, norms and values. The analysis of the development of ideas was conducted and it was concluded that the idea as the everyday existence lie in the beginning of any project aimed the transforming of the human being regardless of the historical era. The ideological transformation leads to the change in the ontological norms, to the transformation of everyday human life and its axiological priorities. It was established that ideological determined value system defines the trends followed by the individuals in their everyday life. The ideas formed out of the a system of values can not give a complete idea about the ideology. It is proposed to be considered the every day life as an independent axiological being as the recognition of the value accumulated during everyday life knowledge and understanding of the significance of the everyday world for a person lead to recognize this phenomenon in a new way.

Key words: everyday life, ideology, idea, values, norms, ideological attitudes of everyday life.

References

1. Ivanova A. S. Nachala «ideologii»: Antuan Destyut de Trasi i ego nauka ob ideyakh (The beginning of «ideology»: Antuan Destyat de Trasi and the Science). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2013, no. 8, pp. 146–148.
2. Plato. The Parmenides. *The Dialogues of Plato translated into English with Analyses and Introductions*: in 5 vol. Eds. B. Jowett, M. A. Third ed. revised and corrected. Oxford, 1892. Vol. IV, pp. 1–106 (Russ. ed.: Platon. Parmenid. Platon. *Dialogi*: in 2 books. Moscow, 2008. Book I, pp. 1021–1100.)
3. *Ideologiya: poiski i nakhodki* (Ideology: searches and discoveries). Scientific ed. by I. I. Kalnaya. Moscow, 2015, pp. 24–25.
4. Mannheim K. *Ideology and Utopia: an introduction to the sociology of knowledge*. New York, 1954. 362 p. (Russ. ed.: Mangleym K. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury*. Comp. by V. A. Chalikova. Moscow, 1991. 405 p.)
5. Frolova S. M. Institutsionalnye osnovy povsednevnosti (The institutional bases of daily life). *Vestn. Povolzh. akad. gos. sluzhby* (Bulletin of the Volga Region Academy for Civil Service), 2012, no. 4 (33), pp. 113–120.
6. Frolova S. M. Institutsionalnyy podkhod v issledovanii povsednevnosti (The institutional approach in daily life research). *Vestn. Povolzh. akad.gos. sluzhby* (Bulletin of the Volga Region Academy for Civil Service), 2013, no. 2 (35), pp.118–124.
7. Leбина N. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu* (Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to the Grand style). Moscow, 2015. 488 p.
8. Kant I. *Kant's Critique of Judgment, translated with Introduction and Notes*. Ed. by J.H. Bernard. 2nd ed. revised. London, 1914. 429 p. (Rus. ed.: Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Moscow, 1994. 365 p.)
9. Altunyan A. G. *Analiz politicheskikh tekstov* (Analysis of political texts). Moscow, 2006. 384 p. Available at: <http://lib.sale/issledovaniya-politologicheskie/analiz-politicheskikh-tekstov-uchebnoe-posobie.html> (accessed 21 September 2016).

Cite this article as:

Frolova S. M., Listvina E. V. The Ideological Aspects of the Everyday Life of Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 52–55. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-52-55.

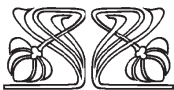

ПСИХОЛОГИЯ

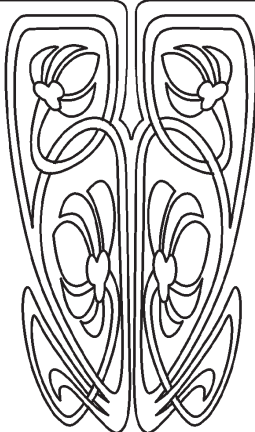
УДК 316.6

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОВЕНЬ ВЫСШЕГО ЗВЕНА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Аксеновская Людмила Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, декан факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: liudmila_aksenovskaya@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье представлен опыт сравнительного анализа результатов ордерной диагностики организационной культуры на уровне высшего звена системы управления. В рассматриваемом кейсе сравниваются данные, полученные в ходе работы с лидером организации и следующим за ним должностным лицом в системе организационной иерархии. Показано, что ордерная диагностика выявляет существование различий и рассогласований двух типов – незначительных (влияние на характер организационно-управленческого взаимодействия не имеет существенных последствий) и значительных (влияние имеет искажающий характер и смысл для передачи культурального сигнала на следующие уровни организационно-культурной системы). Делается вывод о возможности снятия рассогласований в оценках организационной культуры (количественных и содержательных) при условии специальной работы в данном направлении.

Ключевые слова: организационная культура, ордерная диагностика, лидер, субордер, «семья», «армия», «церковь».

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-56-61

Введение

Ордерная диагностика организационной культуры относится к качественным методам изучения организационно-культурных систем [1]. Особенностью качественной методологии социально-психологического исследования является пристальное внимание к частным случаям, отдельным личностям и отдельным организациям. Структура такого исследования включает как оценку состояния организационной культуры на каждом уровне организационно-культурной системы, так и сравнительный анализ полученных на разных уровнях данных между собой. Большинство имеющихся публикаций по проблемам ордерной диагностики организационной культуры содержит информацию о способах обработки, анализа и интерпретации данных, полученных на каком-то из уровней организационно-культурной системы (уровень лидера, топ-менеджмента, среднего менеджмента, исполнительского персонала). В настоящей статье предлагается материал, демонстрирующий приемы сравнительного (межуровневого) анализа полученных данных при помощи методики ордерной диагностики степени выраженности субордеров организационной культуры.

Описание полученных результатов и их сравнительный анализ

Ниже мы сравним между собой результаты диагностики выраженности субордеров организационной культуры, полученные в ходе опроса лидера компании и его первого заместителя (генерального директора) (табл. 1).

Таблица 1
**Результаты сравнительного анализа
 существующего и желательного состояний
 организационной культуры**

Субордер	Лидер		Ген. директор	
	СС	ЖС	СС	ЖС
«семья»	61	95	77	84
«армия»	72	111	80	79
«церковь»	33	111	69	118

Примечание. СС – существующее состояние; ЖС – желательное состояние.

В таблице отражены три субордера организационной культуры («семья», «армия», «церковь») в двух состояниях – существующем (СС) и желательном (ЖС). Для каждого из двух сравниваемых руководителей (лидера – собственника компании и наемного топ-менеджера в лице генерального директора) выставлены цифровые значения оценки состояний организационной культуры. В табл. 2 представлены обобщенные сравнительные данные результатов руководителей для существующего состояния и желательного.

Таблица 2
Сумма баллов из всех опросных листов

Лидер		Ген. директор	
СС	ЖС	СС	ЖС
166	317	226	281

Анализ представленных для сравнения данных показывает как сходство в оценках двух руководителей предприятия, так и существующие различия.

Отмечая сходство в оценках, прежде всего следует обратить внимание на общее понимание степени выраженности культурных субордеров в существующем состоянии. Оба руководителя ставят на первое «армейский» субордер, на второе – «семейный» субордер и на третье – «церковный». Также обращает на себя внимание стремление обоих руководителей увеличить в желательном состоянии степень выраженности «семейного» и «церковного» субордеров (см. табл. 1). На этом сходство оценок руководителей заканчивается.

Анализируя различия в оценках руководителей, прежде всего отметим.

1. Рассогласование в отношении к «армейскому» субордеру. Если лидер организации оценивает «армейский» субордер как существенно «не довыраженный» (72 балла в СС) и нуждающийся в развитии (111 баллов в ЖС, «дефицит» в 39 баллов, по сравнению с СС), то генеральный

директор не удовлетворен чрезмерной выраженностью «армейского» субордера (80 баллов в СС) и озабочен уменьшением его доли на 1 пункт (79 баллов в ЖС) (см. табл. 1). Несмотря на то, что один балл – это весьма незначительная величина, на уровне сравнения тенденций очевидно, что два руководителя имеют противоположные стремления, касающиеся работы с «армейскими» аспектами культуры (целевое единство организации, ориентация на освоение новых рынков сбыта, оттачивание строгих правил взаимодействия, точность и исполнительность). Если «армейский» субордер воспринимается лидером организации как условие, инструмент и даже синоним организованности, целеустремленности и результативности, то для генерального директора «армейский» субордер ассоциируется с «тяготами службы», интенсивной нагрузкой, которая может повлечь за собой проблемы со здоровьем. Идея «войны с комфортом» («война должна вестись на основе создания комфортных условий для бойцов», – генеральный директор) представляется генеральному директору возможным компромиссом во взаимодействии с лидером, который, наоборот, склонен «разделять контексты» и считает, что сотрудники должны работать в хороших условиях, но понятие «комфорт» воспринимает как чрезмерное и соотносит с нерабочей обстановкой.

Таким образом, первое зафиксированное в ходе ордерной диагностики рассогласование в оценках и стремлениях двух руководителей связано с «армейским» субордером: для лидера его развитие представляется важным, для генерального директора важно уменьшение его влияния.

2. Существенное различие имеется в оценках лидера и генерального директора по поводу дистанции между существующим и желательным состоянием организационной культуры. Рассогласования между ними существенно выше у лидера организации, что свидетельствует о более низкой оценке лидером существующего состояния организационной культуры, по сравнению с оценками генерального директора. Для «семейного» субордера, по оценке лидера, «дефицит» составляет 34 балла, для генерального директора – 7 баллов (разница почти в 5 раз). Для «армейского» субордера, по оценке лидера, рассогласование составляет 39 баллов («дефицит»), в то время как для генерального директора +1 балл («переизбыток»), и разница между оценками двух руководителей составляет 40 баллов (разница в 40 раз). При этом векторы предполагаемой коррекции прямо противоположны друг другу и обозначают наметившуюся точку конфликта в управленческом взаимодействии. Для «цер-

ковного» субордера, по оценке лидера, рассогласование составляет 78 баллов, в то время как для генерального директора это 49 баллов (разница в 1,5 раза). Оценка рассогласования между существующим и желательным состояниями «церковного» субордера хотя и не совпадает, но схожа с оценками состояния других субордеров.

Таким образом, в целом у лидера организации более критичное восприятие субордерных характеристик корпоративной культуры компании, нежели у генерального директора, который считает, что усилия следует приложить к развитию характеристик «церковного» субордера (смысловое единство членов организации).

3. Существуют различия в отношении к субордерным характеристикам у лидера организации и генерального директора.

«Семейный» субордер для лидера организации связан с образом «глубокого тыла», который живет за счет усилий «фронта» и не знает (и не должен знать) о «законах войны». Образ семьи – образ «иждивенца», слабого и женственного, поэтому у него вызывает опасения возможность развития подобных настроений и черт в сотрудниках, склонных, в связи с патерналистскими особенностями национальной культуры, искать опоры в сильном лидере и/или государстве. Кроме того, он не доверяет менеджерам, которые «погрязли в семейных заботах», стали «обывателями, не способными на большую игру» и серьезную отдачу. Вместе с тем у лидера существует интерес к психологическим ресурсам, имеющимся в «семейном» субордере, и возможностям их использовать в организации: в их числе неравнодушное отношение к организации как ко «второму дому», чувство благодарности к ней, поддержка друг друга в трудных ситуациях и наставничество.

Для генерального директора образ семьи ассоциируется не только с необходимостью заботы и опеки, но и с эмоциональной безопасностью, тесным кругом очень близких («родных») людей, интересы которых стоят на первом месте или одном из первых мест. «Семейный» субордер связан с ощущением «своих», которые никогда не оставят, помогут и поддержат. Это формирует ожидания в отношениях с сотрудниками, которые должны уметь вести себя как «свои», оказывать поддержку руководителю и помогать друг другу. Тем не менее для генерального директора «семья» делится на две – большую (организационную/корпоративную) и малую (реальную, личную): он стремится, чтобы интересы «большой семьи» не ущемляли интересов «малой».

Таким образом, отношение к «семейному» субордеру для руководителей неодинаково. Его

восприятие нагружено смыслами, отражающими личный семейный опыт. Генеральный директор относится к «семейным» характеристикам корпоративной культуры более спокойно, чем лидер организации, испытывающий недоверие к «семейным» аспектам как источнику угроз (иждивенчества, «обывательства», немужественности). Вместе с тем лидер более прагматично, исследовательски относится к потенциалу «семейного» субордера и считает, что его надо использовать максимально (рост на 34 пункта). Генеральный директор считает, что в целом «семейные» обязательства по отношению к персоналу выполнены, и этот рост может быть небольшим (7 пунктов).

Оценки «армейского» субордера более всего расходятся и даже противоречат у лидера и генерального директора. Оба руководителя имеют опыт службы в армии: офицерский – лидера и солдатский – генерального директора. Разница в личном опыте накладывает определенный отпечаток на восприятие «армейских» аспектов корпоративной культуры у двух руководителей: прежде всего это касается временных характеристик – для офицера не существует временных границ пребывания на службе, поскольку это профессия, которую получают долго и навсегда, даже если впоследствии офицер уходит в отставку, он остается «военным» человеком. Поэтому вопрос «тягот службы» в сознании профессиональных военных отсутствует, так как они не ждут ее скорейшего окончания. Более того, офицер находится на службе 24 часа в сутки: уйдя домой, он продолжает нести ответственность за состояние вверенных ему личного состава, оружия и техники. Это обуславливает то, что лидер организации имеет долгосрочную установку на результативную интенсивную деятельность с определенными краткосрочными передышками. Можно охарактеризовать эту установку как «стайерскую»: лидер «бежит» на длинную дистанцию. Понятно и стремление лидера усилить в корпоративной культуре «армейские» характеристики (на 39 пунктов), гарантировать интенсивную работу с большой отдачей.

Временной горизонт солдата срочной службы совершенно иной: армейский период – относительно короткий в большой гражданской жизни, сама служба воспринимается как нечто экстремальное, непривычное и иногда – избыточно трудное и временное. Генеральный директор ориентирован на законы более «вольной» гражданской жизни, где «службе/работе» отдается регламентированное количество времени, а если возникает необходимость в «переработке», то она должна быть эпизодической и особым образом

вознагражденной. Если «переработка» носит постоянный характер, то ресурс, физический и психологический, истощается, а фиксированное вознаграждение обесценивается. Кроме того, пришедший на временную службу «наемник/контрактник» определяет для себя размер «военной добычи», достаточный для того, чтобы оставить это трудное занятие хотя бы на время. Можно охарактеризовать такую установку как «спринтерскую» – генеральный директор «бежит» на короткую дистанцию. Понятно и его стремление ослабить «армейские» характеристики организационной культуры (на 1 пункт). В этом случае существующее и желательное состояния сравниваются на уровне 79 баллов.

Оценка «церковного» субордера демонстрирует общий вектор развития данного аспекта как у лидера, так и у генерального директора. Оба считают, что «церковные» характеристики корпоративной культуры – смысловое единство организации – необходимо развивать. Степень выраженности «церковного» субордера в существующем состоянии лидер оценивает ниже, чем генеральный директор (33 против 69 баллов). Однако параметры желательного состояния сближаются у обоих руководителей (111 баллов у лидера и 118 баллов у генерального директора). Причиной более оптимистичной оценки СС и более амбициозного плана для ЖС у генерального директора является предшествующий профессиональный опыт. Речь идет о педагогическом образовании и опыте работы по этой специальности у генерального директора, которые предполагают: а) склонность к формулированию идей и ценностей для других; б) умению их объяснить, в них убеждать, ими увлекать. Впоследствии этот опыт был применен генеральным директором в другой работе, связанной со СМИ. Поэтому, когда генеральный директор оценивает существующее состояние в 69 баллов (лидер – 33), он характеризует уровень своей включенности в идеологическую работу с персоналом, которая ему нравится и которая у него хорошо получается. Поэтому разрыв с желательным состоянием у генерального директора меньше, чем у лидера (49 баллов у первого и 78 у второго), и уровень притязаний выше (118 баллов у генерального директора и 111 – у лидера). Другими словами, генеральный директор – умелый и опытный идеолог, пропагандист идей, ценностей и смыслопроизводитель (К. Вейк).

Лидер имеет более скромный опыт в этом виде деятельности, но испытывает серьезный и деятельный интерес к созданию и развитию корпоративной идеологии: во время обследования он занимался разработкой идеологически обо-

снованной системы управления предприятием, оформленной в продуманный и написанный им текст.

Оба руководителя, будучи зрелыми людьми, сформировали собственную жизненную, деловую и профессиональную философию, продвигаясь до определенного момента параллельными курсами. К моменту диагностики у каждого существовали собственные смысловые и связанные с ними системы ценностей, которые не были достаточно согласованы между собой. Не углубляясь в подробности их мировоззрений, отметим только некоторые элементы, проявившиеся в ходе беседы в процессе заполнения опросных листов.

Генеральный директор достаточно подробно изложил свое понимание сущности «церковного» субордера, отметив, что «вера организации необходима, как клей, соединяющий всех» и что предметом веры менеджеров должно стать «материальное благополучие сотрудников». Менеджеры являются своего рода «священниками», которые должны работать с сотрудниками («прихожанами»), формулируя для них «другую идею», в которую те могут верить. Корпоративная «церковь» существует для «священников». На возникший вопрос о двойных стандартах отреагировал спокойно, констатировав, что единый стандарт и общая вера – это хорошо, но нереалистично.

Позиция лидера иная: он формулирует систему общих принципов и ценностей для всех сотрудников и выстраивает систему управления таким образом, чтобы менеджеры доносили до подчиненных общую для всех идеологию. Он неоднократно подчеркивал, что обеспокоен несовпадением того, что менеджеры и персонал говорят публично, что они думают на самом деле и что говорят кулуарно. Неоднократно звучит слово «совесть», которой дается определение: «это отсутствие лицемерия». Вероятнее всего, наличие двух «совестей» в организации для лидера, в отличие от генерального директора, будет представлять проблему.

Выводы

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Сравнительный анализ существующего и желательного состояний организационной культуры предприятия на уровне создателя – лидера организации (1-й уровень) – и уровне генерального директора (2-й уровень) обнаружил существование глубоких противоречий, касающихся «армейского» субордера. Вышестоящий и нижестоящий руководители оценивают этот субордер по-разному и наме-

рены действовать в отношении «армейских» характеристик разнонаправленно. Результатом смыслового рассогласования является развитие интеракции как «борьбы». Генеральный директор будет организовывать дискуссии с целью убедить корректировать идеологию и методы управления в организации, касающиеся «армейских» аспектов. Лидер организации не сможет принять предлагаемые гендиректором интерпретации «армейского» аспекта. Дискуссии приведут к потере времени, энергии и доверия между руководителями. Формальная ретрансляция на нижние уровни организационной системы позиции лидера генеральным директором будет содержать искажения и ошибки, обусловленные внутренним неприятием, что отрицательно скажется на отношении среднего менеджмента, затем исполнительского персонала к позиции лидера; возникнут сомнения и возражения. В свою очередь, лидер не сможет не заметить «лицемерия» генерального директора, т.е. его неогласия или неуверенности и у него будут причины считать генерального директора неэффективным («армейский» аспект), «иждивенцем» («семейный»), «не единомышленником» («церковный»). Разрешение противоречия возможно в случае системной работы по согласованию этико-смысловых противоречий в рамках управленческой команды.

Наименее расходятся позиции, касающиеся «семейного» субординации. Оба руководителя готовы относиться положительно к перспективам использования «полезных» для деятельности организации характеристик «семейного» аспекта культуры, но у них разные стартовые позиции: лидер изначально к «семейным» аспектам организационного взаимодействия относится с недоверием и подозрительностью (даже несколько агрессивно), что связано с ожиданием худшего в поведении персонала на работе. Для генерального директора исходное отношение – нейтральное с элементами позитивного восприятия. Поскольку оба прагматично относятся к ресурсному потенциалу организационной культуры и их этико-смысловые позиции, спроецированные в будущее, близки, они смогут конструктивно сотрудничать, развивая требуемые «семейные» характеристики. Продуманный и подготовленный план в этом поможет.

Область «церковного» субординации является благополучной внешне и проблемной внутренне: оба руководителя высоко оценивают ресурсный потенциал корпоративной идеологии («корпоративной религии»), владеют методами ее создания и применения, но содержание этой идеологии, стратегию ее внедрения видят совершенно поразному: различие состоит в этико-смысловом

содержании. Миссию и ценности компании лидер воспринимает как личное кредо, которое должно разделяться всеми членами организации, а связанные с ними правила – как собственные, которые должны выполнять все члены организации. В этом он видит залог способности организации развиваться быстро и устойчиво, сохраняя высокую степень управляемости в изменяющихся внешних условиях. Для генерального директора идеология распадается на две части: для руководителей и для подчиненных. Если первая является основой взаимопонимания и согласованного взаимодействия высшего звена руководителей, то вторая, очевидно, задумывается как инструмент манипулятивного воздействия на персонал. Различие между лидером и генеральным директором состоит в том, что, признавая преимущество, ценность и эффективность идеологического воздействия в процессе управления, по сравнению с другими способами воздействия, лидер полагает, что сила идеологии заключается в ее целостности и тотальности, а генеральный директор видит возможности достижения успеха в применении идеологии тактически – на определенных участках, в определенных обстоятельствах, воспринимая самого себя как «оператора», «модератора» идеологического процесса, не погруженного вовнутрь, но остающегося всегда «снаружи».

Прогноз для управленческого взаимодействия в области идеологии оказывается неоднозначным, возможны следующие сценарии: 1) лидер сможет переубедить генерального директора, и тот примет его точку зрения, «поднимется» с тактического на стратегический уровень мышления, 2) лидер найдет способ использовать пропагандистские способности генерального директора в определенных пределах. Вероятность позитивных исходов, особенно второго сценария, невелика, поскольку лидер, знакомый с феноменом «неконгруэнтности» в общении, будет полагать, что идеологию нельзя «исполнить», нужно быть ее носителем («верующим»).

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что выявленные противоречия в восприятии организационной культуры на уровне лидера компании и подчиненного ему генерального директора могут быть предметом специальной работы по их изменению и сближению. При наличии соответствующей цели и воли со стороны лидера организации эти рассогласования могут быть нивелированы или устранены. Если такая работа не будет проводиться и события станут развиваться произвольно, выявленные противоречия

обострятся, и взаимная неудовлетворенность субъектов совместной управленческой деятельности приведет к прекращению сотрудничества: в описанном случае так и произошло.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.

Образец для цитирования:

Аксеновская Л. Н. Сравнительная диагностика организационной культуры: уровень высшего звена системы управления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 56–61. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-56-61.

Comparative Diagnostics of Organizational Culture: Level of Top Management

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: liudmila_aksenovskaya@mail.ru

In this article an experience of the results of comparative analysis of order diagnostics of organization culture at the level of top management is provided. In the considered case the data obtained in a work progress with the leader of organization and the official following the leader in system of organizational hierarchy are compared. It is shown that order diagnostics reveals existence of distinctions

and mismatches of two types – insignificant (influence on nature of organizational and managerial interaction has no substantial effects) and significant (influence makes the distorting nature and sense for transfer of a cultural signal on the next levels of organizational cultural system). The conclusion about possibility of removal of mismatches in estimates of organization culture (quantitative and qualitative) on condition of special work in this direction is drawn.

Key words: organizational culture, order diagnostic, leader, suborder, «family», «army», «church».

References

1. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* (The order model of organizational culture). Moscow, 2007. 303 p.

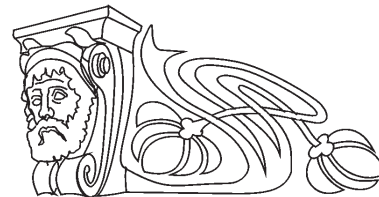
Cite this article as:

Aksenovskaya L. N. Comparative Diagnostics of Organizational Culture: Level of Top Management. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 56–61. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-56-61.

УДК 159.922

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ АЛЕКСИТИМИИ И АДДИКЦИЙ У МОЛОДЕЖИ

Зайцев Дмитрий Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: zaitsevdbk@bk.ru

Селиванова Юлия Викторовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой коррекционной педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Представлены результаты психолого-социального анализа alexситимии как функциональной особенности нервной системы человека. В ходе авторского эмпирического исследования выявлена специфика alexситимии у молодежи с нехимическими зависимостями, определена значимость alexситимии как фактора риска развития аддиктивности (на примере интернет-аддикции). Исследование проводилось в 2016 г. ($N = 15$) с применением качественной методологии: интервью осуществлялось в двух режимах – онлайн и офлайн. Выборку составили представители молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, а также работники специализированных учреждений, занимающихся исследованием, профилактикой и реабилитацией людей с аддикциями. Установлено, что личность с alexситимичными чертами часто характеризуется специфическим дисбалансом, при котором эмоции в основном проявляются в контексте зависимости, а не в реальной жизни; в большинстве случаев alexситимия, аддикции не осознаются молодежью; усиление alexситимии часто происходит в результате действия социальных стереотипов; alexситимия – один из факторов риска развития аддиктивности у молодежи. Взаимосвязь alexситимии и аддикций обнаруживается в результате реализации различных форм аддиктивного поведения, а также трансформации личности.

Ключевые слова: alexситимия, нехимические зависимости, аддиктивное поведение, этиология alexситимии, специфика alexситимичных черт у молодежи.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-62-66

Введение

Современное развитие общества характеризуется формированием множества зависимостей у представителей различных возрастных групп. Часто они, а также аддикции являются следствием либо фактором alexситимии у молодежи. Alexситимия как психосоциальный феномен встречается в среднем у 15% населения и у каждого пятого молодого человека. Она представляет собой неспособность к словесному выражению испытываемых эмоций, вербализации чувств, их идентификации и рефлексии [1]. Она не является психическим заболеванием, это функциональная

особенность нервной системы индивида, при которой интеллект чаще всего сохранен [2]. Alexситимичные личности испытывают тот же спектр эмоций, что и обычные люди, однако с позиций психологии, психиатрии невыраженные эмоции вытесняются в подсознание, а их телесные проявления накапливаются. «Непрожитые» эмоции в дальнейшем обуславливают различные блоки и зажимы в теле, нарушают гормональный баланс и, в конечном итоге, приводят к психосоматическим заболеваниям (например, артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, бронхиальной астме, гастритам, дерматитам, мигреноподобным болям, аллергическим реакциям) [2].

Обзор литературы

В науке развиваются два основных подхода к исследованию alexситимии: биологический (анализ врожденных факторов) и социально-витаальный (анализ особенностей жизнедеятельности, социализации человека) и, как результат, ведется речь о первичной (конституциональной) и вторичной (по I. Fukunishi [3]) alexситимии. Первая, органическая, характеризуется, например, пороками развития, последствиями гипоксии в пренатальный и натальный периоды, заболеваниями раннего возраста. Данная форма alexситимии крайне устойчива к любым формам воздействия. При ней у этих людей предполагается наличие нарушения связи между полушариями головного мозга, что обуславливает постоянство межполушарного конфликта [4].

Вторичная alexситимия наблюдается в старшем возрасте у соматически здоровых людей и является следствием психотравм, нервных потрясений, заболеваний неврологического спектра, стрессов, а также выступает фоном ряда психиатрических болезней (например, шизофрении, аутизма). На наш взгляд, в качестве третьей группы причин можно рассматривать комплекс социальных влияний на личность, приводящих к alexситимии. Данная группа описана в литературе (А. Будневский, П. Ганнушкин, Н. Гаранян, Т. Грекова, И. Коростелова, А. Кравченко, В. Николаева, В. Ротенберг, Д. Трунов; R. Apfel, G. Loas, I. Fukunishi, H. Kristal, M. Naviland, K. Sasaki, Y. Numata, P. Sifneos). Речь идет о социальном влиянии на человека, негативном

воспитании, стереотипах поведения (например, неприемлемости выражения эмоций на людях, подавлении эмоций, нарушении саморегуляции), что приводит со временем к утере индивидом способности не только продуцировать, но и рефлексировать, описывать свои эмоции.

Психосоциальная диагностика алекситимии, прежде всего, ориентирована на анализ симптоматики. У алекситимичных личностей наблюдается затруднение перцепции и презентации аутоэмоций, их осмысления и описания, что негативно влияет на процесс межличностной коммуникации (вплоть до одиночества [5]). Ученые отмечают ограниченность воображения при алекситимии, творческого подхода, отрицание интуиции и четкости структурирования мыслительной деятельности, её утилитарность (А. Abramson, R. Apfel, J. Dirks, S. Robinson; А. Будневский, Е. Гузова, Н. Семенова, В. Соложенкин). Элементы данной симптоматики являются частью симптомокомплекса ряда форм аддиктивного поведения.

Взаимосвязь алекситимии с аддикциями не является очевидной, однако присутствует, что доказывают результаты многих исследований как за рубежом (J. Mayer, Y. Chishima, J. Ciagochi, P. Sifnoes, J. Forgas), так и в России (Н. Былкина, В. Калинин, В. Провоторов). Алекситимия распространена среди людей с избыточным весом и тех кто, находится в состоянии тревоги (56% и 45% соответственно, пациентов с неврозами, с посттравматическими стрессовыми расстройствами) (С. Brems [6]). Отмечена предрасположенность лиц с алекситимией к алкоголизму и наркомании, патологическому использованию компьютера (интернет-аддикции) особенно лицами мужского пола с низким уровнем образования [7], хотя в развитии никотиновой зависимости алекситимии отводится незначительная роль [8]. Исследования семей пробандов с игроманией, kleptomанией, а также компульсивным шопингом обнаружили, что среди родственников первой степени родства отмечались значимо более высокий уровень потребления алкоголя и других психоактивных веществ (ПАВ), а также депрессии и иные психические расстройства, нежели у контрольной группы (V. Grant [9]).

Алекситимия часто является коморбидным состоянием с другими расстройствами, с соответствующей распространенностью у 63% при анорексии, у 50% при зависимых от психоактивных веществ формах поведения (С. Brems, L. Namyniuk [10]), при расстройствах личности (А. Вдовиченко [11]), сексуальных расстройствах (И. Коростелева, В. Ротентберг [12]). Практически любая зависимость предполагает свое-

образное «погружение» человека, «застревание» в ней, зашоренность, повторение аддиктивных циклов, отсутствие насыщения и пресыщения (в частности, ониомания, булимия). При этом О. Шпаковская, А. Копытов указывают, что не имеет смысла вести речь о причинно-следственных связях соматики и алекситимии, так как люди с алекситимичными чертами составляют до 65% психосоматической популяции [1, 13].

Постановка задачи

Обзор литературы свидетельствует о недостаточности знаний об алекситимии как психологическом феномене и психосоциальных аспектах её взаимосвязи с аддикциями у молодежи. Соответственно, актуальными исследовательскими задачами будут: выявление особенностей взаимосвязи алекситимии с аддикциями у молодежи, определение специфики проявления алекситимии у молодежи с нехимическими зависимостями, значимости алекситимии как фактора риска развития аддиктивности (на примере интернет-аддикции).

Описание исследования

На решение указанных задач было направлено исследование, проведенное нами в 2016 г. ($N = 15$) с применением качественной методологии: интервью осуществлялось в двух режимах – онлайн и оффлайн. Выборку составили представители молодежи в возрасте от 14 до 30 лет [14], а также работники специализированных учреждений, занимающихся исследованием, профилактикой и реабилитацией людей с аддикциями.

В ходе опроса респондентов просили вспомнить случаи из собственной жизни либо жизни знакомых, родственников относительно специфики аддиктивного поведения, детерминации им алекситимии и наоборот.

Результаты исследования позволяют констатировать, что в большинстве случаев аддикция, алекситимия не осознаются. Примером погруженности в аддикцию, ставшей фактором развития алекситимии, является следующий кейс, представленный девятнадцатилетней учащейся вуза из г. Балаково: «Артем Е., будучи старостой класса, капитаном волейбольной команды, в 9-м классе начал увлекаться компьютерными играми. С каждым месяцем он стал все больше отходить от своих обязанностей в классе, стал меньше общаться со сверстниками. Через год всё его общение с одноклассниками и друзьям «сошло на нет», он забросил игру в волейбол, перестал помогать по дому, да и в принципе перестал общаться с членами семьи. Через два года друзья решили навестить Артема (так как ни под каким пред-

логом он не соглашался выходить гулять). Его было не узнать. Артем стал похож на “зомби”, он никак не отреагировал на присутствие друзей в комнате, не вступал в диалог при обращении к нему, во время рассказов о школе и пр., которые его раньше очень веселили, Артем не проявлял никаких реакций, за попыткой отвернуть его стул от компьютера последовала агрессия (он молча оттолкнул человека), при этом его лицо в тот момент не выражало никаких эмоций; с таким же спокойствием он сел за компьютер и продолжил игру. Мама и бабушка Артема говорили, что он все время проводит сидя за компьютером, ест и спит за ним же, с ними он не разговаривает уже 2 года и “ни на что не реагирует, ни на кнут, ни на пряник”».

Другой респондент также подтверждает негативное влияние игровой зависимости на эмоционально-волевою сферу человека и взаимосвязь аддикции с алекситимией: «Мой брат увлекся игрой в танчики – World of Tanks. Кроме них он практически ничего не видит и слышать тоже ничего не хочет. Сказать что-либо о себе или о своих успехах после длительного времени, проведенного в игре, он не может. А в последнее время даже и без игры он не может этого сделать. Этот виртуальный мир, бой, что разгорается на экране, полностью поглощает его, и вытащить его уже невозможно. Он либо начинает огрызаться, либо это может быть физическая агрессия. И с каждым днем становится лишь хуже. Его вербальные навыки снижаются, и происходит полная концентрация не на внутреннем состоянии (банальные физиологические потребности), а на внешнем, на экране его планшета» (девушка, 20 лет, учащаяся вуза, г. Волгоград).

Осознание зависимости может способствовать значительной дестабилизации жизнедеятельности человека, его эмоционально-волевой сферы. Формируется внутренний конфликт, в основе которого понимание аддикции и невозможность не только с нею справиться, но и управлять: «В принципе я понимаю, что подсел на азартные игры <...> но меня тянет, просто непреодолимо. Понимаю, что и деньги нельзя тратить на игры, а куда деваться <...> я как наркоман получаю, только ненастоящий... я ни с кем это не обсуждаю, стараюсь вообще меньше общаться...» (молодой человек, 27 лет, работающий, г. Саратов).

В ряде случаев люди предпринимали попытки избавиться от алекситимии, используя контент самой зависимости. В результате наблюдается обратный эффект, когда человек с алекситимичными чертами старается преодолеть её посредством, например, игровой компьютер-

ной деятельности, погружается в виртуальный, красочный мир, где всё возможно, всё так, как он захочет, и постепенно начинает уходить от реальности. Ему нравится это чувство, он ждёт того момента, когда снова сможет стать частью виртуального пространства, что и способствует формированию игровой аддикции.

Интернет-зависимость рассматривается в психологии и психиатрии как фактор алекситимии [15]: она предлагает молодежи более «интересную» виртуальную реальность, оказывающуюся зачастую предпочтительнее оффлайн жизни. Для интернет-аддиктов виртуальное пространство предстает в качестве неистощимого и относительно управляемого ресурса: «В Инете сейчас и кипит жизнь. У нас во дворе никто не гуляет – все встречаются в сети. Там интереснее, чем в жизни <...> Там адреналин! Плюс никто не пристаёт, всё сам рулишь... не оторвешься» (юноша, 15 лет, учащийся среднего специального учебного заведения, г. Маркс).

Относительная универсальность Интернета способствует подмене офлайн-реальности её виртуальным аналогом. При этом развитие информационных технологий, гаджетов позволяет тесно переплести эти два вида реальности: «Пробовала как-то отойти от Интернета, от социальных сетей. Затягивает капитально. Но как я могу одна это сделать? Ведь все там, в Инете сидят! Сейчас реального общения уже и нет, кроме как у старичков. Телефоны и то – с выходом в Сеть. Мои подруги всё время сидят в сети <...> рядом на скамейке сидят, а общаются через форумы, чаты <...> только улыбаются друг другу <...> абсурд <...> но это современная жизнь» (девушка, 20 лет, учащаяся колледжа, г. Ульяновск).

По мнению большинства опрошенных, Интернет – это скорость впечатления, импульсивность, активность, масса возможностей для самореализации, получения любой информации, возможность «заглянуть в чужие жизни», расширение кругозора, круга знакомств, средство решения практически любых проблем (от виртуальных до реальных), нахождения увлечений по душе, получения новых эмоций: «Для меня Интернет как вторая жизнь, причем насыщенная, яркая, эмоциональная. Я часто оторваться не могу <...> понимаю, что нужно встать и уйти, и не могу! Прихожу с работы – и в чаты. Прихожу на работу и снова в Сеть. Постоянно общаюсь с разными, абсолютно незнакомыми людьми, но после небольшой переписки, комментариев, мы становимся как родные» (девушка, 22 года, работающая, г. Тамбов); «...я всегда всплывающие картинки щёлкаю – там много интересного бывает <...> рекламу тоже. Например, недавно

и случайно так открыла для себя арт-раскраски Джанет Бэсфорд <...> здорово от стресса помогают, но чувствую, что подседа на них» (девушка, 15 лет, школьница, г. Аткарск).

Заключение

Подведем итоги исследования и сформулируем выводы.

Личность с алекситимичными чертами часто характеризуется специфическим дисбалансом, при котором эмоции в основном проявляются в контексте зависимости, а не в реальной жизни. Если пространство, контекст аддикции насыщается эмоциями, то реальность, наоборот, эмоционально оскудевает, в реальных социальных отношениях интенсивность эмоционального фона снижается. Особенно это заметно, когда меняется в отрицательную сторону отношение окружающих к аддикту. Его отстраненность начинает выполнять защитную реакцию.

В большинстве случаев алекситимия, аддикции не осознаются молодежью. Усиление алекситимии часто происходит в результате действия социальных стереотипов. При этом человек вынужден осуществлять контроль своих эмоций, купировать их с учетом интенсивности социокультурного влияния. Это влияние в большинстве случаев носит негативный оттенок и ориентировано на принуждение к коммуникации.

Алекситимия выступает одним из факторов риска развития аддиктивности у молодежи. Взаимосвязь алекситимии и аддикций обнаруживается в результате реализации различных форм аддиктивного поведения, а также трансформации личности человека. В частности, интернет-аддикция может выступать как фактором алекситимии, так и её следствием. При этом специфика проявления алекситимии у молодежи с нехимическими зависимостями (интернет-аддикцией) заключается в тотальной зашоренности человека, его самоизоляции от окружающего реального мира. Взаимосвязь алекситимии с аддикциями у молодежи проявляется в недостаточной устойчивости её эмоционально-волевой сферы, а также невысоком уровне самоконтроля.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект «Алекситимия как фактор риска развития аддиктивного поведения молодежи в Республике Беларусь и России» (№ 16-26-01005).

Список литературы

1. Шпаковская О., Копытов А. Роль алекситимии в формировании психосоматических расстройств и зависимых форм поведения // Мед. журн. 2014. № 4. С. 31–38.
2. Тевенко А. Алекситимия. URL: <http://onevroze.ru/chto-takoe-aleksitimiya-i-kakaya-ona-byvaet-osnovnyesimptomy-i-metody-lecheniya.html> (дата обращения: 22.05.2016).
3. Fukunishi I., Sasaki K., Chishima Y. [et al.]. Emotional disturbances in trauma patients during the rehabilitation phase: studies of posttraumatic stress disorder and alexithymia // General Hospital Psychiatry. 1996. Vol. 18. P. 121–127.
4. Ciarrochi J., Forgas J. P., Mayer J. D. Emotional intelligence in everyday life. N.Y., 2006. 327 p.
5. Apfel R., Sifneos P. Alexithymia: Concept and measurement // Psychotherapy and Psychosomatics. 1979. Vol. 32, № 1. P. 180–191.
6. Brems C. Childhood abuse history and substance use among men and women receiving detoxification services // American Journ. of Drug and Alcohol Abuse. 2004. Vol. 30. P. 799–821.
7. Рощина Е. Исследование феномена алекситимии у англо- и русскоязычных пользователей Интернет. М., 2011. 94 с.
8. Сосновский Д. Аддикции разные, болезнь одна. URL: http://drsosnov.ru/love_add_love_lech.html (дата обращения: 07.07.2016).
9. Grant V. Coping-anxiety and coping-depression motives predict different daily mood-drinking relationships, Psychology of addictive behaviors // Journ. of the Society of Psychologists in Addictive Behaviors. 2009. Vol. 23, № 2. P. 226–237.
10. Brems C., Namyniuk L. The relationship of childhood abuse history and substance use in an Alaska sample // Substance Use & Misuse. 2002. Vol. 37. P. 473–493.
11. Вдовиченко А. О типах акцентуации характера у делинквентных подростков // Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии. Л., 1976. С. 23–34.
12. Коростелева И., Ротенберг В. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // Телесность человека : междисциплинарные исследования. М., 1993. С. 142–150.
13. Александр Ф. Психосоматическая медицина : принципы и практическое применение / пер. с англ. С. Могилевского. М., 2002. 352 с.
14. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года: распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 года №1760-р. URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php> (дата обращения: 27.05.2016).
15. Grinevich E. Communication alexithymia and Internet addiction in students // Innovative views of young scientists. 2015. URL: <http://www.sworld.com.ua/konferm1/269.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

Образец для цитирования:

Зайцев Д. В., Селиванова Ю. В. Психосоциальные аспекты взаимосвязи алекситимии и аддикций у молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–66. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-62-66.

Psychosocial Aspects of the Relationship of Alexithymia and Addiction Among Youth

D. V. Zaitsev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: zaitsevd@bk.ru

Yu. V. Selivanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410600, Russia
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

The results of the psycho-social analysis of alexithymia as the functional features of the human nervous system. In the author's empirical research revealed the specifics of alexithymia among young people with non-chemical addictions, identified the importance of alexithymia as a risk factor in the development addictiveness (for example, Internet addiction). The study was conducted in 2016 ($N = 15$) by applying a quality methodology. The survey was carried out through interviews in two modes – online and offline. The sample included representatives of youth – socio-demographic group with the age limits of 14 to 30 years, as well as experts of the specialized agencies, engaged in research, prevention and rehabilitation of people with addiction. It found that with aleksitimichnymi personality traits frequently characterized by a specific imbalance in which emotions are manifested mainly in the context of dependencies, and not in real life: the study new research results have practical importance, namely, were obtained in most cases, alexithymia, addiction unknowingly youth; alexithymia gain frequently occurs as a result of social stereotypes; alexithymia is one of the risk factors in youth addictiveness. The relationship of alexithymia and addiction found as a result of various forms of addictive behavior, as well as the transformation of the human personality.

Key words: alexithymia, non-chemical addiction, addictive behavior, etiology of alexithymia, specific features of the youth aleksitimichnyh.

Acknowledgements: *The work has been prepared with the support of Russian Humanitarian Science Foundation, project «Alexithymia as a risk factor development of addictive behavior in youth Belarus and Russia» (№ 16-26-01005).*

References

1. Shpakovskaya O., Kopytov A. Rol aleksitimii v formirovaniy psikhosomaticheskikh rasstroystv i zavisimykh form povedeniya (The role of alexithymia in the formation of psychosomatic disorders and associated behaviors). *Med. zhurn.* (Medical Journal), 2014, no. 4, pp. 31–18.
2. Tevenko A. *Aleksitimiya* (Alexithymia). Available at: <http://onevroze.ru/chto-takoe-aleksitimiya-i-kakayana-byvaet-osnovnye-simptomy-i-metody-lecheniya.html> (accessed 22 May 2016).
3. Fukunishi I., Sasaki K., Chishima Y. et al. Emotional disturbances in trauma patients during the rehabilitation phase: studies of posttraumatic stress disorder and alexithymia. *General Hospital Psychiatry*, 1996, vol. 18, pp. 121–127.
4. Ciarrochi J., Forgas J. P., Mayer J. D. *Emotional intelligence in everyday life*. New York, 2006. 327 p.
5. Apfel R., Sifneos P. Alexithymia: Concept and measurement. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 1979, vol. 32, no. 1, pp. 180–191.
6. Brems C. Childhood abuse history and substance use among men and women receiving detoxification services. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 2004, vol. 30, pp. 799–821.
7. Roshchina E. *Issledovanie fenomena aleksitimii u anglo-russkoyazychnykh polzovateley internet* (The study of the phenomenon of alexithymia in English and Russian Internet users). Moscow, 2011. 94 p.
8. Sosnovskiy D. *Addiktii raznye, bolezni odna* (Addiction is different, one disease). Available at: http://drsosnov.ru/love_add_love_lech.html (accessed 7 July 2016).
9. Grant V. Coping-anxiety and coping-depression motives predict different daily mood-drinking relationships, Psychology of addictive behaviors. *Journal of the Society of Psychologists in Addictive Behaviors*, 2009, vol. 23, no. 2, pp. 226–237.
10. Brems C., Namyniuk L. The relationship of childhood abuse history and substance use in an Alaska sample. *Substance Use & Misuse*, 2002, vol. 37, pp. 473–493.
11. Vdovichenko A. O tipakh aktsentuatsii haraktera u delinkventnykh podrostkov (About the types of character accentuation in delinquent adolescents). *Psichologicheskie problemy psihogigieny, psihoprofilaktiki i medicinskoj deontologii* (Psychological problems of mental health, and psycho-medical deontology). Leningrad, 1976, pp. 23–24.
12. Korosteleva I., Rotentberg V. Problema aleksitimii v kontekste povedencheskikh konceptsiy psikhosomaticheskikh rasstroystv (The problem of alexithymia in the context of behavioral concepts of psychosomatic disorders). *Telesnost cheloveka: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* (Human corporeality: Interdisciplinary Studies). Moscow, 1993, pp. 142–150.
13. Aleksander F. *Psychosomatic medicine: it's principles and applications*. New York, 1949. 352 p. (Russ. ed.: Aleksander F. *Psichosomaticheskaya medicina: principy i prakticheskoe primeneniye*. Per. s angl. S. Mogilevskogo. Moscow, 2002. 352 p.
14. *Strategiya gosudarstvennoj molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii do 2016 goda: rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 18.12.2006 goda №1760-r* (Strategy of the state youth policy in the Russian Federation till 2016: Resolution of the RF Government of 18.12.2006 №1760. Available at: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php> (accessed 27 May 2016).
15. Grinevich E. Communication alexithymia and Internet addiction in students. Innovative views of young scientists. 2015. Available at: <http://www.sworld.com.ua/konferm1/269.pdf> (accessed 1 June 2016).

Cite this article as:

Zaitsev D. V., Selivanova Yu. V. Psychosocial Aspects of the Relationship of Alexithymia and Addiction Among Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 62–66. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-62-66.

УДК 316.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕПАРТАМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АМЕРИКАНСКОГО И РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

Нестерова Ксения Сергеевна – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ksenianestr@gmail.com

В статье представлены результаты сравнительного исследования организационных культур департаментов международного сотрудничества российского и американского университетов: Университета Вайоминга и Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Исследование проводилось с целью обнаружения культуральных сходств и различий структурных подразделений, отвечающих за успешность процессов интернационализации. Исследование выполнено с помощью методики ордерной диагностики организационной культуры на уровне лидера, направленной на выявление уровня развитости трех субордеров организационной культуры. Определено, что для американского университета доминирующим субордером является «семья», а для российского университета – «армия». По итогам сравнительного анализа сделан вывод о том, что в большинстве аспектов этические смыслы лидеров совпадают, что является благоприятным фактором для построения конструктивного диалога культур между университетами.

Ключевые слова: организационная культура, ордерный подход, организационная психология, ордерная диагностика.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-67-71

Университеты являются крупнейшими организациями, определяющими направления научных исследований, которые постоянно претерпевают изменения в связи с процессами глобализации в мире. Широкий обмен студентами и научными сотрудниками, совместные исследования и проекты, внедрение единой двухуровневой системы образования приводит к тому, что национальные границы университетов стираются. Поскольку университеты являются ценностно ориентированными организациями, смысл существования которых – саморазвитие путем переосмысления и интеграции социального опыта и знаний, осуществляемое на основании ценностных ориентаций и интересов личности и организации [1], необходимо учитывать отличия ценностных ориентиров университетов различных стран и регионов, которые могут порождать трудности в построении сотрудничества. Для эффективного развития процессов интеграции университетов необходимо формировать диалог организационных культур университетов: в первую очередь, нужно правильно выявить традиции

организационной культуры и ее базовые ценности, а затем реализовать изменения в рамках влияния интеграционных процессов.

Инструментом для построения диалога организационных культур может выступить ордерный подход к организационной культуре, в рамках которого для перевода организационно-культурной системы из существующего в желательное состояние [2] применяется ордерная технология изменения этой культуры, где на первом этапе для выявления базовых организационно-культурных ценностей выполняется ордерная диагностика. В рамках данного подхода было проведено сравнительное социально-психологическое исследование организационных культур партнерских университетов: Университета Вайоминга (США) и Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (СГУ) (РФ).

Цель статьи – представить сравнительный анализ результатов ордерной диагностики организационных культур департаментов международного сотрудничества российского и американского университетов на уровне руководителей для последующего успешного развития взаимодействия между университетами.

Основной идеей ордерного подхода является понимание культуры как сложного социально-психологического порядка управленческих взаимодействий, направляемых и регулируемых системой этических смыслов участников взаимодействия [3]. Этот порядок базируется на двух параметрах: доминирующем типе управленческого взаимодействия («родительский», «командирский», «пастырский», который порождает типы организационной культуры – «семья», «армия», «церковь») и структуре социально-психологического механизма порождения организационной культуры. При этом организационная культура типа «семья» обеспечивает эмоционально-ценностное единство членов организации, «армия» – целевое единство, а «церковь» – смысловое единство членов организации. Успешная и целостная организационная культура как социально-психологический порядок (ордер) содержит в себе три пропорционально развитых субордера: «семейный» – 33%, «армейский» – 33%, «религиозный» – 33%, но на практике, как правило, доминирует только один из них.

Концепция и характеристика эмпирического объекта

Основная идея исследования заключается в сравнительном социально-психологическом анализе организационных культур университетов США и России. Обнаружение культуральных сходств и различий на уровне лидеров структурных подразделений университетов, отвечающих за успешность процессов интернационализации, позволяет перейти к более глубоким уровням диагностики и впоследствии разработать программу обучения для сотрудников, которая будет способствовать развитию и укреплению сотрудничества между университетами.

Эмпирическим объектом исследования являются департаменты международного сотрудничества Университета Вайоминга и СГУ как наиболее передовые подразделения университетов в сфере межкультурного общения, регулярно сталкивающиеся с проблемами выстраивания эффективного сотрудничества с иностранными организационными культурами. Департамент международного сотрудничества в Университете Вайоминга представлен Центром иностранных студентов и стипендий (ISS), руководителем (лидером) является женщина в возрасте около 30 лет, занимающая должность руководителя данного центра на протяжении 8 лет. Свою карьеру она начала после окончания университета в этом Центре с должности координатора проекта.

Департамент международного сотрудничества в СГУ представлен Управлением международного сотрудничества и интернационализации (УМСИИ), руководителем (лидером) является мужчина в возрасте около 40 лет, занимающий данную должность более 4 лет. Он имеет продолжительный опыт работы в силовых структурах РФ.

Методы исследования и обработки полученных результатов

В фокусе исследования находится ордерная диагностика организационной культуры: на сегодня

нашний день эта системная диагностика выполняется при помощи трех методик Л. Н. Аксеновской. Наше исследование является первым уровнем диагностики и направлено на выявление степени выраженности трех субордеров организационной культуры [4]. В статье представлены результаты диагностики на уровне лидеров структурных подразделений двух университетов.

Применяемая методика включает 6 опросных листов, касающихся различных аспектов организационной культуры: 1) функционального смысла деятельности; 2) убеждений (об организации; об отношениях: к организации, организации к сотрудникам, к работе, к вышестоящим руководителям, к коллегам, к подчинённым, к организационным правилам); 3) доминирующей на предприятии модели управленческого взаимодействия; 4) психологического климата; 5) взаимодействия руководителей; 6) доминирующего субордера [5]. Диагностическая процедура заключается в оценке респондентом высказываний в опросных листах по шести указанным темам и балльной оценке по шкале от 0 до 10 по позициям «существующее состояние» (СС) и «желательное состояние» (ЖС). Максимальная сумма баллов по каждому из субордеров составляет 130 баллов.

Описание результатов ордерной диагностики

По результатам опроса руководителя международного департамента Университета Вайоминга (руководитель А), доминирующую позицию занимает «семейный» субордер (97 баллов). Ключевыми ценностями являются взаимоотношения между сотрудниками и комфортные условия работы (рис. 1). На втором месте находится «церковный» субордер (89 баллов). Руководитель выражает желание быть наставником («пастырем»). Субордер «армия» является наименее развитым в подразделении (81 балл). В желательном состоянии отмечается аналогичное существующему состоянию распределение между субордерами с небольшими изменениями в сторону усиления каждого из них.

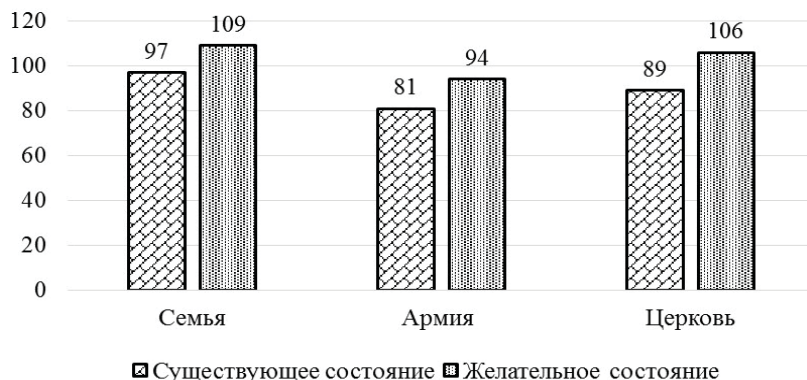

Рис. 1. Результаты опроса руководителя подразделения в Университете Вайоминга

Результаты опроса руководителя международного департамента СГУ (руководитель Б) свидетельствуют, что доминирующим субордером является «армейский» (108 баллов), а главными ценностями – решение профессиональных задач, дисциплинированность, функциональность отношений, четкое понимание правил и методов

работы (рис. 2). На втором месте находится «семейный» субордер (84 балла). Что касается «церковного» субордера, то руководитель проводит множество параллелей с предыдущим местом работы в силовой структуре, иллюстрируя слабую развитость этого субордера в университете в целом.

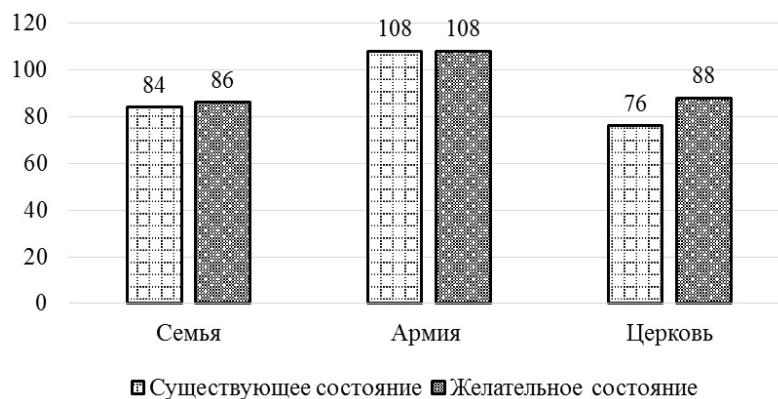

Рис. 2. Результаты опроса руководителя подразделения в Саратовском государственном университете

Сравнительный анализ полученных результатов

По результатам опросного листа «Функциональный смысл деятельности руководителей» выявлены отличия: для руководителя А важнейшим аспектом (10 баллов) деятельности является забота о сотрудниках, а для руководителя Б – забота о результатах деятельности. Эти расхождения могут быть вызваны различиями в профессиональном опыте руководителей. Для руководителя А коллектив является первым рабочим, что способствует особо внимательному отношению к каждому сотруднику и проявлению большей лояльности и мягкости к подчиненным. Руководитель Б имеет военный профессиональный опыт, что повлияло на характер управленческого взаимодействия с подчиненными.

В «убеждениях об организации» результаты руководителей совпадают: в существующем состоянии они воспринимают организацию как «второй дом» и считают, что университет не может быть «передовой на фронте научной войны», так как оба руководителя проводят большую часть своего времени в университете и предпочитают способствовать созданию мирной атмосферы на работе.

Убеждения «об отношении к организации» выявили, что оба респондента испытывают чувства благодарности и уважения к университету. Расхождение заключается в том, что в ЖС руководитель Б желает, чтобы университет был

смыслом его жизни (как религия), иллюстрируя пример силовой структуры, где сотрудники верят в предназначение организации.

В ответе на вопрос «об отношении организации к сотрудникам» мнения руководители совпали в том, что университет «применяет» их для решения профессиональных задач (10 баллов), кроме того, они хотят в желательном состоянии получать больше поддержки от университета (А – 10 баллов, Б – 8 баллов).

Рассказывая «об отношении к вышестоящим руководителям», руководитель А поставила максимальные оценки по всем параметрам, что отражает благодарность к своим наставникам за полученные знания. Респондент Б указал, что вышестоящие руководители преимущественно ставят задачи и требуют результатов (10 баллов), хотя в желательном состоянии хотел получать поддержку и помощь, чтобы стать более эффективным специалистом (8 баллов).

Отвечая на вопрос «об отношении к коллегам», оба респондента указали, что равные с ними по положению сосредоточены на решении своих задач (10 баллов). Также оба руководителя совпадают в желании получать эмоциональную поддержку и понимание со стороны коллег для комфортной работы (А – 10 баллов, Б – 8 баллов).

Значительные расхождения во мнениях выявлены в «отношении к подчиненным». Руководитель А оценивает своих подчиненных как верующих и следующих вместе с ней по

профессиональному пути, а руководитель Б рассказывает, что нередко «возится» с подчиненным «как с детьми», что негативно влияет на эффективность работы. Поэтому в желательном состоянии он предпочитает видеть их в качестве «солдат», быстро выполняющих приказы (10 баллов), и «верующих» единомышленников (8 баллов). Эти различия также вызваны предыдущим профессиональным опытом: руководитель А, воспринимая вышестоящих руководителей в качестве успешных наставников, подсознательно перенимает их модель поведения. Руководитель Б моделирует поведение командира, предпочитая сочетать это с наставничеством, но существующие обстоятельства заставляют его выполнять функции «родителя».

Убеждения, касающиеся «организационных правил» различаются у респондентов: если для руководителя А они включают взаимную поддержку, терпимость и лояльность, то для руководителя Б важнейшими являются дисциплинированность, функциональность и подтянутость. Общим же является то, что «церковные» правила, такие как единомыслие, единодушие, стремление к совершенству, сходство интересов, занимают промежуточную позицию (А – 6 баллов, Б – 8 баллов), что может служить объединяющей основой при построении взаимных коммуникаций.

В результате анализа опросного листа «Доминирующая модель управленческого взаимодействия» выявлено, что в существующем состоянии руководитель А ведет себя как вдохновляющий «пастырь» и «заботливый командир» (6 баллов), что касается желательного состояния, то данные показатели возрастают (8–10 баллов). Руководителя Б ведет себя как «заботливый командир» (10 баллов) и «верующий командир» (8 баллов). Таким образом, руководители выбирают смешанную модель управления, что связывается ими с необходимостью сочетать разные модели управления для эффективной работы.

Заполняя опросный лист «Взаимодействие руководителей», респонденты анализировали свои взаимоотношения с заместителями. Руководитель А не может определить доминирующую модель взаимодействия в существующем состоянии, но в желательном состоянии хочет реализовывать «пастырскую» модель – два «священника» (10 баллов), с элементами «ар-

мейской» модели – «верующие командиры» (8 баллов). Руководитель Б отмечает, что в существующем состоянии руководители ведут себя как два «командира» и два «священника» (8 баллов), а в желательном состоянии хочет, чтобы руководители комбинировали все три модели взаимодействия, с преобладающей «армейской» (10 баллов). Руководители постепенно приходят к необходимости сочетания трех моделей управленческого взаимодействия, что является основным посылом ордерного подхода.

Вывод

В результате ордерной диагностики было выявлено, что в организационной культуре международного департамента Университета Вайоминга доминирует «семейный» субордер, а в СГУ – «армейский». Сравнительный анализ результатов опроса респондентов показал, что в основном позиции руководителей совпадают, и это можно расценить как благоприятный фактор для построения делового сотрудничества. Расхождения в позициях чаще всего вызваны влиянием предыдущего жизненного и профессионального опыта. Благодаря диагностике организационной культуры на уровне лидера были выявлены основные аспекты организационных культур международных департаментов двух университетов, на основе чего в дальнейшем планируется разработать рекомендации для построения модели эффективного диалога культур Университета Вайоминга и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Список литературы

1. Пушиных В. А. Сравнительный анализ организационных культур российского и американского университетов // *Вопр. образования*. 2010. № 4 С. 291–307.
2. Аксеновская Л. Н. Социальная психология организационной культуры. Саратов, 2015. 93 с.
3. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.
4. Аксеновская Л. Н. Ордерное понимание организационной культуры // *Психол. журн.* 2009. Т. 30, № 4. С. 25–32.
5. Аксеновская Л. Н. Методика ордерной диагностики организационной культуры // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 63–68.

Образец для цитирования:

Нестерова К. С. Сравнительный анализ организационной культуры департаментов международного сотрудничества американского и российского университетов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 67–71. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-67-71.

Comparative Analyses of Organizational Culture of International Cooperation Departments of Russian and American Universities

K. S. Nesterova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: ksenianestr@gmail.com

The article presents the results of comparative research of organizational culture of international cooperation departments of Russian and American Universities: University of Wyoming and Saratov State University. The purpose of the research is a detection of cultural similarities and distinctions at the level of university division leaders that are responsible for success of internationalization. This research is carried by methodology of the order diagnostics of the organizational culture at the level of leader directed to the identification of the development level of three suborders of organizational culture. According to the results of diagnostics, in the American University the dominating suborder is «family», in the Russian University – «army». Following the results of the comparative analysis, the conclusion is that in the majority of questions ethical meanings of the leaders coincide, that is a favorable factor for creation of constructive dialogue of cultures between universities.
Key words: organizational culture, order approach, organizational psychology, order diagnostics.

References

1. Pushnykh V. A. Sravnitelnyy analiz organizatsionnykh kultur rossiyskogo i amerikanskogo universitetov (Comparative analyses of organizational cultures of Russian and American Universities). *Voprosy obrazovaniya* (Educational Studies), 2010, no. 4, pp. 291–307.
2. Aksenovskaya L. N. *Sotsialnaya psikhologiya organizatsionnoy kultury* (Social psychology of organizational culture). Saratov, 2015. 93 p.
3. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* (Order model of organizational culture). Moscow, 2007. 303 p.
4. Aksenovskaya L. N. *Ordernoe ponimanie organizatsionnoy kultury* (Order understanding of organizational culture). *Psikhologicheskiy zhurnal* (Psychological Journal), 2009, vol. 30, no. 4, pp. 25–32 (in Russian)
5. Aksenovskaya L. N. Metodika ordernoy diagnostiki organizatsionnoy kultury (Methods of order diagnostics of organizational culture). *Izv. Saratov Univ. (N.S), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 63–68.

Cite this article as:

Nesterova K. S. Comparative Analyses of Organizational Culture of International Cooperation Departments of Russian and American Universities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 67–71. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-67-71.

УДК 159.99

ФАКТОРЫ САМОАКТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (по материалам пилотажного исследования)

Одинцова Мария Антоновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет. E-mail: mari505@mail.ru

Айсмонтас Бронюс Броневич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет. E-mail: abronius@yandex.ru

Куляцкая Мария Георгиевна – психолог, Московский государственный психолого-педагогический университет. E-mail: 9262223441@mail.ru

В статье сделан анализ понятия самоактивации личности с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и приведены результаты исследования факторов самоактивации студентов с ОВЗ. Уточнено, что самоактивация личности с ОВЗ – это психологическая активация, включающая восприятие, оценку, анализ внешних сигналов (условий среды, примеров значимых людей), их внутреннюю переработку и принятие наиболее ценного и значимого для себя, в результате чего личность в состоянии управлять собой на основе внутреннего потенциала и жизнестойкости: позитивного восприятия жизни и внутренней картины болезни, активности при решении учебных, бытовых и профессиональных задач, отношения к себе как к человеку, осознающему свои ограничения и уверенному в своих возможностях. Выявлено, что факторами, способствующими самоактивации студентов с ОВЗ, являются: внешние – яркие примеры значимых людей, которые становятся идеалами проявления активности, воли, общительности, самодисциплины; сфера образования; внутренние – стремление к самореализации, позитивное отношение и интерес к жизни.

Ключевые слова: активность личности, самоактивация, жизнестойкость, реабилитационный потенциал, студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-72-79

Введение

В психологии понятие самоактивации связывается со множеством «само» личности: самостоятельностью (М. А. Мусаева, Ю. Е. Романова и др.); саморазвитием (Е. А. Белова, В. П. Каленская и др.); самоактуализацией (Е. В. Самаль и др.); самодетерминацией (В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев) и т.д. В данный перечень включается и понятие автономии (А. В. Павлова, М. Л. Левина) как личностной характеристики самоустраемленности, способности к самоуправлению (саморегуляции), способности выбирать между альтернативными возможностями, ориентируясь на внутреннюю поддержку, в качестве которой могут выступать

смысл, ценности, жизнестойкость. Исследований в данной области проведено немало, однако большинство из них в основном ориентированы на людей без инвалидности, имеющих те или иные сложности в адаптации и социализации. В единичных работах затрагиваются проблема психологических типов самореализации личности с ОВЗ и инвалидностью (Е. И. Исаев и П. А. Галушкин), проблема активизации их деятельности (Т. Б. Янтурина) и т.п. Большинство исследователей концентрируются на проблемах адаптации (О. Л. Гончарова, И. Н. Шувалова, Ю. В. Богинская) и социализации (И. Л. Соловьева, Е. М. Зубкова) людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ). Также в контексте данной тематики делается акцент на личностном потенциале, который может способствовать самодетерминации человека с ОВЗ (С. Л. Богомаз, С. Ф. Пашкевич).

Ближе всего к понятию активации – понятие «активность личности» (от лат. *actīvus* – деятельный), которая проявляется в волевых актах, личностном самоопределении и обусловлена представлением о себе самом как о «субъекте – причине» того, что происходит в окружающем мире. Именно благодаря активности человек поднимается над стандартом, реализуя усилия для достижения заданной цели, действуя «над ситуативно» [1]. С точки зрения Л. Ф. Алексеевой, активность становится интегральным психологическим образованием, свойством и состоянием человека и проявляется в результате следующей цепочки: 1) физиологической активации организма, которая переходит в 2) психическую активацию и только затем в 3) психическую активность, которая, в свою очередь, и приводит к 4) проявлению внешней активности человека на моторном и личностном уровнях [2]. В словаре С. Ю. Головина предлагается следующее определение психологической активации, которую, как указывает автор, нельзя путать с активацией физиологической. Психологическая активация связана с расшифровкой внешних сигналов, зависима от уровня бодрствования и от состояния сознания, а также от потребностей, вкусов, интересов и планов человека [3]. Следовательно, психическая активация обусловлена не только физиологической активацией, но

и развитостью мотивационно-потребностной, ценностной и смысловой сфер личности, что и является результатом активности личности.

Стоит отметить, что активность личности начинается с феномена, хорошо известного в возрастной психологии – «я сам», в который включается активация и самостоятельность в их единстве [4], отсюда – самоактивация, которая

обусловлена личностным складом (основными характеристиками, к которым можно отнести личностный реабилитационный потенциал, жизнестойкость и т.п.). Человеку свойственно стремление к поддержанию оптимального уровня активации, а значит – самоактивации, потому что именно это позволяет ему наиболее эффективно действовать (рис. 1).

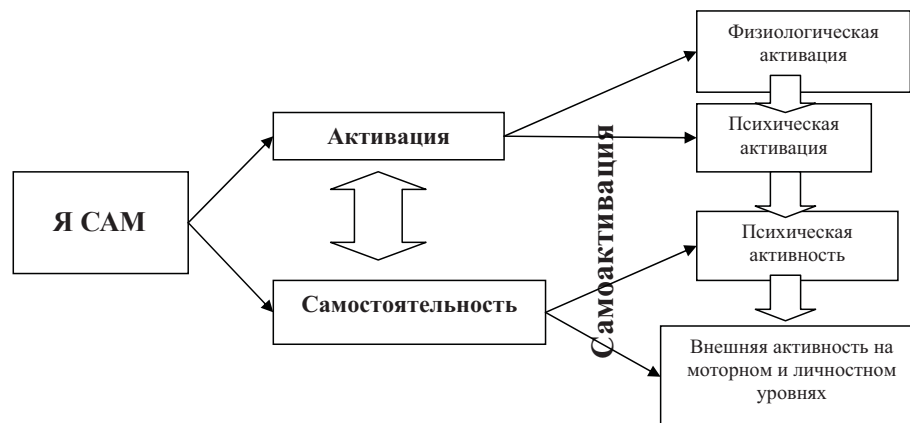

Рис. 1. Самоактивация в структуре личностной активности

Как видим, самоактивация личности формируется в детстве, является стержневой для развития личностной активности и взаимосвязана со множеством «само»: самостоятельностью, самореализацией, самоактуализацией, самодетерминацией и др. Особенно актуальна тема самоактивации для людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья: именно для них ситуация заболевания становится критической, а в таких всяческое «само» если не исключается, то замедляется. Вместе с тем стоит признать, что болезнь, с одной стороны, позволяет обнаружить слабые места, с другой – активизирует личностный потенциал, определяет уровень личностной зрелости. Поэтому наиболее важным является вопрос: какие же факторы (внутренние и внешние) способствуют самоактивации людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья?

Организация исследования

Для ответа на этот вопрос было проведено исследование, в котором приняли участие 54 студента факультета дистанционного обучения МГППУ, из них 27 здоровых и 27 с инвалидностью и ОВЗ различной этиологии.

Для исследования факторов самоактивации лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья была разработана специальная анкета, состоящая из девяти вопросов. В статье будут проанализированы только некоторые из

них. Первый вопрос: «Кто из общественно известных личностей является для Вас примером активной жизненной позиции?». Необходимо было оценить, какие черты характера указанного героя кажутся наиболее важными. В перечень вошло десять важных качеств личности: ум, воля, смелость, доброта, активность, общительность, энергичность, творчество, самодисциплина, уверенность. Данный перечень по желанию можно было пополнить. Второй и третий вопросы касались примеров из ближайшего окружения и людей с ОВЗ. В четвертом вопросе необходимо было подчеркнуть: «Что является для Вас лично условием успешной социализации? (образование, профессия, волонтерство)» и указать, что вошло в данный перечень. Далее следовали вопросы, касающиеся факторов, способствующих активной социализации, затем – касающиеся факторов, способствующих достижению успеха (самодисциплина, знание своего дела, уверенность в своих силах, творчество, сила воли, интеллект, активность, мотивация, общительность, энергичность). Эти факторы необходимо было проранжировать по степени важности и дополнить. И последним был вопрос: «Отличается ли Ваша жизнь от жизни Ваших ровесников? Если да, то чем?». Был дан список качеств, которые можно было пополнить (я более успешен, образован, я лучше реализую себя в профессии, в других видах деятельности, я успешнее преодолеваю трудности, более уверен в себе, у меня

больше возможностей, у меня лучше результаты, я легче достигаю целей в жизни, лучше знаю о своих жизненных предназначениях). Кроме анкеты, были использованы две методики: 1) методика «Реабилитационный потенциал» (И. Ю. Кулагиной, Л. В. Сенкевич, 2015); 2) тест жизнестойкости (скрининговая версия, Е. Н. Осин, 2013).

Результаты исследования

При ответе на первый вопрос анкеты «Кто из общественно известных личностей является для Вас примером активной жизненной позиции?» 55,5% лиц с ОВЗ и только 7% здоровых называли писателей (Р. Розенбак, Б. Вербор, А. Солженицын, А. Пушкин и др.) и героев художественной литературы (Дон Кихот, Скарлет О'Хара, майор Звягин и др.). 29,6% здоровых и 33,3% студентов с ОВЗ указали на исторические личности: А. Маресьева, М. Ломоносова, Петра I, М. Кутузова, А. Суворова, С. Разина, А. Македонского, Ека-

терину II, княгиню Елизавету и др. Среди общественных и политических деятелей 29,6% здоровых и 15% людей с ОВЗ называли: В. Путина, Л. Рошалья, Д. Лихачева, Ч. Хаматову и др. Людей искусства чаще называли люди с ОВЗ (25,9%). В данный перечень вошли: Ф. Раневская, М. Плисецкая, В. Высоцкий и др. Список героев люди с ОВЗ дополнили именами известных людей с инвалидностью: А. Талай-Нарышкина, Ника Вуйчича, Ст. Хоккинга и др.

На вопрос «Какие черты характера указанного героя кажутся Вам наиболее важными?» были получены следующие ответы: большинство студентов с ОВЗ в общественно известных личностях больше всего оценили такие качества, как смелость (78%), активность (70%), самодисциплину (67%), в то время как здоровые оценивали ум (74%), активность (68%), уверенность (63%). Общительность у своих кумиров значительно чаще отмечали студенты с ОВЗ в отличие от здоровых сверстников ($p = 0,05$) (рис. 2).

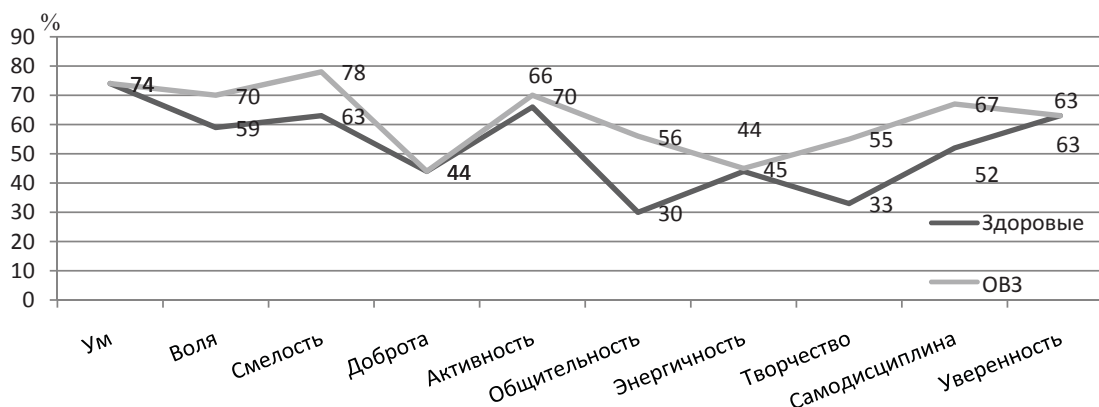

Рис. 2. Какие черты характера общественно известной личности кажутся Вам наиболее важными?

Кроме этого, студентами с ОВЗ были названы дополнительные качества, не вошедшие в заданный перечень: харизма, патриотизм, прямота, целеустремленность, вдохновение, верность своему делу, самопожертвование, доброта, юмор, вера в дружбу, независимость, честность. Здоровые ограничились тем списком, который им был предложен.

Затем необходимо было перечислить наиболее яркие примеры активной жизненной позиции среди ближайшего окружения. Студентами были названы значимые люди: мать, отец, братья и сестры, дедушки и бабушки, педагоги (руководители студий, кружков, секций и т.п.), супруги.

Оказалось, что для 30% здоровых и для 11% людей с ОВЗ примерами активной жизненной позиции становятся педагоги (руководители кружков и секций), для 33,3% людей с ОВЗ и 7,4% здоровых – братья и сестры, для 18,4%

людей с ОВЗ и 22,2% здоровых – мама, для 22% здоровых и только для 4% людей с ОВЗ – отец, для 7,4% людей с ОВЗ – супруги и для 4% здоровых – друзья. Студенты с ОВЗ чаще здоровых называли братьев, супругов и дедушек как значимых для себя людей в отличие от здоровых, которые в данный список включали своих отцов. Как видим, недостаток отцовского внимания компенсируется за счет привлечения студентами с ОВЗ в круг референтных лиц из ближайшего окружения родственников мужского пола (братьев, дедушек, мужей).

Людьми с ОВЗ были названы качества значимых людей из ближайшего окружения, которые они считают самыми важными. Ум как одно из самых важных качеств близких людей назывался в 63% случаев, активность – в 81%, энергичность – 63%, уверенность – 59% случаев. Здоровые указали на такие качества, как ум (70%), активность (66,6%),

энергичность (77,7%), уверенность (66,6%). Люди с ОВЗ дополнили перечень качеств, которые они ценят в своих близких, и дополнительно обозначили: умение любить, доброта, сила духа, ответственность, умение ставить цели, мудрость. Здоровые дополнительно назвали только честность и инициативность.

На вопрос о примерах активной жизненной позиции среди людей с ОВЗ были названы: 1) исторические герои (А. Маресьев, Л. Бетховен, Х. Келлер); 2) известные современники: Ник Вуйчич, Ст. Хоккинг, Дж. Митт, С. Шиллов, М. Генделева, К. Беланин, Д. Кузнецова и др.; 3) люди из ближайшего окружения, среди которых сокурсники, бабушка, мама. Среди родных, исторических героев, известных современников здоровые не назвали таких примеров. Чаще всего и здоровые, и студенты с ОВЗ называли Н. Вуй-

чича и А. Маресьева в качестве ярких примеров активной жизненной позиции. 14,8% лиц с ОВЗ и 11% здоровых в качестве таких примеров назвали своих сокурсников. Студентами с ОВЗ были перечислены качества значимых для себя людей с инвалидностью, которые они считают самыми важными: активность (66,6%), воля (59,2%). Здоровые также наиболее высоко у известных людей с ОВЗ оценили такое качество, как волю (55,5%). Таким образом, студенты с ОВЗ значительно чаще, чем здоровые, отмечали активность как одно из важнейших качеств своих кумиров ($p = 0,05$) (рис. 3). Дополнительно ими были отмечены: отзывчивость, прямота, честность, искренность, умения жить и радоваться жизни. Здоровые ограничились тем перечнем важных личностных качеств, который был задан в анкете.

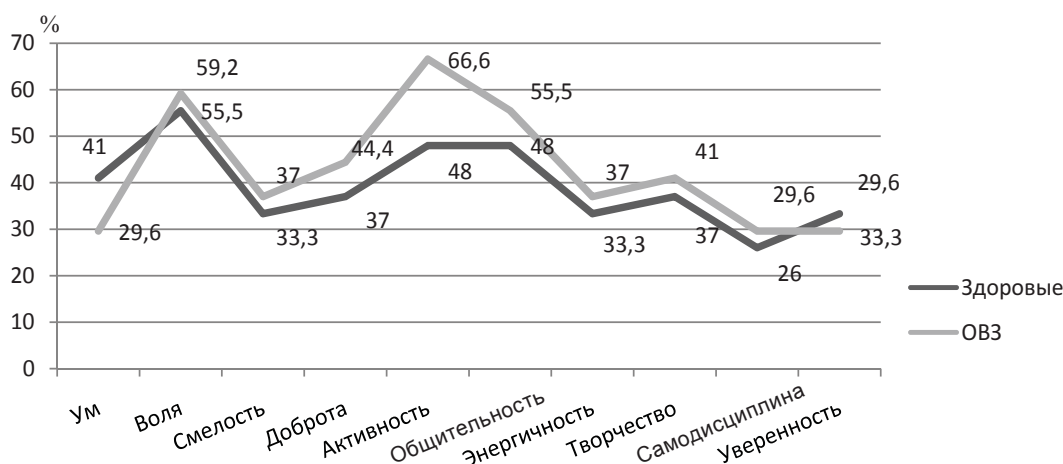

Рис. 3. Какие черты характера человека с ОВЗ кажутся Вам наиболее важными?

Далее был сделан обобщенный анализ наиболее важных качеств, которые ценят здоровые и студенты с ОВЗ у известных людей, у ближайшего окружения и людей с инвалидностью. У известных личностей наиболее ценными становятся ум (57,25%), смелость (53,5%), активность (52%). У значимых людей из ближайшего окружения – активность (51,75%), энергичность (50%). У известных людей с ОВЗ наиболее ценными качествами стали активность (57,3%), воля (57,35%) и общительность (51,75%).

Обобщенный анализ позволил выявить, что студенты с ОВЗ выше, чем здоровые, оценивают в значимых для себя людях практически все перечисленные в анкете качества личности, при этом расширяя и дополняя заданный перечень. Можно сказать, что студенты с ОВЗ в большей степени сориентированы на конкретные идеалы, кумиров: ценность значимой личности для них очень высока.

Далее следовал анализ условий успешной социализации. Такими условиями становится «образование» для 70% лиц с ОВЗ и для 41% здоровых, «профессия» для 52% студентов с ОВЗ и для 74% здоровых, «волонтерская деятельность» для 15% студентов с ОВЗ и для 11% здоровых.

Различия обнаружены только по фактору «образование», которое больше ценится студентами с ОВЗ ($p = 0,030$). Среди прочих факторов успешной социализации, которые необходимо было проранжировать, также были обнаружены различия между группами «идеалы» ($p = 0,004$), «близкие друзья» ($p = 0,033$), которые являются факторами активной социализации, выше оценивались здоровыми. Самореализация ($p = 0,018$), жизненные стремления ($p = 0,015$), значительно выше оценивались студентами с ОВЗ (рис. 4).

При выстраивании иерархии факторов, способствующих активной социализации, было обнаружено следующее: на первом месте стоят

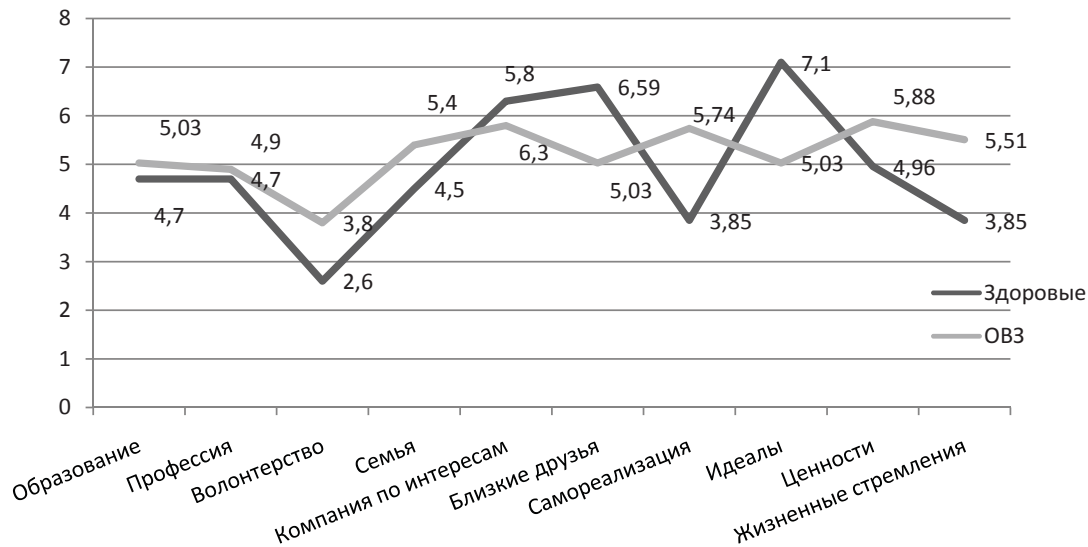

Рис. 4. Факторы успешной социализации (средние значения)

идеалы, группы по интересам, близкие друзья, ценности. Второе место занимают: семья, образование, профессия, самореализация и жизненные стремления, которые выражены практически одинаково, на последнем месте – волонтерская деятельность, которая, по мнению респондентов, слабо влияет на успешную социализацию.

Таким образом, одним из условий успешной социализации для студентов с ОВЗ является такой внешний фактор, как образование, и внутренние факторы, такие как самореализация и жизненные стремления, в отличие от здоровых,

для которых наиболее важным внешним фактором активной социализации является группа по интересам, близкие друзья, а внутренним – идеалы.

Проанализируем факторы, помогающие достичь успеха. Здоровые респонденты высоко оценили творчество, интеллект и общительность, студенты с ОВЗ – общительность, самодисциплину, активность и энергичность. Творчество как один из факторов, способствующих достижению успеха, значительно выше оценивалось здоровыми, в отличие от студентов с ОВЗ ($p = 0,05$) (рис. 5).

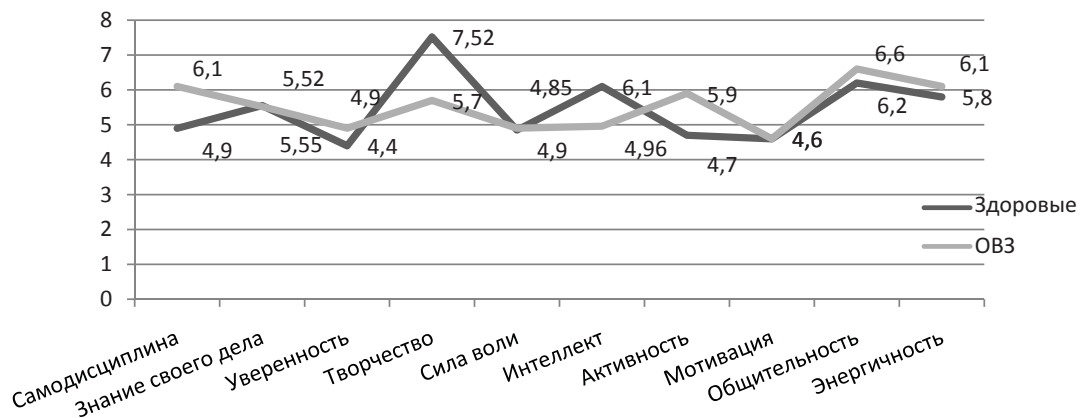

Рис. 5. Факторы достижения успеха (средние значения)

При выстраивании иерархии факторов, способствующих достижению успеха, было обнаружено следующее: самыми важными факторами в достижении успеха становятся творчество, общительность, энергичность – качества, которые получили высокие оценки. Самодисциплина, интеллект, знание своего дела, активность и сила воли стоят на втором месте по степени значимости.

На вопрос анкеты «Отличается ли Ваша жизнь от жизни ваших ровесников? И если да, то в чем?» были получены следующие ответы: более успешными считают себя здоровые респонденты, в отличие от тех, у кого есть ОВЗ ($p = 0,009$), последние значительно реже выбирали данный вариант ответа. Уверенность в себе – то качество, которое отличает здоровых

респондентов от другой группы. Студенты с ОВЗ данное качество отмечали значительно реже ($p = 0,037$). Считают, что у них больше возможностей,

чем у сверстников, здоровые респонденты: данный вариант ответа они выбирали значительно чаще, чем люди с ОВЗ ($p = 0,019$) (рис. 6).

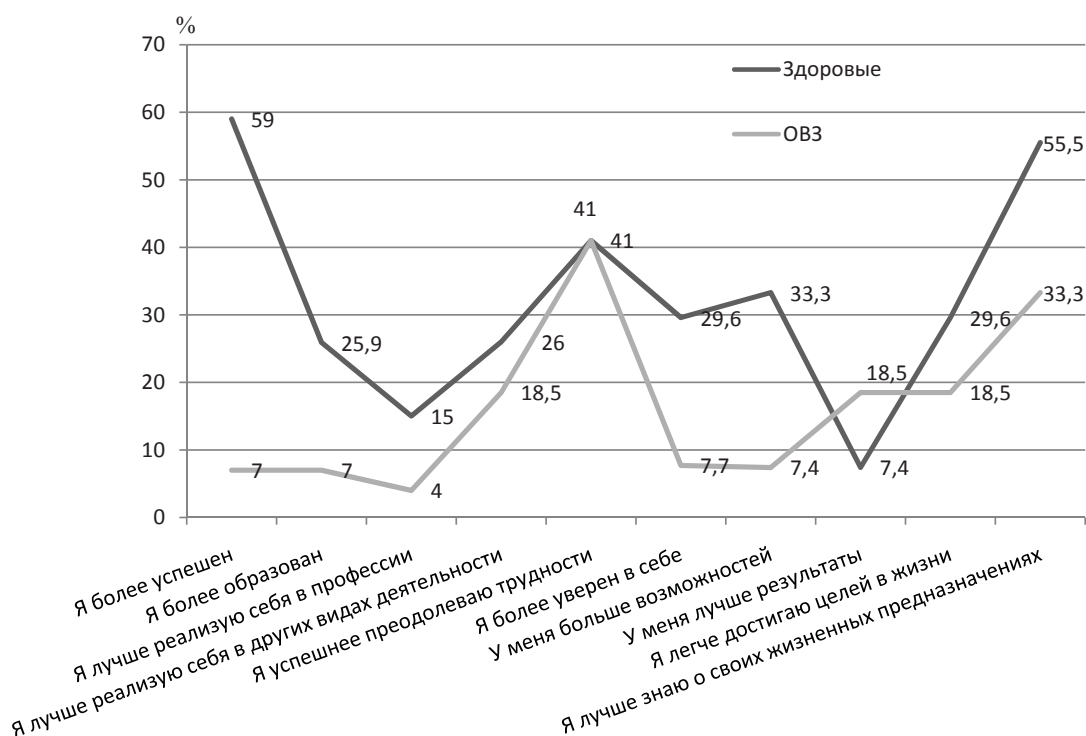

Рис. 6. Что отличает меня от большинства сверстников?

По остальным характеристикам значимых различий между группами не обнаружено, однако здоровые чаще отмечали и свою образованность, и возможности реализации себя в профессии: по их мнению, это те качества, которые отличают их от большинства сверстников. Обе группы респондентов одинаково часто выбирали ответ «Я успешнее преодолеваю трудности», и этот показатель становится едва ли не ведущим отличительным признаком респондентов нашей выборки. Кроме того, студентами с ОВЗ были названы такие качества, как: «я более мобилен», «у меня богаче опыт преодоления трудных жизненных ситуаций» и т.п.

Проведем анализ ответов респондентов на вопросы теста жизнестойкости: и здоровые, и студенты с ОВЗ интересуются жизнью в целом, получают удовольствие от деятельности, проявляют активность. Обе группы студентов стремятся противостоять трудностям, ставят труднодостижимые цели, стремятся к их воплощению в жизнь, проявляя при этом настойчивость. Они убеждены, что могут повлиять на результаты происходящего вокруг. Один из ответов от респондента с ОВЗ на вопросы анкеты, данные которой были приведены выше, был следующим: «На самом деле мы

люди с безграничными возможностями!», что подтверждает стремление студентов с ОВЗ проявлять надситуативную активность и быть авторами своей жизни.

Вместе с тем были обнаружены значимые различия между группами ($p = 0,014$) такой характеристики жизнестойкости, как «принятие риска». Студенты с ОВЗ не всегда готовы действовать при отсутствии надежных гарантий успеха, они более осторожны, чем здоровые. В ответе на вопросы большинства шкал опросника «Реабилитационный потенциал личности» не было различий между группами. Были получены значимые различия между группами только по шкале «Внутренняя картина болезни» ($p = 0,003$). Студенты с ОВЗ чаще думают о своем заболевании, считают, что болезнь мешает им жить так, как хотелось бы, чаще обвиняют в случившемся свое окружение, чаще переживают болезненные состояния и считают свою жизнь менее полноценной. Несмотря на то, что студенты с ОВЗ менее позитивно воспринимают внутреннюю картину своего заболевания, они активны и относятся к себе как к тем, кто хорошо осознает свои ограничения, но и знает свои возможности, в целом для них характерно позитивное отношение к жизни.

Заключение и выводы

Проведенное нами исследование факторов самоактивации лиц с инвалидностью и ОВЗ позволило ввести и уточнить понятие самоактивации личности с ОВЗ. Самоактивация личности с ОВЗ – это психологическая активация, включающая восприятие, оценку, анализ внешних сигналов (условий среды, примеров значимых для себя людей), их внутреннюю переработку и принятие наиболее ценного и значимого для себя, в результате чего личность в состоянии управлять собой на основе внутреннего потенциала и жизнестойкости: позитивного восприятия жизни и внутренней картины болезни, активности при решении учебных, бытовых и профессиональных задач, отношения к себе как к человеку, осознающему свои ограничения и уверенному в своих возможностях.

Важность исследования заключается в том, что, говоря о болезни лиц с ОВЗ, необходимо в первую очередь, как писал М. Я. Мудров, обращать внимание на дом, в котором она поселилась [5]. И этим домом становится сам болеющий – человек с ограниченными возможностями здоровья. Необходимо учитывать все части этого дома: внутренние (жизнестойкость, реабилитационный потенциал и т.д.) и внешние (условия среды). В некоторой степени наше исследование позволило проникнуть в этот «дом», выявить слабые и сильные стороны студентов с ОВЗ, которые могут стать ресурсами восстановления и укрепления тех частей «дома», которые ослаблены. Данная идея подчеркивается и в современных исследованиях, в частности в работах М. М. Орловой [6].

Таким образом, как показало исследование, слабыми сторонами студентов с ОВЗ являются:

1. Убежденность в невозможности реализации себя в профессии и реальные трудности, с которыми сегодня сталкивается человек с ОВЗ в профессиональной сфере. Не секрет, что трудоустройство людей с ОВЗ является одной из глобальных проблем современности. Получение профессионального образования инвалидами теряет смысл, если не сопутствует последующему гарантированному трудоустройству. Однако трудоустройство не всегда возможно в силу множества причин: низкой конкурентоспособности людей с ограниченными возможностями здоровья, трудностей в создании специально оборудованных мест, недостаточного количества вакансий, отсутствия надомного труда, нежелания руководства принимать на работу инвалидов и многого другого.

2. Убежденность в своих ограничениях в силу различных внешних и внутренних барьеров. Недостаточная готовность действовать, осторожность.

3. Менее позитивное восприятие внутренней картины болезни.

Вместе с тем можно выделить и сильные стороны студентов с ограниченными возможностями здоровья:

хорошо сформированное представление о своих идеалах (значимых людях) и их личностных качествах (активности, воле, общительности, энергичности, самодисциплине), которые становятся для них ориентиром;

мотивация к самореализации и реализации жизненных стремлений, в первую очередь в сфере образования. Образование на сегодняшний день становится для лиц с ОВЗ едва ли не единственной доступной средой самореализации;

активность, отношение к себе как к человеку, хорошо осознающему свои ограничения, но и знающему свои возможности. Позитивное отношение к жизни (интерес к жизни, умение получать удовольствие от деятельности). Противодействие трудностям, постановка труднодостижимых целей и стремление к их реализации, настойчивость. Убежденность в собственных силах и возможностях влиять на происходящее.

Таким образом, факторами, способствующими самоактивации студентов с инвалидностью и ОВЗ, являются внешние: яркие примеры значимых людей, которые становятся идеалами проявления активности, воли, самодисциплины; сфера образования; внутренние: стремление к самореализации, позитивное отношение и интерес к жизни.

В заключение хотелось бы отметить, что для многих студентов без проблем со здоровьем однокурсники с ограниченными возможностями здоровья также стали живыми примерами активной жизненной позиции, что свидетельствует о ресурсном характере инклюзивного образования.

Список литературы

1. Петровский А. В. Человек над ситуацией. М., 2010. 559 с.
2. Алексеева Л. Ф. Роль активности субъектов деятельности в развитии личностных качеств // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 3–6.
3. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1998. 800 с.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980. 335 с.
5. Мудров М. Я. Слово о способе учить и учиться медицине // Избр. произв. М., 1949. 296 с.
6. Орлова М. М. Понятие «ситуации болезни»: объективные и субъективные составляющие // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 82–87.

Образец для цитирования:

Одинцова М. А., Айсмонтас Б. Б., Куляцкая М. Г. Факторы самоактивации студентов с ограниченными возможностями здоровья (по материалам пилотажного исследования) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 72–79. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-72-79.

**Self-activation Factors of Students with Disabilities
(by the Materials of Pilot Study)**

M. A. Odintsova, B. B. Aysmontas, M. G. Kulyatskaya

Moscow State University of Psychology & Education
29, Sretenka str., Moscow, 107045, Russia
E-mail: mari505@mail.ru; 9262223441@mail.ru

The article shows the analysis of the concept of self-activation of the personality with disabilities (HIA), and shows results of research the self-activation's factors of the students with HIA. It was clarified, the self-activation of the personality means psychological activation, containing a perception, an appraisal, an analysis to external signals (environmental conditions, examples of important people), containing their internal processing to adopt and accept the most of valuable and meaningful for oneself. For personality, it is able to manage oneself on the basis of inner potential and hardiness (the positive perception of life and internal picture of the disease, one's activities to solve educational, residential and professional problems, to be a person, who knows one's limitations and who is confident of one's abilities). The article revealed the factors of contributing to the self-activation of students with disabilities and the HIA. The external factors (clear examples of important people can become to ideals of activity, sociability, self-discipline, the sphere of education); the internal factors: the desire for self-realization, the positive attitude and zest for life.

Key words: activities of the personality, self-activation, hardiness, rehabilitation potential, students with disabilities and HIA.

References

1. Petrovskiy A.V. *Chelovek nad situatsiyey* (People over the situation). Moscow, 2010. 559 p.
2. Alekseeva L. F. Rol aktivnosti subektov deyatel'nosti v razvitiy lichnostnykh kachestv (Role of the activity of the subjects of activity in the development of the personal qualities). *Vestn. Buryat. gos. un-ta* (Buryat State University Bulletin), 2009, no. 5, pp. 3–6.
3. *Slovar prakticheskogo psikhologa* (Vocabulary for the experimental psychologist). Compiler S. U. Golovin. Minsk, 1998. 800 p.
4. Abulhanova-Slavskaya K. A. *Deyatel'nost i psikhologiya lichnosti* (Activities and psychology of the personality). Moscow, 1980. 335 p.
5. Mudrov M. Y. Slovo o sposobe uchit i uchitsa meditsine (The word about a way to teach and to study of medicine). *Izbr. proizv.* (Select works). Moscow, 1949. 296 p.
6. Orlova M. M. Ponyatie «situatsii bolezni»: obektivnyye i subektivnyye sostavlyayushchie (The notion of "disease situation" objective and subjective components). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 82–87.

Cite this article as:

Odintsova M. A., Aysmontas B. B., Kulyatskaya M. G. Self-activation Factors of Students with Disabilities (by the Materials of Pilot Study). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 72–79. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-72-79.

УДК 316.6+159.9:61

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

Орлова Мария Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

В статье представлен субъектно-социальный подход к анализу ситуации инвалидности на примере больных сахарным диабетом. Рассматривается проблема ресоциализации больного и инвалида в социально-психологическом контексте, в системе внешних и внутренних детерминант. Раскрывается система психологических и социально-психологических факторов субъективной составляющей ситуации: представления о роли больного/здорового человека и оценке качества жизни. Сделаны выводы о специфичности удовлетворенности жизнью и адаптационных стратегиях личности в зависимости от ситуации здоровья и ситуации инвалидности. Зависимое поведение, характерное для ситуации инвалидности, объясняется ее кризисностью и ограничением социальных возможностей больного. Показана роль представлений о здоровом и больном человеке в адаптационном процессе. Трансформация этих представлений может свидетельствовать о переходе в другую социальную группу – больных людей, что предполагает утрату ценности здоровья и снижение активности личности в ее сохранении.

Ключевые слова: ресоциализация, ситуация здоровья, ситуация болезни, социальные представления, роль здорового человека, роль больного человека.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-80-84

Проблемы здоровья и болезни, традиционно относящиеся к медицинскому знанию и рассматриваемые в клинической психологии в связи с изучением внутренней картины здоровья и болезни, требуют изучения в *социальном* контексте: это проблемы ресоциализации больного и инвалида, актуализации социальной роли здорового и больного человека, инвалида, формирования социально-психологических ситуаций здоровья и болезни, поскольку именно общество через свои институты определяет социальный и психологический смысл здоровья и болезни. Нестабильность и социальная динамика современного общества являются факторами, обостряющими непредсказуемость этих ситуаций [1].

В настоящее время проблема социализации людей в ситуации соматического заболевания актуализируется благодаря реализации гуманистического подхода к профилактике здоровья и реабилитации, в том числе, и ресоциализации хронических больных и инвалидов, определения места здоровья и болезни в массовом сознании и необходимости адаптации в новых социальных ролях. Решение этих вопросов требует

анализа проявления субъектности в процессах психологической и социально-психологической адаптации, позволяющей определить факторы полноценной социализации личности в ситуациях здоровья и болезни.

Социально-психологические аспекты процесса адаптации личности к ситуации болезни могут рассматриваться с точки зрения системы внешних и внутренних детерминант процесса социализации [2]. К внешним детерминантам относятся взаимодействия с социальными институтами – медицинскими учреждениями и с социальными ролями – врача, больного и инвалида, с «социальной информацией», к которой относятся социальные представления о здоровье, здоровом и больном человеке, способах лечения и ухода за больным, его положении в семье, в рабочем коллективе. Внутренние детерминанты – это физические возможности, система ценностей, эмоциональные и когнитивные особенности, представления о последствиях ситуаций здоровья и болезни – все то, что в медицинской психологии называется внутренней картиной здоровья и болезни. Ситуация здоровья и болезни в контексте объективных и субъективных факторов может рассматриваться как значимая и адаптогенная, не значимая для личности, фрустрационная и кризисная, что определяет проявления субъектности в этих ситуациях [3]. Объективные составляющие ситуации инвалидности больных диабетом связаны с тяжелой формой сахарного диабета как инсулинозависимого, так и инсулинонезависимого типов, невозможностью продолжать профессиональную деятельность, необходимостью постоянно лечиться, ограничением круга общения.

Среди исследованных нами больных (19 человек) мужчины и женщины в возрасте от 18 до 64 лет, состоящие в браке и имеющие детей, со средним, средним специальным и высшим образованием, болеющие от года до 10 лет. Контрольную группу составили 187 здоровых лиц аналогичного возраста и пола. Были проведены исследования по методикам: «Шкала семейных отношений» С. Ю. Куприянова, «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда, МИС С. Р. Пан-

тилеева, «Исследование копинг-стратегий» Р. Лазаруса, МЛЮ «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, по опроснику оценки психологических защит Келлермана–Плутчика–Конте, анкете «Представления о здоровом и больном человеке» и авторской методике ретроспективной оценки переживания здоровья и болезни. Статистический анализ был представлен среднеарифметическими значениями, достоверностью различий между группами согласно *T*-критерию Стьюдента ($p < 0,05$) и методом корреляционного анализа Пирсона с применением компьютерной программы SPSS-19 ($p < 0,05$).

Сравнительный анализ выраженности представлений о здоровом человеке показал, что у больных сахарным диабетом со второй степенью инвалидности снижены значимость представлений об активности и социальной востребованности здорового человека ($2,6/3,57$; $T = 3,1$; $p < 0,01$), оптимизм в отношении возможности восстановления здоровья ($1/3$; $T = 7,3$; $p < 0,01$), представление о возможности опоры на самого себя в сохранении здоровья ($0/0,16$; $T = 2,2$; $p < 0,01$); повышена значимость опоры на лекарства ($0,2/0,05$; $T = 2,5$; $p < 0,01$). По-видимому, ситуация инвалидизации как жизненная меняет цели адаптации и ее способы, поскольку здоровье и социальная активность недостижимы и личность не может опереться на саму себя, то основным способом адаптации становится обращение к лекарственным препаратам.

Корреляционный анализ в группе сахарного диабета показал, что снижение значимости представлений о здоровье как активности и социальной востребованности в группе инвалидов коррелирует с повышением дистанцирования ($-0,465$; $p < 0,05$), вытеснением ($-0,479$; $p < 0,5$), снижением значимости идентификации себя с социальными ролями ($0,498$; $p < 0,05$) и материальными проблемами ($0,555$; $p < 0,05$). Можно предположить, что утрата ценности здоровья усиливает реакции ухода в болезнь. Представления о здоровье как социальной активности в группе здоровых лиц коррелируют с отраженным самоотношением ($0,161$; $p < 0,5$), самооценностью ($0,155$; $p < 0,05$), самоуважением ($0,171$; $p < 0,05$), аутосимпатией ($0,247$; $p < 0,01$), социальной активностью ($0,172$; $p < 0,05$), экономическими возможностями ($0,201$; $p < 0,05$), снижением самообвинения ($-0,152$; $p < 0,05$), принятием ответственности ($-0,174$; $p < 0,05$), бегством/избеганием ($-0,174$; $p < 0,05$), конфликтностью в семье ($-0,183$; $p < 0,05$), идентификацией с общительностью ($-0,171$; $p < 0,05$). Следовательно, представление о здоровье как социальной активности является отражением социального благополучия, утрата ценности здо-

ровья свидетельствует о трансформации направленности активности с социальной успешности на уход в болезнь и роль больного человека.

Снижение оптимизма в возможности сохранения здоровья коррелирует с повышением самооценности ($-0,522$; $p < 0,05$), аутосимпатии ($-0,502$; $p < 0,05$), снижением представления о том, что больной ничем не отличается от здорового ($0,748$; $p < 0,01$). Утрата оптимизма способствует изменению определения своей социальной роли. Оптимизм в отношении возможности сохранять здоровье в группе здоровых людей коррелирует с ориентацией семьи на достижения ($0,172$; $p < 0,05$), значимостью преодоления болезни ($0,154$; $p < 0,05$), представлением о социальном одобрении желания быть здоровым ($0,209$; $p < 0,01$), значимостью семейной помощи ($0,206$; $p < 0,01$), снижением идентификации себя со здоровым человеком ($-0,184$; $p < 0,05$), значимостью психологических проблем больных людей ($-0,211$; $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что оптимизм в отношении здоровья ориентирован на социальные нормы и связан с наличием ценности здоровья и страха его утраты.

Акцентирование опоры на лекарства в сохранении здоровья снижает внутренний конфликт ($-0,493$; $p < 0,05$), самообвинение ($-0,672$; $p < 0,01$), внутреннюю неустроенность ($-0,556$; $p < 0,05$), оценку качества жизни в сфере окружающей среды ($0,505$; $p < 0,05$), значимость психологического страдания в образе больного ($-0,567$; $p < 0,05$). Видимо, вера в лекарства играет роль психологической защиты. Опора на лекарства в сохранении здоровья в группе здоровых лиц коррелирует с контролем в семейных отношениях ($0,150$; $p < 0,05$), идентификацией с претензиями к своим экономическим возможностям ($0,272$; $p < 0,01$), широтой идентификаций ($0,162$; $p < 0,05$). Лекарства для больных сахарным диабетом имеют больший личностный смысл, чем для здоровых, являясь ресурсом позитивного самоотношения. Обращает на себя внимание то, что представления о здоровье для здоровых людей являются условием социальной успешности. Они недостаточно осознанны и связаны с семейными отношениями как ресурсом здоровья. Больные диабетом, имеющие инвалидность, переживают потерю возможности быть здоровым человеком. Это сопровождается утратой ценности здоровья как недостижимого и идентификацией себя с больными. В целом представления о здоровом человеке отражают социально-психологическую адаптацию в контексте ролей здорового и больного человека.

Представления о больном человеке в группе больных сахарным диабетом характеризуются

меньшей значимостью соматического страдания (19/30; $T = 2,6$; $p < 0,01$) и большей – негативных последствий (27/16; $T = 3,1$; $p < 0,01$).

Представление о том, что болезнь – это соматические проблемы, в группе больных сахарным диабетом коррелирует со снижением оценки качества жизни в духовной сфере ($-0,507$; $p < 0,05$) и общего качества жизни ($-0,475$; $p < 0,05$), а также возможности позитивного переобозначения ($-0,472$; $p < 0,05$), т.е. снижение значимости восприятия болезни как телесных проблем можно рассматривать в качестве механизма оздоровления ситуации. Эти представления в группе здоровых лиц коррелируют со снижением значимости переживания здоровья ($-0,189$; $p < 0,05$), бегством/избеганием ($-0,176$; $p < 0,05$), критичностью в адрес личностных особенностей (0,196; $p < 0,05$). По-видимому, эти представления в данной группе не имеют значительных связей с личностью.

Негативные перспективы болезни в группе больных не имеют влияния на личностные механизмы, что предполагает их декларативный характер. Значимость негативных перспектив больного в группе здоровых коррелирует с пониманием здоровья как условия социальной востребованности (0,184; $p < 0,05$) и проявлением самообвинения (0,192; $p < 0,05$), дистанцированием (0,192; $p < 0,05$), идентификацией себя с общительностью (0,166; $p < 0,05$), снижением вытеснения ($-0,239$; $p < 0,01$), негативных самоописаний ($-0,171$; $p < 0,05$). По-видимому, рассмотрение возможных осложнений болезни – это предостережение самому себе, связанное с ценностью здоровья как условия социальной активности. В группе больных повышение выраженности негативных перспектив болезни у инвалидов не связано с личностными механизмами, возможно, потому что утрачиваются ценности здоровья.

Таким образом, больной человек глазами здорового человека – это человек, страдающий телесно и имеющий негативные перспективы, что предполагает утрату социальной активности, а глазами инвалида это, прежде всего, человек, утрачивающий позитивные перспективы.

Больные сахарным диабетом с инвалидностью воспринимают собственную жизнь как зависимую от физического и психического страдания. Оценка качества жизни инвалидов, больных сахарным диабетом, снижена по показателям физической сферы (10,1/14,1; $T = 7,5$; $p < 0,01$), психической сферы (12,4/14,6; $T = 5$; $p < 0,01$), уровня независимости (11,5/16,2; $T = 9$; $p < 0,01$), общего качества жизни (75,8/88,4; $T = 6$; $p < 0,01$), т.е. инвалиды воспринимают собственную жизнь как зависимую, связанную с физическим и психическим страданием.

Корреляционный анализ показал, что оценка физического качества жизни у больных коррелирует со снижением отрицания ($-0,456$; $p < 0,05$), проекции ($-0,613$; $p < 0,01$). По-видимому, инвалиды склонны уходить от реальности при повышении физического страдания. Физическое благополучие у здоровых людей, как показал корреляционный анализ, сочетается с представлением о значимости семьи как ресурсе для сохранения здоровья (0,147; $p < 0,05$), самоуважением (0,223; $p < 0,01$), снижением внутренней неустроенности ($-0,405$; $p < 0,05$), субъективным неблагополучием ($-0,296$; $p < 0,01$), бегством/избеганием ($-0,230$; $p < 0,01$), регрессией ($-0,332$; $p < 0,01$), замещением ($-0,296$; $p < 0,01$), проекцией ($-0,205$; $p < 0,01$), гиперкомпенсацией ($-0,194$; $p < 0,05$), претензиями к своим физическим возможностям ($-0,153$; $p < 0,05$), повышением отрицания (0,214; $p < 0,01$), личностным адаптационным потенциалом (0,449; $p < 0,05$), идентификацией себя с будущими задачами (0,157; $p < 0,05$), восприятием себя активным человеком (0,137; $p < 0,05$), представлением о значимости психологических проблем больного человека (0,165; $p < 0,05$), значимостью переживания болезни (0,160; $p < 0,05$). Можно сделать вывод о том, что оценка благополучия в физической сфере имеет выраженное влияние на личность, что способствует сочувствию больному человеку и идентификации с ним. По-видимому, физическое благополучие является основанием для восприятия себя и своих целей, а в случае его утраты стимулирует уход от своей физической реальности.

Оценка качества жизни в психической сфере коррелирует с поиском социальной поддержки (0,874; $p < 0,01$), следовательно, снижение этой оценки уменьшает возможность обращения за помощью. Оценка качества жизни в психической сфере у здоровых испытуемых сочетается с самоуважением (0,443; $p < 0,05$), значимостью организации в семье (0,296; $p < 0,05$), представлением о соматическом страдании больного (0,297; $p < 0,05$), а также снижением субъективного неблагополучия ($-0,338$; $p < 0,05$), конфронтационного копинга ($-0,336$; $p < 0,05$), бегства/избегания ($-0,380$; $p < 0,05$), значимости представления о психологических проблемах больного ($-0,365$; $p < 0,05$). Благополучие в психической сфере, таким образом, опирается на позитивное самоотношение и организованность семейной системы, обеспечивая социальное взаимодействие. Можно говорить о том, что восприятие себя психически благополучным определяет возможность получения социальной помощи, так необходимой именно в ситуации инвалидизации. Утрата восприятия себя психически состоятельным в ситуации ин-

валидности сужает спектр субъективных опор, снижает возможность обращения за помощью.

Снижение удовлетворенности, касающейся своей независимости, в группе больных сахарным диабетом предполагает повышение факторов самопривязанности ($-0,459; p < 0,05$), внутренней конфликтности ($-0,457; p < 0,05$), принятия ответственности ($-0,470; p < 0,05$) и планирования решения ($-0,468; p < 0,05$), экспрессивности в семейных отношениях ($-0,480; p < 0,05$), значимости перспектив больного человека ($-0,466; p < 0,05$) и снижение представления, что больной человек ничем не отличается от здорового ($0,457; p < 0,05$). Таким образом, чувство зависимости стимулирует стремление к возвращению контроля над ситуацией и одновременно – принятие себя в ситуации зависимости. Оценка качества жизни, связанная с независимостью, у здоровых характерна для молодых людей ($-0,209; p < 0,01$) и коррелирует с самоуважением ($0,176; p < 0,05$), снижением факторов внутренней неустроенности ($-0,288; p < 0,01$), субъективного неблагополучия ($-0,313; p < 0,01$), бегства/избегания ($-0,151; p < 0,05$), регрессии ($-0,205; p < 0,01$), замещения ($-0,276; p < 0,01$), проекции ($-0,187; p < 0,05$), гиперкомпенсации ($-0,179; p < 0,05$), повышением отрицания ($0,222; p < 0,01$), личностным адаптационным потенциалом ($0,425; p < 0,05$), экспрессивностью ($0,155; p < 0,05$), идентификацией с будущими задачами ($0,156; p < 0,05$). Можно сделать вывод о том, что независимость дает возможности позитивной самооценки, снижения психологических защит, опирается на адаптивность и семейные отношения. По-видимому, независимость можно рассматривать как утрачиваемую ценность в ситуации инвалидности, что ставит перед личностью выбор: либо сохранить ее за счет усилий, либо принять свое новое социальное положение.

Снижение общей оценки качества жизни в группе больных сахарным диабетом коррелирует со снижением – значимости лекарств как способа сохранить здоровье ($0,459; p < 0,05$), поиска социальной поддержки ($-0,459; p < 0,05$), повышением проекции ($-0,500; p < 0,05$), значимости соматического страдания больного человека ($-0,475; p < 0,05$). Таким образом, снижение субъективного благополучия ослабляет значимость здоровья, возможность обращения за помощью к Другим. Общая оценка качества жизни в группе здоровых испытуемых коррелирует с самоуважением ($0,310; p < 0,01$), аутосимпатией

($0,152; p < 0,05$), позитивным переопределением ($0,168; p < 0,05$), адаптивностью ($0,508; p < 0,01$), повышением семейной сплоченности ($0,228; p < 0,01$), независимостью в семье ($0,222; p < 0,01$), экспрессивностью ($0,165; p < 0,05$), конфликтностью ($0,186; p < 0,05$), организацией в семье ($0,187; p < 0,05$), снижением: внутренней неустроенности ($-0,360; p < 0,01$), бегства/избегания ($-0,207; p < 0,01$), регрессии ($-0,239; p < 0,01$), замещения ($-0,314; p < 0,01$), проекции ($-0,241; p < 0,01$); гиперкомпенсации ($-0,180; p < 0,05$); идентификацией с будущим Я ($0,218; p < 0,01$).

Можно сделать вывод о том, что удовлетворенность жизнью является интегративным показателем благополучия, опирающегося на семейные отношения, адаптивность, самоотношение. Снижение удовлетворенности свидетельствует об утрате имеющихся опор и невозможности использовать социальные ресурсы. Таким образом, инвалиды воспринимают ситуацию инвалидности как проблему зависимости и формирования новых отношений с Другими, в которых обращение за помощью подчеркивает зависимое положение и связанный с этим внутренний конфликт и вместе с тем способствуют принятию себя в новой социальной роли инвалида.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что социальная ситуация инвалидности формирует новые отношения с Другими, прежде всего с семейным окружением, снижает благополучие ситуации за счет негативного самоотношения при идентификации себя с ролью инвалида. Различие субъективной составляющей ситуации здоровья и инвалидности заключается в том, что ситуация здоровья – это позитивное самоотношение, опора на семейные отношения и удовлетворенность жизнью, а ситуация инвалидности – это утрата позитивного самоотношения, формирование зависимых отношений в семье, общей неудовлетворенности.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Трудности социального познания: «Образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М., 2002. С. 182–203.
2. Шамянов Р. М. Субъективное благополучие личности. Психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 296 с.
3. Орлова М. М. Субъектно-социальный подход к исследованию здоровья. Саратов, 2014. 220 с.

Образец для цитирования:

Орлова М. М. Социально-психологические аспекты адаптации личности больных сахарным диабетом // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 80–84. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-80-84.

Social and Psychological Aspects of Personality Adaptation of the Patients with Diabetes Mellitus

M. M. Orlova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

The article represents the subject-social approach to the analysis of the disability situation ; through the example of diabetics. The author considers the problem of re-socialization of ill and disabled people in the social and psychological context, the system of internal and external determinants. The system of psychological and socio-psychological factors of the situation subjective component and the ideas about the sick role and a healthy role and evaluation of life quality are revealed. Conclusions about the specific nature of life satisfaction and adaptation strategies for the individual depending on the disability have been made. Dependent behavior typical for the disability situation is a result of this situation crisis nature and limited social opportunities of the patient. The article shows the role of healthy and sick person concepts in the adaptation process. The transformation of these ideas may indicate

a transition to another social group (a group of sick people), which involves the loss of the value of health and reduction of activity of the person in this situation.

Key words: re-socialization, health situation, disease situation, social representations, healthy role, sick role.

References

1. Andreeva G. M. Trudnosti sotsialnogo poznaniya: «Obraz mira» ili realnyy mir? (The difficulties of social cognition: «The image of the world», or the real world?). *Sotsialnaya psikhologiya v sovremennom mire* (Social psychology in the modern world). Eds. G. M. Andreeva, A. I. Dontsov. Moscow, 2002, pp. 182–203 (in Russian).
2. Shamionov R. M. *Subektivnoe blagopoluchie lichnosti. Psikhologicheskaya kartina i faktory* (Subjective well-being of the individual. Psychological factors and painting). Saratov, 2008. 296 p. (in Russian).
3. Orlova M. M. *Subektno-sotsialnyy podkhod k issledovaniyu zdorovya* (Subject-social approach to health research). Saratov, 2014. 220 p. (in Russian).

Cite this article as:

Orlova M. M. Social and Psychological Aspects of Personality Adaptation of the Patients with Diabetes Mellitus. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 80–84. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-80-84.

УДК 316.6

ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Романенко Наталья Геннадиевна – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ngen.romanenko@gmail.com

В работе раскрыта проблема места духовности в организации, для чего анализируется понятие «духовность» в научном дискурсе. Рассматривается духовность, имеющая под собой религиозную, светскую (разум, творчество), этическую основы, а также разделяются понятия «духовность» и «нравственность». Приведен обзор современных организационно-психологических концепций: «духовность на рабочем месте», «духовное лидерство» и «духовный интеллект». Подчеркивается особая роль духовности в формировании организационной эффективности и субъективной удовлетворенности человека своей деятельностью. Субъективность понимания термина «духовность» может быть связана с проблемой того, что брать за основу духовного; обоснована необходимость исследований духовности в организациях в условиях российской культуры.

Ключевые слова: духовность, организация, духовное лидерство, духовность на рабочем месте, духовный интеллект.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-85-88

Введение

Проблема духовности является одной из самых дискуссионных: вопросы определения духовности и её развития пытаются постичь философия, психология, социология и другие общественные науки, а с конца XX в. ученые проявили интерес к духовности в организационном контексте (Л. Фрай, Д. Зохар, Г. Фейрхолм, Р. Гилл, Л. Н. Аксеновская, А. Л. Замулин, А. И. Негров). Появились концепции «духовного лидерства», «духовного интеллекта», «духовности на рабочем месте».

Целью статьи является анализ имеющихся материалов по теме «духовность в организации», для чего необходимо последовательно решить две задачи: 1) изучить основные подходы к определению термина «духовность»; 2) рассмотреть имеющиеся концепции духовности в организации.

Духовность в научном дискурсе

Духовность, будучи связанной с такими понятиями, как «душа» и «дух», не имеет четкого определения. Да и может ли его иметь, если с античных времен понимание сущности этих двух понятий регулярно претерпевает изменения? Д. А. Леонтьев, размышляя о духовности, отмечает, что это слово часто используется без определения, как нечто «само собой разумеющееся», и его «самоочевидного» значения просто нет [1, с.16].

Существующее многообразие взглядов на природу духовности и методологические подходы попыталась систематизировать С. Б. Токарева [2]. Она выделяет три подхода к анализу сущности духовности: натурализм, метафизику и духовную антропологию. Согласно первому, любые проявления духовного опыта человека являются следствием его антропологической природы. В основе второго лежит идея внешнего по отношению к человеку источника духовности. Стремление к духовному развитию означало стремление к абсолютным, трансцендентным ценностям. В духовно-антропологическом подходе особую роль в приобщении человека к духовному опыту играет религиозность. Именно её С. Б. Токарева называет подходящей почвой для взращивания учения о духовности, а в качестве методологической основы рассматривает философский символизм: «Только религиозное сознание знает, что есть дух; сознание нерелигиозное знает в качестве духа лишь самого себя» [2, с. 251].

Роль религии в духовности вызывает наибольшие разночтения у исследователей. Так, в отличие от С. Б. Токаревой, Е. Б. Ерина говорит о существовании светской духовности. Автор называет духовность основой не только религии, но и любого творческого акта, а потому безрелигиозной по своей сути: «Религия была скрепой духовности, однако человечество повзрослело и отрицает всякие скрепы» [3, с. 117]. У С. Л. Франка духовность тесно связана с религиозностью: и именно духовность делает человека человеком [4]. Мысли о ключевой роли духовности в формировании личности придерживаются также В. Франкл, П. Тиллих, определяющий духовность через смысл [5, с. 19], и И. А. Бокачев.

И. А. Бокачев разделяет духовность на светскую, основанную на разуме, и религиозную, основанную на вере, отмечая, что непроходимой границы между этими понятиями нет. Ученый считает, и это важно, что процесс увеличения духовности зависит от воли и желания субъекта, предполагает определенные усилия и «внутренний подвиг» на пути духовного развития [6, с. 8]. Таким образом, духовность представляется как накапливаемый в ходе определенных действий и усилий ресурс.

О развитии духовности через практики пишет М. Фуко. Он определяет её как процесс преобразования человеком самого себя ради постижения истины. Этот процесс осуществляется через поиск, практические навыки и опыт. В качестве практических навыков М. Фуко выделяет очищение, аскезу, отречение, обращение внутрь себя, изменение бытия [7, с. 286]. Эти идеи нашли отражение в описанной М. Фуко концепции «заботы о себе», представляющей собой инструмент развития личности античных правителей.

Л. Н. Аксеновская, разрабатывая ордерную концепцию организационной культуры, также обращается к духовности. Автор отмечает, что существует несколько традиций описания духовности: через истину (М. Фуко), через этику (А. Швейцер), через смысл (В. Франкл). Называя этику основным посланием любой религии, Л. Н. Аксеновская приходит к выводу, что «именно этическое ядро (ядро этических смыслов) человеческой религиозности как функции психики составляет основное содержание духовности» [8, с. 304]. Таким образом, в дополнение к идеям о ключевой роли разума и религии/веры в вопросах духовности выдвигается предположение об этике как основе духовности человека.

Отдельно необходимо рассмотреть духовность в сравнении с нравственностью. Для С. Л. Франка нравственность есть практическое выражение духовности [4, с. 338]. Современный богослов А. И. Осипов разграничивает эти понятия, приводя пример внешней нравственности человека одновременно с внутренними душевными пороками (гордыня) [9]. Д. А. Леонтьев также отмечает, что духовность и нравственность не тождественны: нравственность может приобретать закостенелые, ригидно-фанатичные формы. Ссылаясь на М. К. Мамардашвили, Д. А. Леонтьев утверждает, что истинная духовность укоренена во внутренних структурах личности и не является лишь декларацией убеждений и ценностей человека [1]. Здесь уместно привести точку зрения В. Франкла, который, описывая духовность через смысл, вводит понятие «духовное бессознательное» и утверждает, что «человеческая духовность не просто неосознанна, но неизбежно бессознательна» [10, с. 99].

Не существует также единой точки зрения на вопрос бинарной оппозиции феномену «духовность». Например, С. Б. Токарева говорит про «бездуховность» [2, с. 247], а А. В. Тонконогов вводит понятие «деструктивная духовность» [11, с. 15]. Поднимает эту проблему и Д. А. Леонтьев, отмечая существование духовности, выродившейся в фанатизм. Он пишет, что важнейшим

признаком истинной духовности является открытость личности к диалогу с иными смыслами и ценностями – альтернативность [1, с. 19].

Рассмотрев различные точки зрения, отметим, что ключевое различие во взглядах на духовность, по нашему мнению, заключается в том, какой именно элемент автор той или иной концепции принимает за основание духовности: это может быть разум, религия/вера, творчество, истина, смысл, этика. Это множество точек зрения может говорить о том, что духовность – понятие настолько многогранное, что по сей день остается категорией субъективной.

Духовность в организации

Важную роль духовности в организации и организационной культуре на сегодняшний день признают как ученые, так и практики бизнеса. Например, Ицхак Адизес, один из наиболее влиятельных бизнес-консультантов мира, считает, что благодаря духовности в организации формируются цели, выходящие за пределы поиска прибыли, в конечном итоге это ведет к процветанию компании и увеличению доходов [12]. В научных исследованиях в настоящее время можно выделить три ведущих исследовательских направления: духовность на рабочем месте, духовный интеллект и духовное лидерство, которые мы рассмотрим подробнее.

В США концепция «духовность на рабочем месте» (*workplace spirituality*), как отмечает А. И. Негров, представлялась как инструмент повышения организационной производительности и эффективности. Несмотря на колоссальный исследовательский интерес к этой теме, не существует общего понимания и единого определения данного феномена. Авторы «пособия по рабочей духовности и организационной деятельности» Р. А. Джиакalone и К. Л. Юркевич определяют духовность на рабочем месте как индивидуальные, групповые или организационные аспекты рабочего места, способствующие возникновению чувства удовлетворенности через трансцендентное. Кроме того, рабочая духовность понимается как вид духовного климата, в котором люди считают, что живут внутренней жизнью (Д. Дюшон и Д. А. Плоумен), а также как опыт глубокого внутреннего сознания в процессе выполнения работы, способствующий укреплению трансцендентных связей (П. Петчсванг и Д. Дюшон) [13, с. 101–102]. Таким образом, концепция «духовности на рабочем месте» ставит во главу угла субъективное благополучие каждого человека в организации.

Теория же духовного лидерства (*spiritual leadership*) на первый план выдвигает именно

руководителей/лидеров. Л. Н. Аксеновская определяет духовное лидерство как «способ прохождения жизненного пути субъектом управления во взаимодействии с другими людьми» [14, с. 142]. Духовный лидер в ордерной концепции является посредником между существующей действительностью людей и миром их значительных возможностей, проводником «в жизнь более высокого духовно-нравственного и психологического уровня» [14, с. 143]. Идеи духовного лидерства у Л. Н. Аксеновской тесно связаны с практиками самопознания и самоспасения (М. Фуко).

Л. Фрай в рамках своей «каузальной теории духовного лидерства» определяет этот феномен как совокупность ценностей, убеждений и поведения, необходимых, чтобы внутренне мотивировать себя и других людей для достижения чувства духовного выживания (впоследствии замененного на «духовное благополучие») через призвание и принадлежность. Признаками духовного лидерства называются: 1) создание такого организационного видения, которое рождает ощущение выполнения своего предназначения у последователей, а также понимание ими смысла своей жизни; 2) создание организационной культуры, основанной на альтруистической любви, где и лидер, и последователи будут объединены чувством подлинной заботы и собственной ценности [15, с. 711].

Еще одно направление для исследований духовности в организации связано с концепцией духовного интеллекта (spiritual intelligence, SQ). Здесь выделяются научные работы Д. Зохар и И. Маршалла, представляющих духовный интеллект высшим человеческим интеллектом, благодаря которому человек обретает целостность [13, с. 78]. Д. Зохар пишет о том, что духовный интеллект связан с вопросом «кто я?» («What I am») и является средством формирования духовного капитала, который не связывается автором с религией, а представляет собой способность лидера добиваться выдающихся результатов путем умения вдохновить людей глубокими ценностями, смыслами и целями [16]. С. Уигглсворт предложила первый тест на SQ, состоящий из двадцати одной компетенции, которые измеряются по пятибалльной шкале [13, с. 83].

В целом современные исследователи отмечают, что духовность может стать решением проблем организационной эффективности (Л. Фрай), субъективной удовлетворенности бизнесменов и работников своей деятельностью (Р. Гилл, Р. Дафт), а также других насущных проблем бизнеса, являющихся следствием духовной бедности организации (И. Митрофф и Э. Дентон). В то же время духовность не ограничивается уровнем

решения организационных проблем, но является ведущим фактором культурного прогресса (Л. Н. Аксеновская).

Заключение

Проанализировав научный дискурс по проблеме духовности, отметим высокую субъективность подходов к ней, которая связана, на наш взгляд, с различиями в понимании структуры духовности и, в первую очередь, её основы. Вслед за С. Л. Франком отметим, что если именно духовность делает человека человеком, то задача по её развитию является первостепенной. Обзор концепций духовности на рабочем месте, духовного лидерства и духовного интеллекта выявил недостаточность российских теоретических и эмпирических исследований организационной духовности. А. Л. Замулин отмечает универсализм идеальной модели духовного лидерства как основу лидерства глобального [17, с. 191], нам же представляется важным обратить внимание на культурную специфику феномена «духовность в организации».

Список литературы

1. Леонтьев Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности // Изв. Таганрог. гос. радиотехн. ун-та. 2005. Т. 51, № 7. С. 16–21.
2. Токарева С. Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности. Волгоград, 2003. 256 с.
3. Ерина Е. Б. Светский аспект понятия «духовность» // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 142–147.
4. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999. 448 с.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности / 2-е, испр. изд. М., 2003. 487 с.
6. Бокачев И. А. Духовность как высшая жизнеутверждающая ценность // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 8–12.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. М., 1991. 480 с.
8. Аксеновская Л. Н. Ордерная концепция организационной культуры : вопросы методологии : в 3 кн. Саратов, 2005. Кн. II. 348 с.
9. Осипов А. И. Духовно-нравственные ценности. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=656§ion_id=1023 (дата обращения: 7.09.2016).
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
11. Тонконогов А. В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-р филос. наук. М., 2011. 44 с.
12. Горина Т. С. Трактровка И. Адизесом роли духовности в развитии организации // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 27–31.

13. Негров А. И. Духовность и организационное лидерство // Нравственные и духовные аспекты лидерства / под. ред. Ю. Н. Красниковой, А. И. Негрова, В. А. Сарапулова. СПб., 2014. Вып. 1. С. 47–126.
14. Аксеновская Л. Н. Орднерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.
15. Fry L. Toward a theory of spiritual leadership // The Leadership Quarterly, 2003. Vol. 14. P. 693–727.
16. Zohar D. Learn the Q's. URL: http://danahzohar.com/www2/?page_id=622 (дата обращения: 09.09.2016).
17. Замулин А. Л. Духовность организационного лидерства : анализ зарубежных исследований // Вестн. СПбГУ. 2010. Сер.12. Психология. Социология. Педагогика. Вып. 2. С. 183–193.

Образец для цитирования:

Романенко Н. Г. Феномен духовности в организационном контексте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 85–88. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-85-88.

To a Problem of Spirituality in Organization

N. G. Romanenko

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ngen.romanenko@gmail.com

In this paper, the question of the role of spirituality in organization is raised, and the concept of «spirituality» is analyzed in scientific term. The author discusses religious-, secular- (mind, creativity), ethics-based approaches to spirituality, and separates concepts of «spirituality» and «morality». Modern theories of organizational psychology such as «workplace spirituality», «spiritual leadership» and «spiritual intelligence» are observed in this article. A special role of spirituality in forming of organizational effectiveness and individual contentment of personal activity is emphasized. In the conclusion, the author comes to the point that subjectivity of opinions to the definition of «spirituality» can be linked with the problem of finding the basis of spirituality. Consequently, he emphasizes the relevance of the research of spirituality in organizations in conditions of Russian culture.

Key words: spirituality, organization, spiritual leadership, workplace spirituality, spiritual intelligence.

References

1. Leontyev D. A. Dukhovnost, samoregulyatsiya i tsennosti (Spirituality, self-regulation and values). *Izv. Taganrog. gos. radiotekhn. un-ta* (Bulletin TSRU), 2005, vol. 51, no. 7, pp. 16–21.
2. Tokareva S. B. *Problema dukhovnogo opyta i metodologicheskie osnovaniya analiza dukhovnosti* (The problem of spiritual experience and methodological bases of analyse of spirituality). Volgograd, 2003. 256 p.
3. Erina E. B. Svetskiy aspekt ponyatiya «dukhovnost» (The secular aspect of «the spirituality»). *Nauchnaya mysl Kavkaza* (The scientific idea of Caucasus), 2010, no. 1, pp. 142–147.
4. Shikhirev P. N. *Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya* (The modern social psychology). Moscow, 1999. 448 p.
5. Leontyev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti* (Psychology of meaning: the nature, the structure and the dynamic of the meaningful reality). Moscow, 2003. 487 p.
6. Bokachev I. A. Dukhovnost kak vysshaya zhiznneutverzhdayushchaya tsennost (The spirituality as the highest life-affirming value). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosofy.*
7. Foucault M. L'hermeneutique du sujet: Cours au College de France. 1981–82. Ed. F. Gros. Paris; Seuil, 2001. 540 p. (Russ. ed.: Phuko M. *Germenevika subekta*. Moscow, 1991. 480 p.).
8. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii: v 3 kn.* (The order conception of organizational culture: methodological questions). Saratov, 2005. Book II. 348 p.
9. Osipov A. I. *Dukhovno-nravstvennye tsennosti* (Spiritual and moral values). Available at: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=656§ion_id=1023 (accessed 7 September 2016).
10. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* (Man's Search for Meaning). Moscow, 1990. 368 p.
11. Tonkonogov A. V. *Dukhovnaya bezopasnost rossiyskogo obshchestva v usloviyah sovremennogo geopoliticheskogo sopernichestva (sotsialno-philosophskiy analiz): avtoreph. dis. ... d-ra philos. nauk* (The spiritual safety of Russian society in the modern geopolitical rivelry: the autoabstract of diss. of the doctor of philos. sciences). Moscow, 2011. 44 p.
12. Gorina T. S. Traktovka I. Adizesom roli dukhovnosti v razvitii organizatsii (The interpretation of the place of spirituality in organization's developing by I. Adizes). *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* (The system of values of the modern society). 2011, no. 18, pp. 27–31.
13. Negrov A. I. Dukhovnost i organizatsionnoe liderstvo (Spirituality and organizational leadership). *Nravstvennye i dukhovnye aspekty liderstva* (The moral and spiritual aspects of leadership). Eds. Yu. N. Krasnikova, A. I. Negrov, V. A. Sarapulov. St. Petersburg, 2014, iss. 1, pp. 47–126.
14. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* (The order model of organizational culture). Moscow, 2007. 303 p.
15. Fry L. Toward a theory of spiritual leadership. *The Leadership Quarterly*, 2003, vol. 14. pp. 693–727.
16. Zohar D. Learn the Q's. Available at: http://danahzohar.com/www2/?page_id=622 (accessed 10 September 2016).
17. Zamulin A. L. Dukhovnost organizatsionnogo liderstva: analiz zarubezhnyh issledovaniy (Spirituality of organizational leadership: the analysis of foreign studies). *Vestnik SPbGU* (Bulletin of St. Petersburg State University). 2010, Ser. 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, iss. 2, pp. 183–193.

Cite this article as:

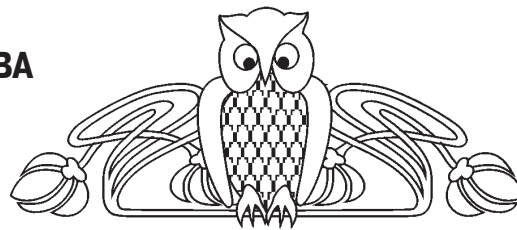
Romanenko N. G. To a Problem of Spirituality in Organization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 85–88. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-85-88.

УДК 316.6

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СОСЕДСТВА

Рягузова Елена Владимировна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Приведены результаты рефлексивного анализа пословиц и поговорок о соседях и соседстве, которые репрезентируют коллективную мудрость, хранят и передают онтологические смыслы больших социальных групп. Реконструированы социокультурные коды и смысловые контексты социальной практики соседства: контекст дифференциации, подчеркивающий пространственную автономность; контекст взаимности, акцентирующий внимание на интерактивности и взаимообусловленности соседских взаимодействий; контекст значимости, обусловленный включенностью социальной роли «сосед» в ближайшее окружение личности; контекст доброжелательности, предполагающий вежливо-нейтральные, позитивные, дружелюбные отношения между соседями; контекст вынужденности, связанный с отсутствием возможности личного выбора и субъективного контроля над исходной ситуацией; контекст сопоставления, отражающий результат социального сравнения личности с Другими. Представлен социально-психологический анализ выявленных контекстов, на основании которого выделены границы соседства и показана трансформация социальной практики соседства в современных условиях.

Ключевые слова: взаимодействие Я – Другой, социальная практика соседства, культурные коды, смысловые коды, психологические границы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94

Введение

Социальная жизнь любого человека предполагает достаточно развернутую и разветвленную сеть его взаимодействий с разнообразными Другими – хорошо знакомыми, мало знакомыми и совсем не знакомыми людьми. Эти интеракции и взаимоотношения могут иметь разную эмоциональную окраску и экзистенциальный смысл, неодинаковую ценность и значимость, различный когнитивный и креативный ресурс, но все они необходимы для полноценного функционирования личности, поскольку выступают в качестве способов ее социального включения и интеграции в общество, факторов социализации личности, средствами амплификации ее развития и роста.

В фокусе нашего исследовательского интереса находится социальная практика соседства, позиционируемая как социальный феномен, связанный с пространственной близостью людей, проживающих на одной территории, имеющих определенное отношение к ней и

вступающих в те или иные межличностные контакты друг с другом [1, 2].

Нас будут интересовать ответы на следующие вопросы: Кто такой сосед – «коммунальный собрат или случайный попутчик по жизни»? [2, с. 37]. Существует ли граница соседства? Предполагает ли пространственная близость короткую социальную и психологическую дистанцию? Каков характер межличностных отношений с соседями? Каковы специфические особенности соседской коммуникации? Каковы стратегии восприятия соседа? Как трансформируется социальная практика соседства в современных условиях? Существуют ли этнокультурные особенности соседских отношений?

Для получения ответов на поставленные вопросы был разработан большой исследовательский проект, предполагающий изучение различных психологических аспектов социальной практики соседства. В рамках данной публикации мы обсудим результаты исследования, направленного на поиск культурных кодов и границ соседства, реконструированных на основе анализа пословиц и поговорок о соседях и соседстве.

Организация и методы исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к смысловому полю пословиц, поскольку именно они репрезентируют в сжатых афористичных высказываниях продукты коллективного знания социума, квинтэссенцию народной мудрости, хранят и транслируют культурно значимые онтологические смыслы больших социальных групп, формируя тем самым этические нормы общества, социальные стереотипы и поведенческие сценарии.

Для анализа 120 пословиц и поговорок о соседях используется прием, описанный нами ранее при рефлексии пословиц о дружбе. Он зарекомендовал себя как информативный и эффективный, позволивший выделить и описать различные контексты и коды дружеских отношений, освоение и декодирование которых происходит на разных этапах онтогенеза и зависит от уровня личностной зрелости [3]. Прием включает

в себя элементы контент-анализа, но в качестве смысловых единиц используются разного рода контексты, которые помогают реконструировать социокультурные коды изучаемого феномена, задавая своего рода исследовательский и аналитический фреймы.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет выделить следующие смысловые контексты соседства:

контекст дифференциации, подчеркивающий пространственно закрепленную автономность личной территории и контроль каждого соседа над нею: «С соседом дружись, а тын гори»; «Межа – святое дело. Межа и твоя и моя»; «На межах да на распутьях нечистая сила»; «С соседом дружись, а за саблю держись»; «Соседским теплом не угреешься»; «С соседом дружи, но плетня не снимай»;

контекст взаимности и симметричности, акцентирующий внимание на интерактивности и взаимной обусловленности действий, поступков, переживаний и отношений между соседями: «Сосед не захочет, так и миру не будет»; «Соседство – взаимное дело»; «Если змея укусила твоего соседа, ты тоже в страхе»;

контекст значимости, обусловленный включенностью социальной роли «сосед» в номенклатуру ближнего круга окружения личности, позиционирование его как значимого Другого: «Ближний сосед лучше дальней родни»; «Покупая дом, сначала спроси, кто твои соседи»; «Нет большей беды, чем плохие соседи»;

контекст доброжелательности, нормативно предполагающий вежливо-нейтральные, позитивные, приветливые, дружелюбные отношения с соседями, несмотря на возможную поверхностность и формальность коммуникативных контактов с ними: «Где ни жить, везде служить и с соседями дружить»; «Зовут к соседу на веселую беседу»; «Худое дело обидеть соседа»;

контекст вынужденности, связанный со случайным стечением обстоятельств, в результате которых люди становятся соседями, отсутствием возможности личного выбора и субъективного контроля над исходной ситуацией: «От соседа не уйдешь», «Жить в соседях, быть в беседах»; «Говорил бы много, да сосед у порога»; «Знала бы насадка, узнает и соседка»;

контекст сопоставления, отражающий результат социального сравнения, при котором личность практически всегда оценивает себя, свои действия, чувства и установки через Другого, в частности через соседа: «У соседа рис вареный белее»; «Что дома есть, за тем к соседу не ходить»; «Сосед спать не дает – хорошо живет»;

«Не пеняй на соседа, коли спишь до обеда»; «Соседская курица всегда выглядит гусем».

Обсуждение результатов исследования

Если обратиться к этимологии и толкованию понятия «сосед», то можно увидеть, что идея дифференциации и обособленности в них имплицитно присутствует: 1) сосед – тот, кто живет поблизости, рядом; 2) сосед – тот, кто занимает ближайшее к кому-либо место [4]. Соответственно, каждый из соседей имеет свое персональное и регламентированное место (комнату, квартиру, дом, место в театре, самолете и т.п.), но при этом эти места находятся в пространственной близости друг к другу. Нахождение рядом всегда предполагает наличие реальных или виртуальных границ между Я и Другим [5, 6], которые, с одной стороны, маркируют отделение, обособление и пределы распространения суверенитета, феноменологически переживаясь как «моё и не моё», а с другой стороны, границы символизируют связь, контакт и соединение в нечто общее и целостное, сопровождаясь переживанием «наше».

Социальная практика соседства организована вокруг и вблизи внешних границ, которые фактически ее конституируют. Свойства этих границ, их сила, прочность, проницаемость могут быть различными и во многом зависят от индивидуально-психологических и личностных качеств сосуществующих людей, их доминирующих ценностей и субъективных предпочтений, но несанкционированная попытка нарушения этих границ всегда приводит к напряженности в межличностных отношениях и возникновению разного рода конфликтов. В качестве примеров можно вспомнить громкие коммунальные битвы за право на любой сантиметр мест общего пользования, непримиримые дачные сражения, кому-то знакомые, исходя из собственного драматического опыта, а кому-то известные из отечественной литературы и кинематографа, представляющих существовавшую в советском обществе модель квартирно-коммунальных отношений. В настоящее время эта модель, безусловно, трансформировалась, но сохранилась и теперь репрезентирует культуру быта (вернее, ее отсутствие) в другом общем пространстве.

Соседство – это всегда взаимодействие, которое выстраивается по схеме «ожидание – мотивация – поведение» и предполагает гибкий алгоритм взаимосвязанных трансакций. Исходя из этого, можно говорить о существовании еще одной границы соседства, связанной с ожидаемым и реальным поведением соседей. Каждый из акторов (соседей) поступает в соответствии с собственными ожиданиями, мотивами и

конкретным поведением соседа в той или иной ситуации взаимодействия в рамках определенной зоны допустимости, которая имеет отношение к внешнему облику соседа, времени его визита, содержанию и характеру артикулированных просьб. Здороваясь, мы, как минимум, надеемся на ответное приветствие, а попросив что-либо у соседей, мы тем самым авансируем им ответную услугу. Отметим, что временные ожидания по поводу взаимодействий с соседями не носят длительного, пролонгированного характера, хотя, безусловно, есть случаи, когда совместный стаж соседской жизни исчисляется десятилетиями и в соседских семьях происходит не одна смена поколений.

Как известно, ожидания человека относительно социальных взаимодействий определяются его представлениями о нормативном содержании ролевой позиции партнера по взаимодействию, качестве исполнения им предписанной роли, требованиями к своему ролевому сценарию и соответствием ему, а также имеющимися у субъектов взаимодействия личностными особенностями, ценностными ориентациями, стереотипами и предрассудками. Жесткая и непроницаемая граница в соседских отношениях выстраивается при наличии рассогласования в любых из перечисленных компонентах или их сочетаниях. Примерами могут служить как хрестоматийные гоголевские «провинциальные существователи», которые из-за пустяка превратили соседскую дружбу в многолетнюю и бесконечную вражду, так и современные жители крупных российских городов и населенных пунктов, охваченные мигрантофобией и ксенофобией – боязнью, неприязнью, страхом и ненавистью к Чужакам, в результате которых соседи буквально помогают найти (и находят) покупателей на освободившуюся квартиру (дом) только для того, чтобы не допустить «инородцев», не соседствовать с Чужими, априори полагая, что со «своими» гораздо лучше, психологически комфортнее и безопаснее.

Контекст значимости, несмотря на свою кажущуюся очевидность, оказался достаточно сложным и неоднозначным для интерпретации. Смысловое содержание пословиц указывает на то, что соседство выступает в качестве важной и значимой социальной практики, а фигура соседа, включенная в ближний круг окружения личности, является значимым Другим. Однако, как справедливо отмечает М. Ю. Кондратьев, границы значимого круга общения размыты и неопределенны, а их конкретизация напрямую зависит от четкости и разработанности критериев значимости [7].

Для интерпретации полученного результата воспользуемся трехфакторной концепцией значимого Другого, разработанной А. В. Петровским, основными слагаемыми межличностной значимости в которой выступают: референтность, чаще всего детерминируемая совместной деятельностью и определяющая право Другого на принятие ответственного решения в важных и сложных для субъекта жизненных ситуациях, признание его авторитета и компетентности; аттрактивность, предполагающая привлекательность Другого и актуализацию положительных эмоций при взаимодействии с ним; власть как институализированная роль [8]. Главным достоинством этой модели является то, что в ней интегрированы все критерии межличностной значимости Другого.

Опираясь на представленные критерии, можно выделить три уровня анализа значимости соседства: 1) личностный уровень – сосед как референтный (значимый) Другой; 2) межличностный уровень – соседские отношения как эмоционально привлекательные значимые отношения; 3) социальный уровень – сосед как значимая роль.

В психологии значимый Другой трактуется как реальная, виртуальная или символическая личность, оказывающая существенное влияние на развитие, становление и самоосуществление человека, чье мнение и авторитет для него достаточно весомы и важны. Всегда ли соответствуют люди, проживающие рядом, такому описанию? Безусловно, в некоторых случаях это имеет место, но чаще всего было бы явным преувеличением считать, что соседи являются значимыми Другими для зрелой личности. Вместе с тем необходимо отметить, что соседи как активные агенты социализации могут оказывать существенное влияние, усиливающееся в ходе первичной социализации, когда для детей соседство выступает не только «средой жизнедеятельности, но и мощным фактором социализации» [1, с. 5].

Что касается значимости соседских отношений, то они во многом определяются установленной психологической дистанцией и валентностью межличностных контактов. Квартирно-коммунальная модель соседского жизненного уклада, о которой мы уже упоминали с негативной коннотацией, распространенная у нас в недавнем прошлом, характеризовалась и позитивными моментами: особая атмосфера соседской жизни, «соседское братство», персонализированная (личностная) коммуникации, взаимная помощь и поддержка. Индикаторами и маркерами значимости соседских отношений выступали совместный просмотр телепередач,

празднично-гостевые мероприятия, встречи из роддома, проводы «всем двором» в последний путь, да и просто разговоры «бабушек-старушек» на лавочках во дворах. В настоящее время всё из перечисленного просто отсутствует, у кого-то вызывая ностальгическую, а у кого-то ироничную улыбку.

Обращает на себя внимание обобщенная формула современных соседских отношений, выведенная на основе анализа большого эмпирического материала И. А. Шмерлиной. В качестве ключевых, опорных компонентов автор рассматривает вежливость и взаимопомощь [2], которые являются обязательными атрибутами соседских взаимоотношений и вписаны в ритуал соседства, принятый в обществе и культуре. Однако, на мой взгляд, в настоящее время точнее говорить не столько о взаимопомощи, предполагающей сотрудничество, кооперацию, соучастие, сопричастность и сочувствие, сколько о взаимовыручке, подчеркивая тем самым меньшую значимость эмоционального компонента отношений между соседями и большую ценность функциональной составляющей. Вместе с тем в некоторых случаях (тяжелой болезни, одиночества) именно соседи могут выступать потенциальным ресурсом помощи и поддержки [2], что позволяет акцентировать внимание на необходимости формирования в обществе института ответственного соседства [9].

Значимость роли «сосед» в общем пространстве социальных ролей также характеризуется непостоянством и неустойчивостью, о чем косвенно свидетельствует изменение ее локализации в современных модификациях известной методики диагностики социальной дистанции Э. Богардуса [10].

Контекст доброжелательности определяет границы, которые проходят между открытостью личности Другому/Другим и защищенностью от них, между доверием Другому, возможностью допустить его в приватное пространство и желанием оградить себя от чрезмерной навязчивости и излишней фамильярности. Интерпретируя контекст доброжелательности, необходимо акцентировать внимание на том, что современная специфика повседневности в целом характеризуется своеобразным кризисом взаимодействия, вернее, кризисом непосредственных межличностных интеракций «лицом к лицу», которые часто и успешно переносятся в виртуальное пространство, заменяются телефонными звонками, общением по скайпу, посредством чатов и социальных сетей. Соответственно, соседство как одна из практик социального взаимодействия также трансформируется: доброжелательные отношения сменяются обезличенными контак-

тами, нерегулярными вербальными обменами и формальными разговорами. Трудно наладить доброжелательные отношения с теми, кто в них не нуждается.

Контекст вынужденности предполагает анализ теоретического конструкта «взгляд Другого» и отсылает к работам философов экзистенциально-феноменологического направления (Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, Р. Х. Ортега-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, И. Г. Фихте, М. Хайдеггера, Б. Вальденфельса). Для нашего анализа важными являются такие характеристики взгляда Другого, как асимметричность и сериальность. Асимметричность способствует тому, что взгляд Другого превращает личность из активного субъекта (актора) в пассивный объект наблюдения и оценивания, которому могут быть приписаны различные, иногда не характерные для личности качества и свойства. В этой связи Х. Ортега-и-Гассет характеризует взгляд Другого как «взгляд из-за кулис, следящий, контролирующий, преследующий, ненавидящий, унижающий и т.п., – повсюду взгляд, который превращает нас в объекты чужой воли, страсти и насилия» [11, с. 241].

Взгляд Другого переживается личностью как сигнал тревоги и опасности, вызванный ее невозможностью контролировать и управлять этим взглядом, в результате чего «Я» выступает как инструмент чужих мыслей, представлений, фантазий, целей и интенций. Соседи – мало знакомые люди или вовсе не знакомые друг с другом – конструируют образ Другого (соседа) через пространственно-временную аппрезентацию, предполагающую доминантность собственного взгляда, основанного на сформированной картине мира; опору на свои знания и жизненный опыт; индивидуальную «эталонность» субъективных мерок правильности/неправильности; приоритет личностных представлений и усвоенных социальных стереотипов, учет своей позиции в межличностных отношениях и интеракциях. Кроме того, важной является сериальность соседского взгляда, заключающаяся в его повторяемости и регулярности в одних и тех же декорациях – сходных ситуациях взаимодействия, которая приводит к когнитивной, аффективной и мотивационной ригидности, стереотипности образа соседа, препятствуя его реконструкции и перестройке.

Контекст сопоставления связан с процессом социального сравнения, предполагающим использование Другого (его облика, образа жизни, ценностных ориентаций, поведенческих паттернов) для осмысления себя и окружающего мира. Как известно, социальное сравнение, являясь одним из базовых процессов социального по-

знания, включает в себя получение информации, ее обработку и эмоционально-поведенческое реагирование, которые могут осуществляться как автоматически (без цели, усилий, интенций), так и преднамеренно [12].

Ориентация на социальное сравнение относится к числу универсальных свойств личности, которые обусловлены ее включением в социум и интеграцию с ним. В последнее время эта ориентация трансформируется и усиливается в связи с глобализацией и информатизацией общества, его расслоением и гетерогенностью, появлением социальных сетей, предоставляющих доступ к большому массиву биографических персональных данных. Установлено, что склонность к чрезмерно частым сравнительным оценкам может выступать предиктором эмоционального неблагополучия личности, ее неудовлетворенности собой, социальной дезадаптацией и даже возможным возникновением депрессивных расстройств [13].

Повседневная практика «быть не хуже других» отчетливо реализуется в соседстве. Восходящие сравнительные оценки, данные соседями чаще всего по параметру благосостояния, актуализируют у человека, как правило, зависть, враждебность и снижение самоуважения, что приводит к защитной проекции и приписыванию соседям негативных качеств и свойств, тогда как нисходящее сравнение способствует возникновению неуважительных, презрительных, пренебрежительных отношений к соседям. В целом именно результаты взаимного социального сравнения определяют эмоциональный фон соседских взаимоотношений, их валентность, качество и значимость.

Выводы

Соседство – неформальный социальный институт, имеющий свой исторически, социально и культурно обусловленный кодекс поведения и сосуществования, включающий в себя совокупность норм, правил, ритуалов, определяющих специфику межличностных отношений и интеракций людей, живущих на автономных, обособленных и контролируемых ими пространственно близких территориях.

Выделенные на основе рефлексии пословиц и поговорок о соседях и соседстве смысловые контексты – дифференциации, взаимодействия, значимости, доброжелательности, вынужденности, сопоставления – существенно дополняют и расширяют понимание социальной практики соседства.

Анализ смысловых контекстов позволяет обозначить границы соседства: внешние (пространственно-территориальные) и внутренние,

психологические, к которым относятся граница между ожидаемым и реальным поведением партнера, граница ответственности, граница доброжелательности и доверия, граница между Я-как объект и Я-как субъект, граница допустимости.

Проведенная аналитика показывает наличие существенных изменений в практике соседства в современных условиях, которые во многом обусловлены социально-экономическими трансформациями и преобразованиями, глобализацией, информатизацией и гетерогенностью общества, изменением его состава, временной и ритмической структуры, сменой образа и стиля жизни людей. Можно с уверенностью констатировать, что реалии сегодняшнего дня таковы, что сравнительные эталоны (по крайней мере, для молодого поколения) находятся не по месту жительства, а по месту виртуальной прописки в социальных сетях.

Список литературы

1. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 2000. 200 с.
2. Шмерлина И. А. Социальная экология соседства // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 32–42.
3. Рягузова Е. В. Социокультурный эталон интерперсональных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 80–84.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 17.06.2016).
5. Рягузова Е. В. Виды и функции границ в психологических исследованиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 89–94.
6. Рягузова Е. В. Модель личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» // Акмеология. 2011. № 3 (39). С. 78–83.
7. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 17–28.
8. Петровский А. В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вopr. психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
9. Поршнева Н. Г. Социальные практики соседства в процессе институционализации аутичности // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 37–45.
10. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011. 240 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997. 332 с.
12. Самойленко Е. С. Эмоциональное отношение к социальному сравнению // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 4. С. 87–103.
13. Гаранян Н. Г., Шукин Д. А. Частые социальные сравнения как фактор эмоциональной дезадаптации студентов // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 182–206.

Образец для цитирования:

Рягузова Е. В. Социокультурные коды и психологические границы соседства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 89–94. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94.

Socio-cultural Codes and Psychological Boundaries of Neighbourship

E. V. Ryaguzova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

The paper puts forward the results of a reflexive analysis of proverbs and sayings about neighbours and neighbourship, which are representing the collective wisdom, preserving and projecting ontologic value of large social groups. The paper presents reconstruction of socio-cultural codes and semantic connotations of neighbourship as a social phenomenon: context of differentiation, accentuating the aerial independence; context of reciprocity, drawing special attention to interactivity and interconditionality of neighbours interaction; context of significance, determined by the involvement of the «neighbor» social role into person's immediate circle; context of benelovence, suggesting politely-neutral, positive, friendly relations between neighbours; context of compulsion, related to lack of personal choice and personal control over the situation; context of confrontation, reflexing the result of social comparison of a person with the Others. The paper presents socio-psychological analysis of unraveled contexts providing the basis for distinguishing the boundaries of neighbourship and demonstrates the transformation of neighbourship as a social phenomenon under current conditions.

Key words: interaction «I – Other», neighbourship as a social phenomenon, cultural codes, psychological boundaries.

References

1. Mudrik A. V. *Socialnaya pedagogika* (Social pedagogy). Moscow, 2000. 200 p.
2. Shmerlina I. A. Sotsialnaya ekologiya sosedstva (Social ecology of the neighborhood). *Sotsialnaya realnost* (Social reality), 2006, no. 9, pp. 32–42.
3. Ryaguzova E. V. Sociokulturnyj etalon interpersonalnyh otnosheniy (Sociocultural Standard Interpersonal Relationship). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 4. pp. 80–84.
4. Efremova T. F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (New dictionary of the Russian language. Sensible-word-formation). Moscow, 2000. Available: <http://www.efremova.info> (accessed 17 June 2016).
5. Ryaguzova E. V. Vidy i funktsii granits v psikhologicheskikh issledovaniyakh (Kinds and functions of borders in psychological research). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 1. pp. 89–94.
6. Ryaguzova E. V. Model lichnostnyh reprezentatsii vzaimodejstviya «Ya – Drugoy» (Model of personal representations of «I – Other» interactions). *Akmeologiya* (Acmeology), 2011, no. 3 (39), pp. 78–83.
7. Kondratev M. Yu. «Znachimyy drugoy»: slagaemye mezhlichnostnoy znachimosti (Significant Other: Components of interpersonal significance). *Socialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society), 2011, no. 2, pp. 17–28.
8. Petrovskiy A. V. *Trehfaktornaya model «znachimogo drugogo»* (Three-factor model of the significant Other). *Voprosy psikhologii* (Voprosy Psychologii), 1991, no. 1, pp. 7–18.
9. Porshneva N. G. Socialnye praktiki sosedstva v processe institucionalizatsii autichnosti (Social practices of the neighborhood in the process of institutionalization of autistic). *Humanitarnye issledovaniya* (Humanitarian studies), 2010, no. 4, pp. 37–45.
10. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Metody etnicheskoy i krosskulturnoy psikhologii* (Methods of ethnic and cross-cultural psychology). Moscow, 2011. 240 p.
11. Ortega-i-Gasset H. *Razmyshleniya o «Don Kikhote»* (Reflections on «Don Quixote»). St. Petersburg, 1997. 332 p.
12. Samoylenko E. S. Emotsionalnoe otnoshenie k sotsialnomu sravneniyu (Emotional attitude toward social comparison). *Eksperimentalnaya psikhologiya* (Experimental Psychology {Russia}), 2010, vol. 3, no. 4, pp. 87–103.
13. Garanyan N. G., Shhukin D. A. Chastye sotsialnye sravneniya kak faktor emotsionalnoy dezadaptatsii studentov (Frequent social comparison and emotional maladjustment among students). *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* (Counseling Psychology and Psychotherapy), 2014, vol. 22, iss. 4. pp. 182–206.

Cite this article as:

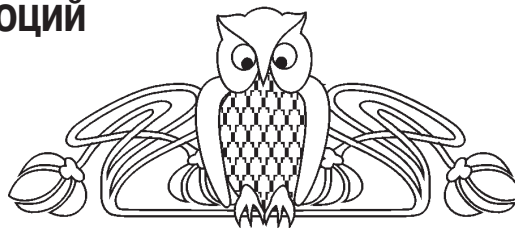
Ryaguzova E. V. Socio-cultural Codes and Psychological Boundaries of Neighbourship. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 89–94. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94.

УДК 159.9

СООТНОШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ И ТОЧНОСТИ ОПОЗНАВАНИЯ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ В УСЛОВИЯХ МИКРОГЕНЕЗА ВОСПРИЯТИЯ

Хрисанфова Людмила Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. E-mail: l.hri@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь точности опознавания классических эмоциональных фотоэталонов, заимствованных из набора П. Экмана, при временной экспозиции 13, 26, 39 и 52 мс на фоне зашумленного экрана с личностными качествами воспринимающих. В качестве испытуемых-наблюдателей выступили 34 студента. Обнаружено, что плохо опознаются: «счастье» – интровертами, «гнев» – людьми с проблемной волевой сферой и отсутствием ориентации на социальные нормы и других людей, «страх» – людьми, ориентированными на соперничество, «нейтральное лицо» – людьми беззаботными, стабильными и самодостаточными. Хорошо опознаются: «страх» и «удивление» – людьми с пластичной эмоциональной сферой, «отвращение» – волевыми людьми. Меньше всего ошибок при опознавании эмоций совершают люди с эмоциональной привязанностью.

Ключевые слова: эмоциональные фотоэталоны, личностные качества, чувствительность, точность опознавания, микрогенез восприятия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-95-99

Проблема исследования

Эта статья является продолжением серии экспериментальных работ, посвященных исследованию взаимосвязи порогов восприятия эмоций и личностных особенностей воспринимающих. Осуществляя исследование, мы исходили из положения, что эмоциональная чувствительность каждого человека различна по отношению к разным эмоциям. Опираясь на идеи системного подхода, мы полагаем, что эмоциональная чувствительность к различным эмоциям связана с опознаванием этих эмоций в процессе их восприятия. Зафиксировать эту взаимосвязь в обычных условиях восприятия можно лишь при заметных отклонениях от нормального процесса функционирования психики [1, 2]. На наш взгляд, измерить взаимосвязь между чувствительностью к различным эмоциям и опознаванием эмоций в случае нормального развития психики возможно, но при соблюдении ряда условий, которые позволяют снизить контролирующее влияние сознания на процесс восприятия эмоций. Такой эффект можно получить, изучая микрогенез процесса восприятия.

Следующим существенным моментом исследования является нахождение релевантных маркеров эмоциональной чувствительности.

Безусловно, наиболее адекватным способом определения эмоциональной чувствительности человека является наблюдение в естественных условиях, в ситуациях, провоцирующих проявление данного качества, либо получение экспертных оценок, но в реальных ситуациях реализация данных методов часто невозможна. Опросники, дающие нам субъективные представления человека о своих особенностях, часто не дают объективную информацию, результаты прохождения опросников зависят от многих факторов и потому не могут служить достаточно надежным основанием для прогноза поведения человека. Тем не менее опрос большого числа респондентов позволяет выявить некие общие тенденции, которые могут служить ориентиром при выборе направлений исследования. Именно поэтому на данном этапе работы была поставлена задача изучить взаимосвязь порога опознавания базовых эмоций в условиях микрогенеза восприятия с личностными особенностями воспринимающих, измеренными при помощи классического самоопросника. Таким образом, основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что существует взаимосвязь определенных личностных черт с пороговой характеристикой и точностью восприятия эмоций.

Методика исследования

В эксперименте использовалась методика опознавания паттернов, предъявленных в микроинтервалах времени, равных 13 мс, 26 мс, 39 мс и 52 мс. Кроме того, было введено зашумление экрана «маской», которая представляла собой гауссов шум, сделанный в PaintShop, с нормальной гистограммой распределения яркости. Для предъявления стимульного материала была написана программа на языке JAVA 5 (А. В. Жегалло).

Предварительно у каждого испытуемого определялись его личностные особенности при помощи пятифакторного опросника Р. МакКрае и П. Коста в адаптации к условиям русской культуры В. Е. Орлом, А. А. Рукавишниковым и И. Г. Сениным [3].

Стимульный материал

В качестве стимульного материала для восприятия эталонных эмоций в микроинтервалах времени были выбраны базовые эталоны эмоций из набора JACFEE [4]. Всего было использовано семь фотоэталонов: «счастье» («Happy»), «злость» («Anger»), «печаль» («Sadness»), «удивление» («Surprise»), «страх» («Fear»), «Disgust» («отвращение»), «нейтральное лицо» («Neutral»).

Процедура исследования

На экране компьютера испытуемым в случайном порядке на фоне «шума» предъявлялись фотоэталоны, время экспозиции менялось последовательно, от меньшего к большему. На каждом временном интервале предъявлялись все эмоциональные фотоэталоны. Испытуемым после предъявления каждого предлагалось выбрать на экране при помощи мышки название эмоции, которой, по его мнению, соответствовало увиденное выражение лица.

В результатах прохождения компьютерной методики фиксировались ID (идентификационный код) испытуемого, код показанной экспрессии, код ответа (при верной идентификации экспрессии испытуемым код экспрессии и код ответа совпадали), время ответа в мс, название фото, запрошенное время показа фото в мс, фактическое время показа фото в мс.

До начала прохождения компьютерной методики у каждого испытуемого определялись его личностные особенности при помощи пятифакторного опросника Р. МакКрея и П. Коста. В дальнейшем показатели опознавания фотоэталонов в микроинтервалах времени сопоставлялись с личностными особенностями. В качестве математической базы применялся метод корреляционного анализа с использованием критерия Пирсона. Испытуемыми были 34 студента Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, среди которых 28 женщин и 6 мужчин, средний возраст 21 год.

Результаты и их обсуждение

В качестве показателя измерения порога опознавания фотоэталонов эмоций предполагалось использовать начальное время опознавания каждой эмоциональной схемы, но в процессе эксперимента выяснилось, что в данной градации времени (13 мс, 26 мс, 39 мс и 52 мс) все фотоэталоны начинали опознаваться в один и тот же временной интервал, с 26 мс. Удалось установить в процессе обработки данных, что маскировочный фон не способствует выделению разницы в начале опознавания различных эмоциональных

схем, но позволяет зафиксировать разницу в точности опознавания. Используемая нами ранее процедура определения начала опознавания эмоциональных схем в микроинтервалах времени на фоне точечного «закрашивания» экрана с изменяемой степенью «зашумленности» оказалась более информативной [5].

В качестве параметров определения точности опознавания фотоэталонов эмоций использовались показатели «доля правильных ответов» и «доля ошибки». Первый подсчитывался относительно общего числа возможных правильных ответов для каждой базовой эмоции, независимо от времени предъявления. Второй – при каждом времени экспозиции (без учета эмоциональной валентности) и представляет собой количество ошибок при каждой градации времени (13 мс, 26 мс, 39 мс и 52 мс), деленное на число эмоциональных схем (в нашем эксперименте их было семь).

«Доля правильных ответов», на наш взгляд, отражает способность дифференцировать паттерны различных эмоций, «доля ошибки», подсчитанная для каждой временной экспозиции отдельно (особенно для временного интервала в 13 мс), отражает установку человека «видеть» эмоции, которых нет на самом деле, под влиянием, прежде всего, внутренних факторов. Мы предполагаем, что одним из них является повышенная базовая напряженность человека, выражающаяся в определенных темпераментальных и личностных качествах (уровень нейротизма, тревожность и т.п.). Это предположение базируется на результатах наших предыдущих исследований, которые показали, что уровень нейротизма человека влияет на эффективность опознавания некоторых эмоций [6]. Короткое время экспозиции стимула на фоне шумов создает условия для уменьшения влияния сознательной оценки, поэтому особенно интересно посмотреть показатель доли ошибки для самого короткого времени предъявления, в 13 мс, поскольку для этого временного отрезка правильные ответы фактически дать невозможно.

Одной из главных задач, которая реализовывалась в рамках данной работы, было нахождение взаимосвязи точности опознавания базовых эмоций с индивидуально-психологическими особенностями респондентов. С этой целью был проведен корреляционный анализ (с использованием критерия Пирсона) доли правильных ответов при узнавании фотоэталонов и результатов исследования индивидуально-психологических особенностей оценщиков (табл. 1).

Таблица 1

**Взаимосвязь между долей правильных ответов при узнавании базовых эмоций
и личностными особенностями испытуемых**

Личностные особенности	Базовые эмоции					
	Счастье	Гнев	Страх	Удивление	Отвращение	Нейтральное лицо
Избегание внимания	-0,370*	–	–	–	–	–
Самоуважение	–	-0,355*	–	–	–	–
Соперничество	–	–	-0,359*	–	–	–
Отсутствие ответственности	–	–	–	–	-0,390*	–
Самодостаточность	–	–	–	–	–	-0,361*
Неаккуратность	–	-0,352*	–	–	–	–
Пластичность	–	–	0,421	0,402	–	–
Импульсивность	–	–	–	–	-0,389*	–
Беззаботность	–	–	–	–	–	-0,366*
Отсутствие настойчивости	–	-0,376*	–	–	-0,393*	–
Стабильность	–	–	–	–	–	-0,411*
Беспечность	–	–	–	–	-0,358*	–

Примечание. * – двусторонняя корреляция значима на уровне 0,05.

Полученные данные можно интерпретировать следующим образом. «Счастье» плохо опознается людьми, избегающими внимания (интровертированной направленности). «Гнев» плохо опознается ненастойчивыми, неаккуратными людьми с ярко выраженным качеством самоуважения. Эти качества характеризуют проблемную волевую сферу и отсутствие ориентации на социальные нормы и других людей. «Страх» плохо опознается теми, кто ориентирован на соперничество, и хорошо опознается испытуемыми с пластичной эмоциональной сферой. Люди с пластичной эмоциональной сферой также хорошо опознают «Удивление».

«Отвращение» плохо опознается импульсивными людьми, беспечными, с отсутствием ответственности и настойчивости, т.е. контролирующей себя индивид с развитой волевой регуляцией способен точнее определять «отвращение», и, наоборот, человек, склонный находиться во власти собственных эмоций, хуже определяет эту эмоцию у других людей. Учитывая, что точность опознавания «отвращения» невелика, по сравнению с другими эмоциями, в силу большого сходства этого паттерна с лицевыми паттернами других эмоций (прежде всего, с «гневом»), найденная взаимосвязь представляет большую практическую ценность для определения степени развитости волевой регуляции и функций сознания у респондентов при восприятии базовых эмоций.

Доля правильных ответов при опознавании «грусти» не показала никакой связи с личност-

ными качествами. «Нейтральное лицо» плохо опознается людьми беззаботными, стабильными и самодостаточными.

Литературных данных, освещающих вопрос о взаимосвязи личностных особенностей человека и точности опознавания эмоций в процессе микрогенеза восприятия, нам не удалось обнаружить, но интересно сопоставить полученные данные с особенностями восприятия базовых эмоций у людей, имеющих определенные отклонения в развитии психики.

Например, в исследовании, предпринятом Беллом с коллегами, было обнаружено, что плохо опознают эмоцию гнева люди с тревожными расстройствами [1]. Отметим, что людей с тревожными расстройствами характеризуют те же качества, которые были выявлены в нашем исследовании здоровых людей, плохо опознающих гнев (с проблемой волевой сферы и отсутствием ориентации на социальные нормы и других людей) [7].

Имеются факты о наличии схемы измененного распознавания эмоций на фоне эмоциональной гиперактивности у людей, страдающих пограничной психопатией [2]: у них наблюдается повышенная чувствительность к определению негативных эмоций. Легкая смена валентности и интенсивности эмоциональных реакций у здоровых людей с пластичной эмоциональной сферой перекликается с качеством эмоциональной гиперактивности, причем эмоциональная гиперактивность характеризуется гораздо более выраженной интенсивностью, часто неконтролируемостью и социальной дезадаптирован-

ностью. Кроме того, в нашем эксперименте люди, хорошо определяющие отрицательные эмоции «гнева» и «страха», характеризуются проблемной волевой сферой и соперничеством (агрессивный компонент), что фиксирует их особенности в эмоционально-волевой сфере. Стоит отметить, что эмоционально-волевая дисгармония характерна для любого диагноза из группы психопатий: выражается она в отклонениях в двух эмоциях: гнев и страхе.

Найденные литературные данные не являются прямым подтверждением обнаруженных нами фактов, но хорошо с ними согласуются.

Следующим критерием точности опознавания эмоций в связи с индивидуально-психологическими особенностями воспринимающих служил показатель взаимосвязи доли ошибки в процессе опознавания базовых эмоций с личностными особенностями воспринимающих (оценщиков) (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между долей ошибочного опознавания эмоциональных фотоэталонов (без учета валентности эмоций) при различных временных экспозициях с личностными особенностями испытуемых

13 мс	39 мс		52 мс
Отделенность -0,381*	Привязанность 0,422*	Контролирование 0,465**	Контролирование 0,463**

Примечание. * – двусторонняя корреляция значима на уровне 0,05; ** – двусторонняя корреляция значима на уровне 0,01.

Как видно из представленных данных, в случае ограничения сознательного контроля меньше всего ошибок при опознавании эмоций совершают люди, для которых характерна эмоциональная привязанность, при увеличении контроля сознания одинаково плохо влияют два качества: привязанность и контролирование. Данные результаты представляются вполне логичными, если учитывать психологическое содержание этих личностных особенностей. Эмоциональная привязанность предполагает высокую чувствительность к эмоциям других людей: в условиях микрогенеза восприятия познание мира через эмоциональную сферу становится фактически единственным источником информации. При интеллектуальном варианте решения проблемы опознавания эмоций (в нормальных условиях восприятия) полюсные проявления качества эмоциональной чувствительности не способствуют правильному решению задачи.

С целью выяснения возможных факторов, влияющих на установку человека «видеть» эмоции при самом коротком времени экспозиции в 13 мс, был проведен корреляционный анализ между долей выбранной эмоции для этого временного интервала и личностными особенностями респондентов. Были обнаружены следующие взаимосвязи: между долей выбора эмоции «гнев» и доминированием респондента (коэффициент корреляции 0,376*, * – уровень значимости 0,05), эмоции «удивление» – артистичностью (-0,364*) и сензитивностью (-0,352*), эмоции «отвращение» и качествами привлечение внимания (0,466**, ** – значимость 0,01), уважение других (-0,393*) и артистичностью (-0,446**).

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что в условиях, не позволяющих точно опознать эмоцию, доминирующие люди видят «гнев», неартистичные и малочувствительные – «удивление», люди, ориентированные на свои запросы, – «отвращение».

Заключение

В условиях восприятия в микроинтервалах времени плохо опознаются следующие эмоциональные фотоэталоны: «счастье» – людьми, имеющими интровертированную направленность; «гнев» – людьми, характеризующимися проблемной волевой сферой и отсутствием ориентации на социальные нормы и других людей; «страх» – теми, кто ориентирован на соперничество; «нейтральное лицо» – людьми беззаботными, стабильными и самодостаточными.

В условиях восприятия в микроинтервалах времени хорошо опознаются эмоциональные фотоэталоны: «страх» и «удивление» – людьми с пластичной эмоциональной сферой; «отвращение» – теми, у кого хорошо развиты волевая регуляция и функции сознания.

Меньше всего ошибок при опознавании эмоций в микроинтервалах времени совершают люди с эмоциональной привязанностью; при увеличении контроля сознания эмоциональная привязанность и контролирование мешают точности опознания.

В условиях, не позволяющих точно опознать эмоцию, доминирующие люди видят «гнев», люди неартистичные и малочувствительные – «удивление», а те, кто ориентирован, прежде всего, на свои запросы, видят «отвращение».

Список литературы

1. Bell C., Bourke C., Colhoun H., Carter F., Frampton C., Porter R. The misclassification of facial expressions in generalised social phobia // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. Vol. 25. P. 278–283.
2. Domes G., Schulze L., Herpertz S. C. Emotion Recognition in Borderline Personality Disorder – a Review of the Literature // *Journal of Personality Disorders*. 2009. Vol. 23 (1). P. 6–19.
3. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности : учеб.-метод. пособие. Курган, 2000. 23 с.
4. Macías Gago A. B., Maroto M. R., Crego A. The perception of facial aesthetics in a young Spanish population // *European Journal of Orthodontics*, 2012. Vol. 34, no. 3. DOI:10.1093/ejo/cjr014.
5. Хрисанфова Л. А. Динамика восприятия экспрессий лица : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 239 с.
6. Хрисанфова Л. А. Соотношение качеств темперамента и эффективности опознавания эмоциональных схем // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 62–68.
7. Linehan M. M. Dialectical behavior therapy for treatment of borderline personality disorder : implications for the treatment of substance abuse // *Behavioral Treatment for drug abuse and dependence*. Lexington, 1993. P. 201–216.

Образец для цитирования:

Хрисанфова Л. А. Соотношение некоторых качеств личности и точности опознавания базовых эмоций в условиях микрогенеза восприятия // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 95–99. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-95-99.

Recognition of Facial Expressions and Individual Personal Characteristics of the Observers

L. A. Khrisanfova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23, Gagarina ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: l.hri@mail.ru

The goal of this study is to identify relationships between the accuracy of recognition of standard facial expressions (taken from the Ekman and Friesin 'pictures of affect' series) and individual personal characteristics of the observers. The presentation times of the target faces for the recognition task are varied (13, 26, 39 and 52 msec.). The total number of the participants is 34. The experiment shows that (a) introverts tend to have low levels of accuracy while trying to recognise the sample 'happy' face, (b) problems in volitional personality sphere and underdeveloped sensitivity for social norms are correlated with low levels of anger recognition accuracy, (c) fear recognition accuracy has a negative correlation with competitiveness, (d) 'neutral' face seems to cause more trouble for those participants who are marked upbeat, stable and self-sufficient. Moreover, flexible emotional sphere is proved to facilitate recognition of fear and surprise.

Key words: the Ekman and Friesin 'pictures of affect' series, individual personal characteristics, sensitivity, facial recognition accuracy, microgenesis of perception.

References

1. Bell C., Bourke C., Colhoun H., Carter F., Frampton C., Porter R. The misclassification of facial expressions in generalised social phobia. *Journal of Anxiety Disorders*, 2011, vol. 25, pp. 278–283.
2. Domes G., Schulze L., Herpertz S. C. Emotion Recognition in Borderline Personality Disorder – a Review of the Literature. *Journal of Personality Disorders*, 2009, vol. 23 (1), pp. 6–19.
3. Khromov A. B. *Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti: ucheb.-metod. posobie* (Psychological Questionnaire of the Personality: Methodology). Kurgan, 2000. 23 p.
4. Macías Gago A. B., Maroto M. R., Crego A. The perception of facial aesthetics in a young Spanish population. *European Journal of Orthodontics*, 2012, vol. 34, no. 3. DOI:10.1093/ejo/cjr014.
5. Khrisanfova L. A. *Dinamika vospriyatiya ekspressiy litsa: dis. ... kand. psihol. nauk* (Perception facial expression's dynamics: PhD dissertation {Psychology}). Moscow, 2004. 239 p.
6. Khrisanfova L. A. Sootnoshenie kachestv temperamenta i effektivnosti opoznaniya emotsionalnykh skhem (Relationship between Temperamental Characteristics of a Person and His or Her Effectiveness of Distinguishing Different Emotional Patterns). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 62–68.
7. Linehan M. M. Dialectical behavior therapy for treatment of borderline personality disorder: implications for the treatment of substance abuse. *Behavioral Treatment for drug abuse and dependence*. Lexington, 1993, pp. 201–216.

Cite this article as:

Khrisanfova L. A. Recognition of Facial Expressions and Individual Personal Characteristics of the Observers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 95–99. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-95-99.

УДК.159.9

ВНУТРЕННЯЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МОТИВАЦИЯ У ВАЙШНАВОВ

Ясин Мирослав Иванович – доцент кафедры психологии, кандидат социологических наук, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва. E-mail: nadsaw@yandex.ru

Разделение религиозной мотивации на внешнюю и внутреннюю берет свое начало в работах Г. Олпорта, однако идея эволюционировала, и в данный момент в литературе можно встретить разночтение в терминологии и различные конструкты внутренней мотивации. Концепция внутренней религиозной мотивации И. Стойкович и Дж. Мирич опирается на эмпирический материал и отражает естественные связи нескольких факторов. Использован тест-опросник И. Стойкович и Дж. Мирич для исследования внутренней мотивации российских последователей Общества сознания Кришны (вайшнавов) (115 респондентов). Представители общества обладают высокой внутренней мотивацией к религии, низким желанием соответствовать социальным ожиданиям. Вера для них – источник эмоционального благополучия, идеалов и морали. Они не чувствуют, что религия является частью их национальной традиции. Стремление использовать религию как средство исполнения желаний оказалось зависящим от личностных установок в большей степени, нежели от коллективных.

Ключевые слова: психология религии, религиозная мотивация, внутренняя мотивация, вайшнавизм, Общество сознания Кришны.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-100-103

Теоретическое обоснование

Одна из первых значительных работ о религиозной мотивации принадлежит Г. Олпорту, который в 50-е гг. XX в. выразил свои взгляды в книге «Индивид и его религия» [1]. А к 1959 г. он усовершенствовал свою теорию и в работе о религиозных предрассудках уже четко сформулировал понятия внешней и внутренней религиозности [2]. Внутренняя мотивация, согласно Олпорту, направлена на удовлетворение внутренней потребности контакта с трансцендентным, внешняя состоит в следовании закрепленным правилам и исполнении ритуалов. Она часто имеет целью получение вторичной выгоды, например, одобрения со стороны окружающих, а не собственно духовную жизнь.

В дальнейшем исследователи дополнили, уточнили и во многом пересмотрели взгляды Олпорта. Т. Мартос и коллеги ввели термины «трансцендентная религиозная мотивация» и «нормативная религиозная мотивация» [3]. В целом определения совпадают с данными Олпорта, однако авторы не противопоставляют эти два вида мотивов, а свой инструментарий сконструировали таким образом, что оба типа мотивации могут быть измерены независимо друг

от друга. Исследование показало, что два типа мотивации действуют автономно в ряде случаев, но проявляют высокую степень корреляции между собой (порядка $r = 63$, при $p < 0,01$) [3, с. 80]. Два типа мотивов могут поддерживать и дополнять друг друга. К примеру, цель «решить семейные конфликты» может быть продиктована как внутренним желанием достичь высокой духовности, так и предписаниями религиозной общины.

Концепция внутренней и внешней мотивации была значительно изменена и расширена Э. Дечи и Р. Райном в разработанной ими теории самоопределения [4]. Под внешней мотивацией они понимают те случаи, когда человек испытывает реальное или мнимое давление со стороны окружающих [5]. Внешняя мотивация может интернализироваться, встраиваясь, с различной долей успеха, в структуру самоопределения [6]. Согласно более поздним уточнениям теории самоопределения [6, 7], есть четыре уровня мотивов по степени их интегрированности в структуру личности: внутренние – наиболее интегрированные, их источник – сам человек; внешние личные – пришедшие извне, но сознательно принятые личностью как желательные и необходимые; внешние социальные – принятые личностью для получения одобрения окружающих; полностью внешние воспринимаются личностью как внешнее давление, насилие.

У теории самоопределения среди исследователей религии появилось много последователей, приведем в качестве примеров лишь некоторые работы. Б. П. О'Коннор и Р. Дж. Валлеранд показали [8], что по степени интегрированности религиозности можно прогнозировать ощущение благополучия, удовлетворенности жизнью и уровень самооценки. А. Ассор и коллеги раскрыли условия [9], при которых наиболее успешно формируются внешняя, интернализованная и внутренняя мотивация к религии.

Б. Найринк и В. Ленс экспериментально показали [10], что внутренняя религиозность по Олпорту соответствует тому, что в системе Дечи и Райна названо мотивацией-идентификацией. Но внешняя религиозность не соотносится с внешней мотивацией: при внешней религиозности человек стремится достичь неких целей, но при этом не обязательно должен испытывать внешнее

давление. Эти цели могут быть продиктованы и внутренней автономной, и контролируемой извне мотивацией.

Взяв за основу теорию Олпорта, Л. Киркпатрик [11], используя факторный анализ, показал, что внешняя религиозность разделяется на два подтипа: внешне-социальный и внешне-личный. При первом типе религия используется как средство достижения социальной выгоды, при втором служит цели достижения положительного эмоционального переживания. Однако Киркпатрик упускает из внимания, что поиск положительных эмоций, по сути, является внутренним мотивом.

И. Стойкович и Дж. Мирич поставили целью определить содержание внутренней религиозной мотивации, не привязываясь жестко к концепции Олпорта. Для этого они провели многочисленные интервью с верующими, нацеленные на выяснение внутренних мотивов, а затем подвергли полученные данные контент-анализу и факторизации [12]. Выборку составили представители двух христианских и одного исламского сообществ и молодые люди из учебных заведений, считающие себя верующими, но в исследовании не уточняется их конфессиональная принадлежность. Таким образом, выборка была конфессионально неспецифической. Полученный результат позволил И. Стойкович и Дж. Миричу прийти к выводу, что набор внутренних мотивов, естественным образом указываемых респондентами, не вписывается в схему Олпорта. Распределение внутренних и внешних мотивов происходит иным образом, чем это указано в теории Олпорта. Авторы предложили собственную интерпретацию содержания внутренней мотивации и разработали психологический инструментарий (пятифакторный тест-опросник) для ее измерения.

Современные представления о характере внутренней религиозной мотивации, ее подвидах и источниках довольно разнообразны. Разделение на внешнюю и внутреннюю мотивацию, проведенное Олпортом, подвергает критике, уточняется и дополняется. Концепция И. Стойкович и Дж. Мирича опирается на эмпирический материал и отражает понимание внутренней мотивации самими респондентами, т.е. максимально естественна и не содержит априорных жестких конструктов, в чем мы видим ее преимущество.

Постановка проблемы и методы исследования

Практические исследования религии в России пока не столь распространены [13], особенно мало изучены религии-экспаты, традиционно не являющиеся российскими. Работ, посвященных психологии представителей Общества сознания Кришны, мы обнаружили всего несколько, среди

них не было исследований религиозной мотивации. Наша задача – исследовать внутреннюю религиозную мотивацию вайшнавов, последователей российского Общества сознания Кришны. Исследование имеет характер описательного относительно религиозного сообщества и уточняющего относительно концепции И. Стойкович и Дж. Мирича.

За основу мы взяли тест, разработанный И. Стойкович и Дж. Мирич [12]. Опросник включает пять субшкал: 1) религия как высшая ценность (РВЦ); 2) стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии (СО); 3) религия как средство исполнения желаний (ИЖ); 4) религия как часть традиции (Т); 5) религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали (ЭИМ). Инструментарий пригоден для исследований религий, опирающихся на концепцию веры в Бога, при этом конфессионально нейтрален. Мы дополнили его пятибалльной шкалой Лайкерта, а затем пересчитали результаты в стенах для удобства восприятия данных.

Выборку составили 115 вайшнавов российского Общества сознания Кришны в возрасте от 19 до 45 лет, регулярно посещающие мероприятия религиозной организации; из них 63 женщины и 52 мужчины.

Результаты и их обсуждение

По шкале «Религия как высшая ценность» (РВЦ) респонденты набрали высокие баллы (среднее 7,95 стенов) при низкой дисперсии (1,26), т.е. наблюдается тенденция проявлять высокую внутреннюю мотивацию к религии, при этом группа довольно однородна (таблица). Гендерных различий выявлено не было (T -критерий Стьюдента = $-1,08$ при $p < 0,28$).

Результаты теста на внутреннюю религиозную мотивацию

	РВЦ	СО	ИЖ	Т	ЭИМ
Средние	7,95	0,52	6,46	3,24	6,9
Дисперсия	1,26	0,63	10,36	6,19	3,91

По шкале «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» (СО) баллы оказались низкими (среднее 0,52), в сырых баллах это соответствует резким отрицательным оценкам по линейке Лайкера. Гендерных различий выявлено не было (T -критерий = $0,44$ при $p < 0,65$). Данный результат соответствует предсказаниям Стойкович и Мирич, в их исследовании фактор значимо отрицательно связан с внутренней мотивацией ($-0,955$) [12]. Чем выше внутренняя мотивация, тем ниже должны оказаться социальные ожидания, что мы и видим у вайшнавов. При этом очень низкая дисперсия

(0,63) по шкале говорит о коллективной тенденции отвечать на вопросы теста сходным образом (см. таблицу). Отсутствие стремления соответствовать социальным ожиданиям можно считать вайшнавской чертой, формируемой в религиозной группе. Эти данные закономерны, учитывая наше предыдущее исследование [14], показавшее, что вайшнавцы во многом противостоят доминирующей культуре, поэтому не ищут подтверждения во внешних оценках.

В измерении «Религия как средства исполнения желаний» (ИЖ) мы видим средние баллы (6,46 ствен) при очень высокой дисперсии (10,36) (см. таблицу). Результат говорит о том, что выбор ответа здесь в большей степени зависит от индивидуальных установок, нежели от коллективных тенденций. При этом *T*-критерий отчетливо показывает, что у мужчин понимание религии как средства исполнения желаний явно выше, чем у женщин (*T*-критерий = -2,83 при $p < 0,005$). Мы полагаем, что ключ к пониманию этой разницы лежит в области мотивов прихода в религию. Женщины чаще мужчин называют конкретные прагматичные цели: «как правильно жить», «как выбрать партнера», «построить крепкую семью», «воспитать детей» [14], а жажда исполнения мирских, «сансарических» желаний не ставится философией вайшнавизма на первый план. Мужчины свои «желания» формулируют в более философском ключе и допускают, что вера может быть средством их исполнения.

По шкале «Религия как часть традиции» (Т) нами получены низкие баллы (среднее 3,24 ствен), что по шкале Лайкерта соответствует отрицательным оценкам, при средней дисперсии (6,19) (см. таблицу). В исследовании Стойкович и Мирич этот фактор оказался позитивно связанным с внутренней мотивацией, однако в нем речь шла о христианских и мусульманских конфессиях [12]. Общество сознания Кришны является религией-экспатом, она не ассоциируется со связями с традицией и предками для ее последователей, наоборот, адепты часто чувствуют, что находятся в культурно чуждом пространстве [14]. Гендерных различий по шкале выявлено не было (*T*-критерий = 0,04, $p < 0,97$).

Понимание религии в качестве «источника эмоционального благополучия, идеалов и морали» (ЭИМ) получило у вайшнавцев достаточно высокие баллы (среднее 6,90 ствен) при относительно низкой дисперсии (3,91) (см. таблицу). Мы отмечаем групповую тенденцию ставить высокие оценки по данной шкале, при этом у женщин результаты значимо выше (*T*-критерий = 2,62, $p < 0,01$). Вайшнавизм – религия жестко регламентированная, с довольно большим количеством правил, обещающая радость и благополучие при их исполнении,

что активно пропагандируется на лекциях и в проповедях. В данной группе вопросов респонденты четко отразили эту религиозную установку.

Заключение

Представители Общества сознания Кришны в исследовании продемонстрировали высокую внутреннюю мотивацию к религии при низком желании соответствовать социальным ожиданиям. Стремление использовать религию как средство исполнения желаний оказалось в большей степени зависящим от личностных установок, нежели коллективным качеством. Вера является для них источником эмоционального благополучия, идеалов и морали. Вайшнавцы не считают, что религия каким-либо образом связывает их с традициями своего народа или предками, и чувствуют свою принадлежность к иному социально-культурному контексту.

Список литературы

1. Allport G. W. The individual and his religion. N.Y., 1950. 162 p.
2. Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge, 1959. 137 p.
3. Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious motivations for everyday goals: their religious context and potential consequences // Motivation and Emotion. 2011. Vol. 35. P. 75–88.
4. Ясин М. И. Самоопределение, религиозность, толерантность // Социальное и профессиональное самоопределение личности в экономическом и гуманитарном образовании : перспективы и развитие / общ. ред. Б. С. Васякин, М. С. Бережная. М., 2015. С. 23–30.
5. Deci E. L., Ryan R. M. The empirical exploration of intrinsic motivational processes // Advances in experimental social psychology / ed. L. Berkowitz. N.Y., 1980. P. 39–80.
6. Deci E. L., Ryan R. M. The «what» and «why» of goal pursuits : Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268.
7. Ryan R. M., Rigby S., King K. Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. P. 586–596.
8. O'Connor B. P., Vallerand R. J. Religious motivation in the elderly : A French-Canadian replication and an extension // Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 130. P. 53–59.
9. Assor A., Cohen-Malayer M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to stay religious in a modern world: Socialization and exploration processes leading to an integrated internalization of religion among Israeli Jewish youth // Motivation and Religion. 2005. Vol. 14. P. 105–150.
10. Neyrinck B., Lens W., Vansteenkiste M. Goals and regulations of religiosity : A motivational analysis // Advances in motivation and achievement / eds. M. L. Maehr, S. Karabenick. Vol. 14. Motivation and religion. Greenwich, 2005. P. 77–106.
11. Kirkpatrick L. A. A psychometric analysis of the Allport-Ross and Feagin measures of intrinsic-extrinsic religious

- orientation // Research in the social scientific study of religion / eds. D. O. Moberg, M. L. Lynn. Greenwich, 1989. Vol. 1. P. 1–31.
12. Stojković I., Mirić J. Construction of a Religious Motivation Questionnaire // Psihologija. 2012. Vol. 45 (2). P. 155–170.
13. Yasin M. I. Psychology of religion : objectives and methods // Humanities and Social Sciences in Europe : Achievements and Perspectives Proceedings of the 5th International symposium / ed. by L. Koenig. 2014. P. 143–146.
14. Ясин М. И. Религиозность и внутренний конфликт // Конфликты в современном мире : международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. Саратов, 2015. С. 734–739.

Образец для цитирования:

Ясин М. И. Внутренняя религиозная мотивация у вайшнавов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 100–103. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-100-103.

Vaishnava's Internal Religious Motivation

M. I. Yasin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
36, Stremyanny bystr., Moscow, 117997, Russia
E-mail: nadsaw@yandex.ru

The division of the religious motivation into extrinsic and intrinsic can be found in the research works of G. Allport. However, the idea has been developed and now we can come across various terminology and constructs concerning the internal motivation. The concept of internal motivation due to I. Stojkovich and G. Mirich is based on the empirical material and reflects natural connections between different factors. That is an undisputable advantage of this concept. We have used the questionnaire of I. Stojkovich and G. Mirich for our study of the internal motivation of the Society for Krishna Consciousness followers (the Vaishnavas) in Russia. 115 participants have been involved in our research. We have observed that the Society representatives are highly internally motivated to religion and have no intention of fitting the social expectations. Faith is their source of emotional wellbeing, ideals and morality. They do not feel that religion is a part of their national traditions. It has turned out that the tendency to use religion as means for desires fulfillment depends more on the personal attitudes than on the collective ones.

Key words: psychology of religion religious motivation, intrinsic motivation, vaishnavas, Society for Krishna consciousness.

References

- Allport G. W. *The individual and his religion*. New York, 1950. 162 p.
- Allport G. W. *The Nature of Prejudice*. Cambridge, 1959. 137 p.
- Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious motivations for everyday goals: their religious context and potential consequences // *Motivation and Emotion*, 2011, vol. 35, pp. 75–88.
- Yasin M. I. *Samoopredelenie, religioznost, tolerantnost* (Self-determination, religion, tolerance). *Social'noe i professionalnoe samoopredelenie lichnosti v ehkonomicheskoy i gumanitarnoy obrazovanii: perspektivy i razvitie* (Social and professional self-determination of personality in economic and humanitarian education: perspectives and development). Eds. B. S. Vasyakin, M. S. Berezhnaya. Moscow, 2015, pp. 23–30.
- Deci E. L., Ryan R. M. The empirical exploration of intrinsic motivational processes. *Advances in experimental social psychology*. Eds. L. Berkowitz. New York, 1980, pp. 39–80.
- Deci E. L., Ryan R. M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, vol. 11, pp. 227–268.
- Ryan R. M., Rigby S., King K. Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health. *Journal of Sonality and Social Psychology*, 1993, vol. 65, pp. 586–596.
- O'Connor B. P., Vallerand R. J. Religious motivation in the elderly: A French-Canadian replication and an extension. *Journal of Social Psychology*, 1990, vol. 130, pp. 53–59.
- Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to stay religious in a modern world: Socialization and exploration processes leading to an integrated internalization of religion among Israeli Jewish youth. *Motivation and Religion*, 2005, vol. 14, pp. 105–150.
- Neyrinck B., Lens W., Vansteenkiste M. Goals and regulations of religiosity: A motivational analysis. *Advances in motivation and achievement*. Eds. M. L. Maehr, S. Karabenick. Vol. 14. Motivation and religion. Greenwich, 2005. P. 77–106.
- Kirkpatrick L. A. A psychometric analysis of the Allport-Ross and Feagin measures of intrinsic-extrinsic religious orientation. *Research in the social scientific study of religion*. Eds. D. O. Moberg, M. L. Lynn. Greenwich, 1989, vol. 1, pp. 1–31.
- Stojković I., Mirić J. Construction of a Religious Motivation Questionnaire. *Psihologija*. 2012. Vol. 45 (2). P. 155–170.
- Yasin M. I. Psychology of religion: objectives and methods. *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives* Proceedings of the 5th International symposium. Ed. L. Koenig. 2014, pp. 143–146.
- Yasin M. I. Religioznost' i vnutrenniy konflikt (Religiosity and internal conflict). *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlchnostnoe izmerenie: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* (Conflicts in the modern world : international, governmental and interpersonal dimension : materials of V International scientific conference). Saratov, 2015, pp. 734–739.

Cite this article as:

Yasin M. I. Vaishnava's Internal Religious Motivation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 100–103. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-100-103.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.014

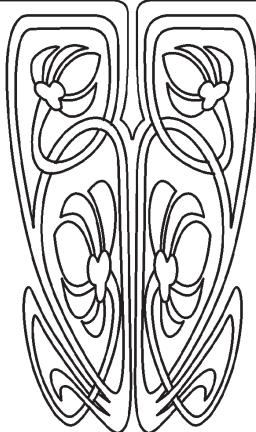
К ВОПРОСУ О СТРАТИФИКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КЛАСТЕРА РИСКА

Зайнетдинова Кадрия Мавиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой управления развитием образования, Саратовский областной институт развития образования. E-mail: zkm75@rambler.ru

Миронова Светлана Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления развитием образования, Саратовский областной институт развития образования. E-mail: afmsb25@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье представлены результаты научно-прикладного исследования, проводившегося Саратовским областным институтом развития образования в течение двух лет с 2014-го по 2016 г. Целью исследования, посвященного проблеме стратификации образовательных организаций в зависимости от успешности образовательных результатов обучающихся, социокультурных, социально-экономических факторов и потенциала развития территории, являлось определение диагностического инструментария, критериальной базы для составления классификации школ кластера, риска на первоначальном этапе и для оказания им адресной поддержки в последующем. Исследование опиралось на анализ открытых сведений результатов самообследования образовательных организаций, публичных отчетов руководителей и программ развития школ Саратовской области, статистических данных Министерства образования и науки Российской Федерации, региональных министерств образования, Министерства социального развития, мониторинговых данных национальных исследований качества образования и Регионального центра оценки качества образования.

Ключевые слова: школы, находящиеся в сложных социальных условиях; низкие образовательные результаты, социальное неблагополучие, оценочные процедуры, ранжирование, поддержка.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-104-110

Введение

Новая социокультурная и экономическая ситуации требуют от органов управления образованием и руководителей всех уровней и рангов определенной гибкости, индивидуализации способов работы с образовательными организациями. Одним из ведущих направлений современной инновационной парадигмы общего образования становится обеспечение условий для эффективного развития образовательной организации и гарантия их соблюдения через механизмы общественного управления, открытости и прозрачности деятельности, достоверности результатов самообследования и внешнего контроля. Функция формализованной и независимой оценок заключается не столько в сборе данных, констатации результатов, формировании страт и рейтингов, сколько в предоставлении максимально объективной информации для оказания последующей адресной поддержки и сопровождения «проблемной» школы. При реализации этого направления работы на первый план выходит необходимость анализа сущности, способов и путей повышения ра-

венства качественного образования, поиска оптимальных диагностических методик и оценочного инструментария деятельности образовательных организаций, проектирование стратификационной классификации и определения условий, критериев, показателей для отслеживания динамики развития образовательной организации.

Объект исследования: стратификация образовательных организаций основного общего образования.

Обзор литературы

Исследование успешности/неуспешности обучающихся в зависимости от окружающей социальной среды, неравенства условий получения образования, влияния социального неблагополучия на социальный статус и успешность во взрослом возрасте в различных аспектах проводилось многими учеными: Е. А. Александровой, Д. А. Александровым, Т. В. Ахутиной, Е. А. Бугрименко, К. А. Маслинским, R. Erikson, J. O. Jons-son, M. Duru-Bellat, A. Van Zanten [1–5].

Зависимость (корреляция) социального лифта от школьной успешности и квалификации кадров рассматривались в работах J. Heckman и S. Irwin [6, 7]. Определению эффективных форм работы образовательных организаций, находящихся в сложных социальных условиях, уделяли внимание D. Reynolds, A. Harris, P. Clarke, V. Harris, S. James [8].

Анализ отечественных законодательных инициатив в сфере общего образования Российской Федерации, начиная с 2009 г., показал, что основной целью является обеспечение граждан равными возможностями получения качественного образования [9–13]. Конституция и законодательство Российской Федерации гарантируют общедоступность и бесплатность общего образования, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения [14, 15].

Однако в последнее время все большее внимание уделяется необходимости приведения в соответствие реальной среды функционирования образовательной организации предъявляемым нормативными документами требованиям. Так, на открытых слушаниях 18 июня 2012 г. в Общественной палате Российской Федерации «Выравнивание шансов детей на качественное образование» констатировалось, что существует проблемная ситуация с доступностью качественного образования. Участники слушаний рекомендовали с опорой на зарубежные исследования разработать и реализовать национальную страте-

гию выравнивания шансов детей на качественное образование, центральным элементом которой должны стать меры поддержки общеобразовательных организаций, работающих со сложным контингентом, в том числе тех, у кого низкие образовательные результаты. Продолжение заявленной инициативы нашло отражение в разделах Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295, согласно которой целеполагающей установкой оказывается разработка стратегии помощи образовательным организациям, находящимся в неблагоприятных социальных условиях, в том числе расположенным в сельской местности, а также создание на местном (локальном) и региональном уровнях механизма стимулирования развития подобных школ и инструмента их поддержки и сопровождения [16].

Постановка задачи

В последние годы проблема школ кластера риска, т.е. оказавшихся в сложных социальных условиях и/или показывающих устойчиво низкие результаты обучения, становится проблемой государственной образовательной политики Российской Федерации. Именно при ее решении возникает определенная система рисков полей, попытка минимизировать которые актуальна как для уровня Федерации, так и для регионального.

Появление первой рискованной зоны обусловлено тем, что в отечественной системе образования до конца не сформирована практика инспекционного анализа, выявляющего подобные школы, квалифицирующего их дефициты, оказывающего содействие в разработке планов улучшения результатов. Это связано с различными показателями, представляющими многоуровневую систему разноаспектного и разностороннего исследования фундаментальных оснований.

К сожалению, в практике отечественного образования нет унификации в определении проблемной школы, законодательно утвержденном на федеральном уровне. Полномочия по определению критериальных показателей, на основании которых возможна стратификация образовательных организаций, переданы регионам, что значительно затрудняет функционирование единого образовательного пространства в масштабе страны и в контексте межрегионального взаимодействия. Ориентация на опыт западного образования в данном случае также весьма условна [17].

Очевидно, что спорным представляется и вопрос дефиниций. Первоначально было введено определение школы, «работающей в сложных

социальных условиях»; только в последние годы стабильно/устойчиво низкие образовательные результаты стали рассматриваться в качестве еще одного критериального показателя стратификации. Однако следует отметить, что при расширении понятийно-терминологического аппарата стратификации унифицированного понимания требует каждая номинация: например, понятие стабильно или устойчиво низкие результаты, по всей видимости, предполагает определение хронологического отрезка мониторинга и диагностики успеваемости за один год, три года или пять лет, лонгитюдное исследование или определение вектора направленности успеваемости обучающихся: снижающаяся, увеличивающаяся или колеблющаяся [18].

Неоднозначными также оказываются показатели, учет которых поможет определить принадлежность или «непринадлежность» той или иной образовательной организации к конкретному сегменту. Именно набор зафиксированных критериев является наиболее дискуссионным. Не менее проблемным представляется вопрос об определении прозрачных методик нормирования подсчета баллов для констатации статуса образовательной организации кластера риска, а также ее места в стратификационном рейтинге. Тем более показательным выступает риск: даже при наличии заявленного или рекомендованного набора условий и открытости процедур ранжирования остается актуальным вопрос о систематизации и определении порога, преодоление которого позволит рассматривать школу как находящуюся в критической ситуации. Безусловно, система указанных показателей должна быть неразрывно связана с системой оценки качества образования, но это предполагает определение еще одного рискованного поля.

Рассматривая образование как открытую систему, следует учитывать, что на показатели образовательных систем, результаты деятельности образовательных организаций, образовательного процесса воздействует значительное количество факторов, в связи с чем необходима качественная пропедевтическая работа (в том числе и дискуссии) по определению групп условий, характеризующих школу в критической ситуации. В соответствии с материалами летней всероссийской конференции по оценке качества образования – 2016 «Модель оценки результатов работы образовательной организации на основе результатов оценочных процедур» существуют основополагающие принципы образовательной политики при проведении стратификации разнообразных образовательных учреждений с учетом контекста их деятельности:

нельзя требовать одинаковых результатов от образовательных систем, функционирующих в разных условиях;

нельзя требовать одинаковых результатов от систем, располагающих разными ресурсами и возможностями развития;

оценка результатов деятельности образовательных организаций может осуществляться только с учетом их функционирования и возможностей развития, т.е. внешних факторов, выраженных через контекстные показатели.

На основании вышеизложенного можно сказать, что необходимо введение понятия эффективности школы в современном образовательном пространстве. Находясь в однотипных сложных социальных условиях, разные школы демонстрируют различные образовательные результаты и оказываются в разной степени конкурентноспособными на рынке образовательных услуг. Соответственно, отнесение образовательной организации к определенному сегменту, при условии эффективности школы, оказывается достаточно условным.

Это определяет границы рискованного поля, актуализирующего принцип эффективности школы: возникает необходимость применения комплекса управленческих решений, связанных с адресными формами поддержки школ, позволяющими развивать потенциал этих образовательных организаций и повышать качество образования.

Описание исследования

Несмотря на обозначенные зоны риска в современной педагогической и управленческой практике, очевидна тенденция их преодоления. В частности, в системе регионального образования возникла необходимость разработки комплекса мер, направленных на решение обозначенной проблемы, что во многом обусловило прикладной характер научного исследования. По результатам обсуждений, организованных в рамках проведения августовского совещания 2016 г. для работников образования, переговорной площадки «Современные оценочные процедуры в повышении качества образования: мониторинг, выявление проблем и вызовов, траектория их преодоления», общественных консультаций на сайте <http://wiki.soiro.ru/>, были выделены и конкретизированы три сегмента школ кластера риска: а) школы с устойчиво/стабильно низкими результатами; б) школы, находящиеся в сложных социальных контекстах; в) пересекающийся сегмент, объединяющий школы первой и второй групп.

Представленная классификация диктует определение фиксированных групп условий (или показателей/критериев), определяющих

возможную соотнесенность образовательной организации и сегмента проблемной школы, каждый из этих сегментов требует отдельного рассмотрения.

Сегмент школ, демонстрирующих стабильно/устойчиво низкие результаты, может выделяться по показателям, представленным в модели оценки результатов работы образовательной организации на основе результатов оценочных процедур с опорой либо на конкретный показатель, либо на совокупность всех показателей: массовость достижения базовых результатов (Государственная итоговая аттестация в 9-х и 11-х классах, Всероссийские проверочные работы, Национальное исследование качества образования), прозрачность и объективность образовательного процесса, развитие таланта, качество образовательной среды, индивидуализация образовательного процесса, результаты участия в региональных и федеральных программах подготовки выпускников. Следует отметить, что количество и качество предлагаемых групп условий во многом дополняются коррелирующими данными органов контрольно-надзорной функции (ЕГЭ-туристы – меняющие школу накануне государственной аттестации в надежде улучшить свои результаты; анализ пересдач, апелляции, предметные и конфликтные комиссии, ППЭ офф-лайн – пункты проведения экзамена, не оснащенные камерами видеонаблюдения, а также соблюдение законодательства, лицензионный контроль, аккредитация и др.).

Именно этот сегмент образовательных учреждений на данный момент фактически не вызывает затруднений в процессе стратификации: отработанные оценочные процедуры, введение и реализация школьных систем оценки качества образования, солидный накопленный опыт, внедрение и актуализация новейших мониторинговых технологий в образовании приводят к корректному выделению школ, особенно в контексте лонгитюдного исследования.

Сегмент школ, находящихся в сложных социальных условиях, предполагает групповую дифференциацию показателей и оказывается более проблемным с точки зрения его выделения, характеристики и структурирования. Различное понимание сложного социума в современной образовательной системе позволяет считать наиболее актуальными четыре группы анализируемых условий, ряд которых, в зависимости от доминирующих характеристик региона, может быть значительно расширен.

Остановимся на анализе социально-экономических показателей в силу их частотности, многоплановости и неоднозначности. Во многом

данные критерии продиктованы спецификой региона: Саратовская область, будучи аграрным комплексом, характеризуется массовостью сельских школ, но предлагаемые показатели могут быть актуальны и для городских образовательных организаций.

Во-первых, необходимо обращать внимание на *наполняемость и комплектацию классов общеобразовательных школ*. Этот критерий является активным: в современном образовательном пространстве апробированы мониторинговые исследования всех муниципалитетов области, представляющие численность воспитанников в расчете на одного педагогического работника и находящиеся в открытом доступе на сайтах образовательных организаций и регионального министерства.

Во-вторых, особое внимание при описании социально-экономического среза, влияющего на деятельность современных школ, необходимо уделять *доступности образовательных услуг*, включающей возможность использования дистанционных образовательных технологий, электронного обучения (отметим, что активным является и данный критерий: существует и используется исследование удельного веса образовательных организаций, имеющих доступ к сети Интернет на фиксированной скорости); логистические решения, связанные с определением транспортных затрат для получения образовательных услуг; возможность привлечения образовательных организаций дополнительного образования детей; определение статуса и особенностей финансирования образовательных организаций (например, в дотационных районах). Немаловажное место отведено и характеристике *материально-технического обеспечения и эффективного использования ресурсных источников образования*.

Следует отметить, что не все представленные показатели в современном пространстве обеспечены набором мониторинговых исследований и открытыми данными, что предполагает дальнейшее обсуждение и поиск оптимальных оценочных процедур.

Не менее значимую и значительную группу факторов для выделения школ в сложных социальных условиях составляют так называемые социокультурные показатели. Принято считать, что снижение учебных достижений школ обусловлено проблемным контингентом обучающихся. Проблемам психологического и педагогического сопровождения подростков, выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий уделяется в современной педагогике особое внимание, однако фактически не описаны критерии,

фиксирующие социокультурные условия и влияющие на эффективность деятельности школы:

обучение детей из неблагополучных, неполных и малообеспеченных семей с низким уровнем образования (источником информации может служить социальный паспорт школы);

определение образовательных организаций с преобладающим контингентом обучающихся из числа мигрантов или с неродным русским языком; наличие системы преемственного обучения.

Низкий уровень готовности обучающихся к школе может зависеть и от низкого качества или отсутствия дошкольного (предшкольного) образования, дефицита необходимой коррекционной помощи и др.;

взаимодействие, сотрудничество с родителями и представителями общественности в рамках государственно-общественного управления образовательной организацией;

взаимодействие с органами контроля и надзора, некоммерческими, общественными и организациями тому подобными в контексте анализа жалоб и обращений граждан.

К сожалению, сегодня большинство критериев данной группы не представлены оценочными исследованиями, отсутствуют нормативные диагностические методики из-за субъективной интерпретации отдельных факторов, закрытости информационного поля и фрагментарного межведомственного взаимодействия на уровне Федерации и региона. В то же время в последнее десятилетие очевиден рост интереса к подобному рода проблемам, что проявляется на уровнях законодательских инициатив, разработки различных инструктивных писем и научно-экспериментальных исследований.

Безусловно, важным условием, формирующим показатели, связанные с кадровым обеспечением образовательной организации, оказывается актуальнейший вопрос системы учительского роста. Неослабевающие дискуссии, новые формы аттестации педагогических работников, востребованность и реформирование педагогического образования на уровне высшего профессионального образования – все это обуславливает вариативность в интерпретации данных показателей при выделении школ, находящихся в зоне социального риска. Сегодня существуют и актуализируются две системы квалификации кадрового состава организации: исследования компетентности учителей (впервые в Саратовском регионе оно проведено в пилотном режиме: в процедуре участвовали учителя русского языка, литературы, математики) и аттестация педагогических работников, содержание которых назвать стабильным трудно.

Необходимо отметить, что работа всех групп заявленных критериев может быть нивелирована лишь одним показателем: выделением общеобразовательных организаций с высокой и низкой эффективностью. В основе этих направлений работы лежит система, представленная М. А. Пинской, С. Г. Косарецким, И. Д. Фруминим, ориентированная на эффективное управление образовательной организацией, предполагающее минимизацию рисков зон, выявленных при самоанализе, учтенных в программе развития и реализованных в виде адресных индивидуальных форм поддержки школ кластера риска [17].

Заключение

Проведенное научно-практическое исследование вскрыло сложность и неоднозначность стратификационного деления образовательных организаций по отдельно взятым признакам и показателям, будь то итоговые результаты обучающихся или же средовые факторы жизнедеятельности школы: обозначение трех рисков зон является тому подтверждением. В этой связи целесообразно продолжить работу и дискуссии по уточнению содержания понятия «школа, относящаяся к кластеру риска» во избежание дальнейшей терминологической расплывчатости.

Теоретико-методологический анализ проблемы позволил спроектировать стратификационную классификацию школ кластера риска, включающую описание условий/показателей/критериев, способов сбора данных для максимально объективного выделения сегмента образовательных организаций, находящихся в сложной социальной ситуации.

Доминирующей характеристикой соотношения образовательной организации с сегментом риска должно стать определение эффективности деятельности школы. При высокой степени эффективности статус школы, работающей в сложных социальных условиях, оказывается полностью нивелированным. Соответственно, определение конкретного понижающегося показателя или всей системы показателей станет основанием для определения комплекса управленческих мер по преодолению заявленных критических условий и выходу из зоны риска.

Список литературы

1. Александрова Е. А. Психологическое и педагогическое сопровождение : индивидуальная траектория развития // Народное образование. 2014. № 9. С. 180–187.
2. Бедность и развитие ребенка / под ред. Д. А. Александрова, В. А. Ивановиной, К. А. Маслинского. М., 2015. 392 с.

3. Erikson R., Jonsson J. O. Understanding Educational Inequality : the Swedish Experience // *L'Année Sociologique*. 2000. Vol. 50, № 2. P. 345–382.
4. Duru-Bellat M., Van Zanten A. *Sociologie de l'école*. Paris, 2002. 252 p.
5. Duru-Bellat M. Actualité et nouveaux développements de la question de la reproduction des inégalités sociales par l'école // *Orientation scolaire et professionnelle*. 2003. Vol. 32/04. P. 571–594.
6. Heckman J., *Beyond Pre-K*. Rethinking the Conventional Wisdom on Educational Intervention. *Education Week*. 2007. Vol. 26, iss. 28. P. 40–41.
7. Irwin S. Family contexts, norms and young people's orientations: researching diversity // *Journal of Youth Studies*. 2009. Vol. 12, № 4. P. 337–354.
8. Reynolds D., Harris A., Clarke P., Harris B., James S. Challenging the Challenged : Improving Schools in exceptionally challenging circumstances // *School Effectiveness and School Improvement*. 2006. Vol. 17, № 4. P. 425–441.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/922> (дата обращения: 20.09.2016).
10. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/938> (дата обращения: 20.09.2016).
11. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 кл.). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2365> (дата обращения: 20.09.2016).
12. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». URL: <http://минобрнауки.рф/документы/1450> (дата обращения: 20.09.2016).
13. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2010> (дата обращения: 20.09.2016).
14. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 20.09.2016).
15. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 20.09.2016).
16. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы. URL: <http://xn--n1abdok.xn--p1ai/sites/default/files/%D0%A4%D0%A6%D0%9F%D0%A0%D0%9E%2016-20.pdf> (дата обращения: 20.09.2016).
17. Пинская М. А., Косарецкий С. Г., Фрумин И. Д. Школы, эффективно работающие в сложных социальных контекстах // *Вопр. образования*. 2011. № 4. С. 148–177.
18. Груничева И. Г., Пинская М. А., Косарецкий С. Г. Поддержка школ, показывающих низкие образовательные результаты, как часть национальной образовательной политики // *Вопр. образования*. 2012. № 3. С. 30–63.

Образец для цитирования:

Зайнетдинова К. М., Миронова С. Б. К вопросу о стратификации образовательных организаций кластера риска // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 104–110. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-104-110.

To the Question of Stratification of the Educational Organizations of the Cluster of Risk Which are in Difficult Social Conditions

K. M. Zaynetdinova, S. B. Mironova

Saratov Regional Institute of Education Development
1, Bolshaya Gornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: zkm75@rambler.ru; afmsb25@mail.ru

This article presents the results of the research, which had been carried out by «Saratov institute of the development of education» for two years from 2014 to 2016. This research is dedicated to the problem of stratification of the educational organizations depending on the level of students' results in education, sociocultural and socio-economic factors and the potential of the development of the territory. The aim of this research was the determination of the diagnostic tools and the criterial base for the compilation of the classification of schools which are in a group of risk and for organizing targeted forms of support. The research was leaning on the analysis of the open results of educational organizations' self-testing, chiefs' public reports, the programs of the development of schools of Saratov region, statistics of the Ministry of Education and Science of Russian Federation, regional Department of Education and Ministry of social development and the monitoring data of the National

institute and the Regional center of the education quality valuation.

Key words: the schools that are in difficult social conditions; low educational results, social disadvantage, evaluation procedures, ranging, support.

References

1. Aleksandrova E. A. Psikhologicheskoe i pedagogicheskoe soprovozhdenie: individualnaya traektoriya razvitiya (Psychological and pedagogical assistance: individual development trajectory). *Narodnoe obrazovanie* (National education), 2014, no.9, pp.180–187.
2. *Bednost i razvitie rebenka* (Poverty and child's progress). Pod red. D. A. Aleksandrova, V. A. Ivanyushinoy, K. A. Maslinskogo. Moscow, 2015. 392 p.
3. Erikson R., Jonsson J. O. Understanding educational inequality: the Swedish experience. *L'Année Sociologique*, 2000, no. 2, pp.345–382.
4. Duru-Bellat M., Van Zanten A. *Sociologie de l'école*. Paris, 2002. 252 p.
5. Duru-Bellat M. Actualité et nouveaux développements de la question de la reproduction des inégalités sociales par l'école. *Orientation scolaire et professionnelle*, 2003, vol. 32/04, pp. 571–594.

6. Heckman J., Beyond Pre-K. Rethinking the conventional wisdom on educational intervention. *Education Week*, 2007, vol. 26, iss. 28, pp. 40–41.
7. Irwin S. Family contexts, norms and young people's orientations: researching diversity. *Journal of Youth Studies*, 2009, vol. 12, no. 4, pp. 337–354.
8. Reynolds D., Harris A., Clarke P., Harris B., James S. Challenging the Challenged: Improving schools in exceptionally challenging circumstances. *School Effectiveness and School Improvement*, 2006, vol. 17, no. 4, pp. 425–441.
9. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart nachalnogo obshchego obrazovaniya* (Federal state educational standard of general primary education). Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/922> (accessed 20 September 2016).
10. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (5–9 kl.)* (Federal state educational standard of general education (5–9 grade)). Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/938> (accessed 20 September 2016).
11. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart srednego obshchego obrazovaniya (10–11 kl.)* {Federal state educational standard of general secondary education (10–11 grade)}. Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/2365> (accessed 20 September 2016).
12. *Natsionalnaya obrazovatel'naya initsiativa «Nasha novaya shkola»* (National educational initiative «Our new school»). Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/1450> (accessed 20 September 2016).
13. *Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody* (Federal program of education development for 2011–2015 years). Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/2010> (accessed 20 September 2016).
14. *Federalnyy zakon № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii»* (Federal Law № 273-FZ. About education in Russian Federation). Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/2974> (accessed 20 September 2016).
15. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* (Constitution of Russian Federation). Available at: <http://www.constitution.ru/> (accessed 20 September 2016).
16. *Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody* (Federal program of education development for 2016–2020 years). Available at: http://xn--n1abdok.xn--p1ai/sites/default/files/FTSPRO_16-20.pdf (accessed 20 September 2016).
17. Pinskaya M. A., Kosaretskiy S. G., Frumin I. D. Shkoly, effektivno rabotayushchie v slozhnykh sotsialnykh kontekstakh (Effective schools in complex social contexts). *Voprosy obrazovaniya (Educational studies)*, 2011, no. 4, pp. 148–177.
18. Grunicheva I. G., Pinskaya M. A., Kosaretskiy S. G. Podderzhka shkol, pokazyvayushchikh nizkiye obrazovatelnye rezultaty kak chast natsionalnoy obrazovatelnoy politiki (Support of low-performing schools as part of national educational policy. A Review of international experience). *Voprosy obrazovaniya (Educational studies)*, 2012, no. 3, pp. 30–63.

Cite this article as:

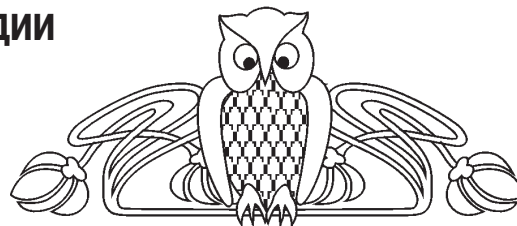
Zaynetdinova K. M., Mironova S. B. To the Question of Stratification of the Educational Organizations of the Cluster of Risk Which are in Difficult Social Conditions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 104–110. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-104-110.

УДК 378.147.88

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ КУРСАНТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козлов Олег Александрович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии, Саратовский военный Краснознаменный институт войск национальной гвардии России. E-mail: dvrh@yandex.ru

Информатизация служебно-боевой деятельности военных специалистов войск национальной гвардии Российской Федерации как представителей силового института в структуре государства, в первую очередь, связана с созданием и обеспечением необходимого уровня информационного оснащения с целью эффективного решения профессиональных задач в различных условиях оперативной обстановки. Поэтому особенности современных реалий в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед системой военного образования, определяют поиск путей и средств совершенствования профессиональной подготовки курсантов ведомственных военных вузов войск национальной гвардии РФ в условиях масштабной информатизации общества, войск национальной гвардии Российской Федерации и системы военного образования. Научная новизна заключается в системном использовании в образовательном процессе военного вуза комплекса информационных технологий общего и специального назначения, интегрируя их в содержание разделов подготовки военных специалистов.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, информационные технологии, войска национальной гвардии, военное образование.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-111-116

В условиях существенной модернизации вооружения и военной техники, средств вооруженной борьбы и специфики боевого применения частей и подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации (ВНГ РФ), обусловленных темпами развития научно-технического прогресса, процессами информатизации общества, увеличения доли использования новых информационных технологий и роли информационных потоков в служебно-боевой деятельности офицер должен обладать высоким уровнем готовности к реализации профессиональных функций, свободно ориентируясь в информационном пространстве современного социума.

В общем смысле информатизация представляет собой процесс развития и широкого внедрения методов и средств сбора, хранения и трансляции информации, который предполагает комплексное использование имеющихся знаний, формирование банка новых знаний, обладающих доступностью для общества, в интересах дальнейшего развития последнего [1].

В Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015) информатизация трактуется как организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, позволяющий создать благоприятные условия для удовлетворения информационной потребности личности, социальных институтов на основе формирования и использования информационных ресурсов [2].

Информатизация современного общества характеризуется нарастающим применением информационных ресурсов для различных сфер профессиональной деятельности, предполагая радикальные изменения в содержании и технологии ее организации. При этом информатизация служебно-боевой деятельности военных специалистов как представителей силового института в структуре государства, в первую очередь, связана с созданием и обеспечением необходимого уровня информационного оснащения с целью качественного решения профессиональных задач в различных условиях оперативной обстановки. Поэтому особенности современных реалий в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед системой военного образования, определяют поиск путей и средств совершенствования профессиональной подготовки курсантов ведомственных военных вузов ВНГ РФ в условиях масштабной информатизации общества, ВНГ РФ, системы военного образования.

Очевидно, что в условиях информатизации системы образования в целом и военного в частности главное значение имеют подготовка специалиста к деятельности в информационном социуме, формирование профессиональной готовности к самостоятельной ее организации, что актуализирует информационную ориентацию образовательной системы, направляет ее вектор в сторону информатизации. По сути, информатизацию образования необходимо рассматривать как процесс изменения содержания, форм и методов профессиональной подготовки будущих специалистов к инновационным образовательным маршрутам.

Е. А. Крайнова [3] выделяет два направления информатизации, первое из которых трактуется как неуправляемая информатизация, осуществляемая несистемно, в основном по инициативе и с использованием личностных ресурсов педагога, который встраивает элементы информатизации в преподаваемую предметную область; вторая – управляемая информатизация, реализуемая на основе выработанной концепции, программы, построенная с учетом принципов и поддержанная собственным ресурсным обеспечением.

Безусловно, сегодня приоритет должен быть отдан второму направлению, в рамках которого создается теоретико-методологическая база информатизации, необходимые условия в образовательном пространстве, затрагивающие как ресурсные, так и кадровые аспекты.

Анализируя состояние информатизации военного образования в вузах Министерства обороны РФ [4], можно отметить ряд проблем, без решения которых не стоит рассчитывать на достижение положительных результатов: 1) отсутствие единой методологической траектории внедрения новых информационных технологий в практику профессиональной подготовки будущих военных специалистов, низкий уровень координации данного процесса и кооперации образовательных учреждений в рамках разработки единой базы применяемых аппаратных средств и программного обеспечения; 2) недостаточный информационно-методический уровень подготовки профессорско-преподавательского состава к использованию новых информационных технологий; 3) необходимость постоянного обновления информационно-ресурсной базы образовательных учреждений, что очевидно влечет за собой дополнительные финансовые затраты.

Полагаем, что сегодня вектор информатизации военного образования должен быть направлен на достижение следующих целей: повышение уровня профессиональной подготовки военных специалистов посредством информационных технологий при проведении комплекса процедур организационно-методического и информационно-ресурсного характера; создание условий для повышения качества образовательного процесса в военном вузе за счет внедрения инновационных методов и форм обучения, основанных на новых информационных технологиях. Поэтому разработка и внедрение информационных технологий занимает главное место в системе образования, расширяет границы её организационно-методических возможностей.

Можно рассматривать информационные технологии не столько в качестве аппаратных средств и программного обеспечения, сколько в

рамках скоординированного в организационном, техническом, методическом, инструментальном аспектах процесса, охватывающего все элементы образовательной системы военного вуза ВНГ РФ и направленного на достижение качества профессиональной подготовки будущих офицеров.

Информационные технологии, на наш взгляд, позволяют обеспечить индивидуализацию профессиональной подготовки курсантов, повысить гуманитарную составляющую образовательного процесса, расширить возможности и границы мотивации самостоятельного поиска и накопления информации и способствуют углублению мыслительной деятельности курсантов, обеспечивают расширение субъектного информационного поля как в предметно-профессиональной, так и в общекультурной областях.

Наблюдающееся в последние годы ускорение развития информационных технологий, внедрение их элементов в образовательный процесс и обусловленные данным фактом противоречия между существовавшей методологией профессиональной подготовки курсантов и необходимостью информационно обусловленной ее модификации, объективной потребностью внедрения новых средств обучения, реализация которых меняет методологическую основу образования, определили возможность существенной интенсификации профессиональной подготовки и необходимость выявления особенностей этих технологий.

Приоритетными направлениями создания и внедрения информационных технологий в системе подготовки военных специалистов в последние годы являются следующие:

применение информационных технологий универсального характера: текстовых редакторов, графических программных продуктов, систем управления базами данных, процессоров электронных таблиц, систем моделирования и др. Их широкое использование обусловлено тем, что они: 1) не требуют специального программного обеспечения в процессе разработки обучающей среды, что позволяет акцентировать внимание на подготовке методического обеспечения проектирования содержания и системы выполняемых в данной среде заданий, 2) разработанные методические материалы можно использовать в процессе работы с любым типом аппаратного обеспечения (компьютера), потому что разработанные преподавателем методические материалы совместимы с новыми версиями информационных технологий;

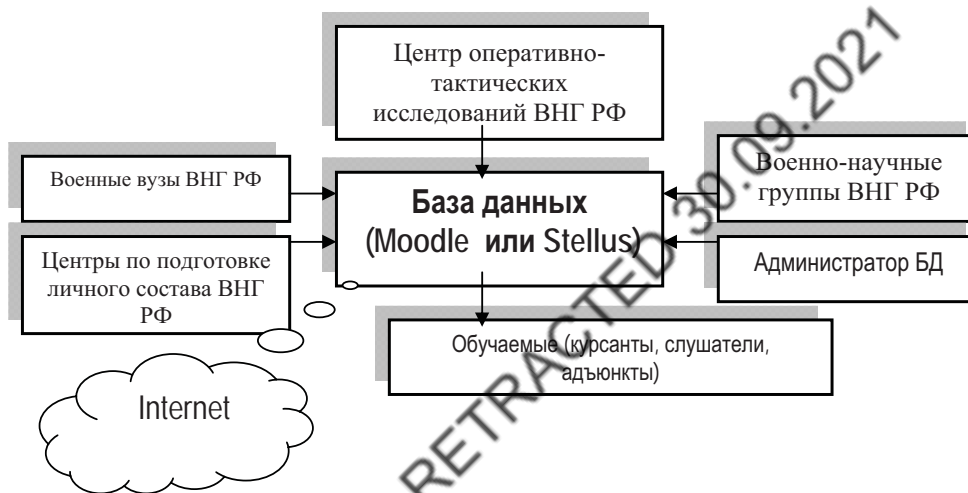
телекоммуникационные технологии, связанные с возможностью использования информационных ресурсов, удаленных от пользователя

(информация, размещенная на серверах сети Internet), что позволяет субъекту получить доступ к большому спектру баз данных и расширить свой персональный и профессиональный кругозор. В практике деятельности военных вузов ВНГ РФ используются возможности локальных и глобальных вычислительных сетей, способствующих получению информации из различных источников.

Перспективным направлением в деятельности военных вузов ВНГ РФ является использование системы дистанционных образовательных технологий, что регламентировано Федераль-

ным законом РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 года № 273-ФЗ, который предусматривает введение новых образовательных технологий, подтвердивших свою эффективность в процессе модернизации высшей школы, а именно дистанционного обучения и обмена информационными ресурсами. Использование возможностей дистанционного обучения может проводиться с применением различных схем, которые сочетают и дополняют средства дистанционного обучения, т.е. дистанционное обучение с использованием дистанционных курсов (рисунок).

Вариант применения информационных технологий в ВНГ РФ с использованием дистанционных курсов (online, offline)

В приведенной схеме может осуществляться сочетание синхронного и асинхронного обучения. Второе не требует у обменивающихся информацией сторон постоянного соединения. К таким средствам можно отнести: электронную почту и построенные на её основе автоматические рассылки, различные специальные программные модули оценки знаний (в Саратовском военном институте ВНГ РФ – «My-Test»). Синхронные средства предполагают наличие одновременных согласованных действий сторон: один говорит, другой слушает и наоборот (в Саратовском военном институте ВНГ РФ – система видеоконференцсвязи связи на базе АПК «Tandberg») [5].

Рассматриваемые средства могут быть использованы благодаря сети Internet или локальной вычислительной мультисервисной сети. Приведенная выше схема организации дистанционного обучения предполагает на начальном этапе организацию синхронного формата, в рамках которого происходит общение курсантов с преподавателем. В дальнейшем курсанты работают са-

мостоятельно, а роль преподавателя заключается в информационно-методическом сопровождении процесса профессиональной подготовки. Когда дистанционный курс достаточно объемный, в самостоятельную работу «встраиваются» on-line занятия с преподавателем.

В процессе использования информационных технологий в рамках дистанционной траектории обучения образовательная организация должна быть снабжена:

- web-сайтом или информационным порталом, которые обеспечивают хранение и обмен информацией между участниками образовательных отношений;
- открытым доступом в глобальную сеть (Internet) или подключением к телекоммуникационной сети, позволяющей обеспечить доступность работы с информационными ресурсами для удаленных пользователей;
- средствами обеспечения связи в синхронном/асинхронном режимах для всех участников образовательных отношений с использованием web-сайта образовательной организации;

– информационно-образовательными ресурсами в рамках созданной и функционирующей распределенной базы данных, к которой каждый курсант имеет доступ с использованием персонального логина и пароля; стабильной работой сетевого оборудования с прямым доступом к средствам телекоммуникации, задействованным в образовательном процессе.

Обмен информацией между участниками образовательных отношений в рамках организации дистанционных курсов может быть осуществлен с использованием двух моделей: первая предполагает предоставление учебного контента для изучения, а обмен информацией касается итоговых контрольно-оценочных процедур; вторая подразумевает обработку данных вручную с последующим кодированием информации с использованием ресурсов электронной почты (асинхронное обучение).

Компьютерные информационные технологии, направленные на поддержку образовательного процесса, ориентируются на предъявление курсантам учебной информации и обеспечение контроля ее усвоения (компьютерные учебники, контролирующие и тестовые программы, электронные справочники и базы данных, учебные видеофильмы и др.), создание моделей изучаемых процессов (имитационные модели, предметно ориентированные среды, тренажеры, игровые программы). Компьютерные (электронные) учебники получили широкое распространение в образовательном процессе и используются как во время проведения учебных занятий, так и в процессе самостоятельной подготовки курсантов. Эти учебники, аналогичные по структуре обычным, на бумажном носителе, имеют ряд преимуществ: как правило, они строятся по принципу использования гиперссылок, позволяющих мгновенно переходить из одного раздела в другой. Используя электронный учебник, курсант может работать с материалом по «индивидуальной траектории», применять в процессе его освоения заложенные в него набор презентаций, опорные конспекты и проверочные тесты.

Электронные тренажеры, имеющиеся в военных вузах ВНГ РФ, позволяют обеспечить формирование практических умений и навыков курсантов в ходе отработки прикладных задач по отдельным видам служебно-боевой деятельности. Использование тренажеров в практике специальных кафедр способствует имитации реальной боевой обстановки, воспроизведению действий подразделений в условиях выполнения служебно-боевых задач.

Важной составляющей процесса профессиональной подготовки является использование

компьютерных контролирующих и тестовых программ, которые разрабатываются по каждой учебной дисциплине и дают возможность повысить объективность оценки знаний курсантов и оперативность их проверки. В арсенале военных вузов ВНГ РФ накоплена достаточная база тестовых заданий, позволяющих осуществлять оперативный, промежуточный и итоговый контроль знаний курсантов;

технологии мультимедиа, связанные с созданием мультимедиа продуктов, отличаются интеграцией текстовой, графической, аудио- и видеoinформации (электронные энциклопедии, компьютерные учебные фильмы). В содержании мультимедийных технологий выделяют гипермедиа технологии, которые предоставляют возможность работать с большим массивом информации (информационно-поисковые и информационно-справочные системы), представленным как в текстовом, так и в аудио- и видеоформатах с возможностью просмотра материала, его отбора и структурирования (применение информационно-поисковых систем и баз данных, которые являются своеобразным банком информации, обеспечивают поиск и выдачу пользователю необходимой информации по соответствующим поисковым запросам).

Использование в процессе профессиональной подготовки курсантов мультимедийных технологий позволяет обеспечить вовлечение зрительного и слухового каналов восприятия информации, что объективно приводит к улучшению её приема, увеличению объема. Использование аудио- и видеоэффектов разнообразит информационные потоки, активизирует творческий потенциал, делает учебное занятие более привлекательным;

программно-методические комплексы специального назначения, представляющие собой моделирующие программы, разрабатываемые и применяемые в соответствии со спецификой изучаемой дисциплины. Особая роль здесь отводится компьютерным тренажерам сложной аппаратуры или ситуаций (например, «Тренажер тактической подготовки», специальное программное обеспечение «Валькирия», геоинформационная система «Гармония»).

Перечисленные выше информационные технологии предоставляют качественно новые возможности интенсификации образовательного процесса в военных вузах ВНГ РФ, перевод на более высокий уровень его организации. Однако следует отметить, что совершенные и продвинутые информационные технологии не могут заменить преподавателя в образовательном процессе, а являются инструментом в его руках для усиления отдельных компонентов

педагогической деятельности, в частности, обеспечивают визуализацию и слуховое сопровождение изучаемого материала, что способствует расширению его смыслового поля и повышению эффективности усвоения.

Одним из важных аспектов деятельности преподавателя является разработка учебно-методических комплексов (УМК) по преподаваемым дисциплинам, учебных пособий и изданий, относящихся к категории электронных. В учебно-методический комплекс входит также подготовка информационных образовательных ресурсов на различных типах носителей, которые должны включать в себя:

электронный фонд учебно-методической и основной учебной литературы;

фонд мультимедийных учебно-методических комплексов по каждой дисциплине либо специальных индивидуальных комплектов, кейсов, учебно-методических материалов с использованием средств мультимедиа;

фонд электронных изданий, укомплектованный периодическими изданиями, соответствующими профилям основных образовательных программ;

фонд научной литературы, представленный статьями, монографиями и научными изданиями (в Саратовском военном институте ВНГ РФ – «Полнотекстовая база трудов преподавателей Саратовского военного института ВНГ РФ») по профилю каждой образовательной программы в электронном виде;

фонд аттестационных материалов в электронном виде.

В этих условиях преподаватель должен обладать готовностью к разработке и реализации УМК, которые основываются на новой технологической платформе, обеспечить активное взаимодействие с курсантами с учетом специфики информационного пространства. Поэтому разработка УМК связана не только с глубоким знанием содержания преподаваемой дисциплины, но и владением современными информационными технологиями, что позволяет модифицировать содержание, методику образования и технологию профессиональной деятельности преподавателя.

Важным направлением внедрения информационных технологий в обучение может служить использование виртуальных классов, которые аналогичны обучению в традиционном классе. Курсанты могут общаться и писать друг другу, писать на виртуальной либо интерактивной доске, которую видят все обучаемые и преподаватель, предоставлять доступ к своим материалам, работать с программными продуктами, установленными на рабочем месте другого пользователя, и т. д. Примером такого виртуального класса

можно считать некоторые на факультете автоматизированных систем управления Пермского военного института ВНГ РФ.

Таким образом, информационные технологии, обеспечивая предметно-образное содержание объектов изучения, организацию совместной деятельности преподавателя и курсантов и адекватную ей степень контроля за действиями последних, представляют собой в дисциплинарной области некую коммуникативно-ориентированную и профессионально направленную информационно-ресурсную среду

Безусловно, использование информационных технологий, их развитие должно быть подкреплено соответствующей информационно-ресурсной средой военного вуза ВНГ РФ, включающей все необходимые компоненты – информационные ресурсы, систему информационного взаимодействия, аппаратные средства и программные продукты, наличие квалифицированных кадров, информационно-методическое обеспечение образовательного процесса, которые в интегративном единстве характеризуют условия реализации ООП подготовки специалиста. Оценка состояния информационно-ресурсной среды осуществляется в процессе ежегодного самообследования вуза, результаты которого позволяют констатировать ее наличие или отсутствие, соответствие предъявляемым требованиям и определить направления ее коррекции и развития.

Подытоживая, можно сказать, что информационные технологии в интегративном единстве применяемых средств, методов и форм профессиональной подготовки являются мощным ресурсом совершенствования ее качества и достижения запланированного результата. К числу приоритетных аспектов применения информационных технологий с целью повышения эффективности образовательного процесса в военных вузах ВНГ РФ можно отнести следующие:

предоставление нового учебного материала с использованием информационных технологий осуществляется в новых формах, позволяющих обеспечить индивидуализацию обучения с выстраиванием субъектно ориентированного образовательного маршрута;

повышение эффективности образовательного процесса за счет минимизации времени на освоение большого информационно-образовательного массива, активизации деятельности всех субъектов профессиональной подготовки, раскрытия внутреннего потенциала каждого из них;

совершенствование организации и проведения контрольно-оценочных процедур на базе системы управления Moodle, что обеспечивает возможность использования различных программ для контроля качества подготовки курсантов.

Отметим, что при всех широких возможностях информационные технологии являются инструментом, позволяющим повысить эффективность деятельности человека в различных сферах, в том числе в образовании. Поэтому основной вопрос, который сегодня должен быть решен, – обеспечение продуктивного применения этого инструмента для повышения качества подготовки будущих специалистов, с учетом требований информационной безопасности.

Список литературы

1. Пятибратов А. П. Вычислительные сети и телекоммуникации. М., 1998. 400 с.

2. Погуляев В. В. Комментарии к закону «Об информации, информатизации и защите информации». М., 2004. 160 с.
3. Крайнова Е. А. Теоретические основы профессиональной подготовки бакалавров технических вузов в области информационных технологий // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 108–114.
4. Козлов О. А. Теоретико-методологические основы информационной подготовки курсантов военных учебных заведений. М., 2010. 326 с.
5. Козлов О. А. Основные направления внедрения современных информационных технологий в образовательный процесс вузов внутренних войск // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России : сб. ст. Новосибирск, 2016. С. 202–207.

Образец для цитирования:

Козлов О. А. Информационные технологии в обучении курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 111–116. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-111-116.

Information Technologies in Training of Cadets of National Guard Troops of the Russian Federation

O. A. Kozlov

Saratov red banner military Institute of national guard troops of Russia
158, Moskovskaya str., Saratov, 410000, Russia
E-mail: dvrh@yandex.ru

The informatization of military service and military experts of national guard troops of the Russian Federation as members of the security Institute in the structure of the state, primarily associated with the creation and maintenance of necessary level of the equipment in order to solve professional tasks in various conditions of the operational environment. So with modern realities as one of the priority tasks of the system of military education to determine ways and means of improving the professional training of the departmental cadets of military schools of national guard troops of the Russian Federation in the conditions of large-scale Informatization of the society of national guard troops of the Russian Federation and the system of military education. Scientific novelty lies in the system used in educational process of military Institute of national guard troops of the Russian Federation of complex information technologies of General and special purpose, integrating them into the content sections of training of military specialists.

Key words: professional training, information technology, national guard troops, military education.

References

1. Pyatibratov A. P. *Vychislitelnye seti i telekommunikatsii* (Computing networks and telecommunication). Moscow, 1998. 400 p.

2. Pogulyaev V. V. *Kommentarii k zakonu «Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii»* (Comments to the law «On information, Informatization and protection of information»). Moscow, 2004. 160 p.
3. Kraynova E. A. *Teoreticheskie osnovy professionalnoy podgotovki bakalavrov tekhnicheskikh vuzov v oblasti informatsionnykh tekhnologiy* (Theoretical bases of professional training of bachelors of technical universities in the field of information technology). *Vestn. Volzh. un-ta im. V. N. Tatischeva* (The Reporter of Volzhsky University after V. N. Tatischev), 2015, no. 4 (19), pp. 108–114.
4. Kozlov O. A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy informatsionnoy podgotovke kursantov voenno-uchebnykh zavedeniy* (Theoretical and methodological bases of information of training of cadets of military educational institutions). Moscow, 2010. 326 p.
5. Kozlov O. A. *Osnovnye napravleniya vnedreniya sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v obrazovatelnyy protsess vuzov vnutrennikh voysk* (Basic requirements and improving the quality of educational process in higher educational institutions of internal troops of the MIA of Russia). *Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennykh vuzakh vnutrennikh voysk MVD Rossii* (Directions and prospects of development of education in military institutes of internal troops of the MIA of Russia). Novosibirsk, 2016, pp. 202–207.

Cite this article as:

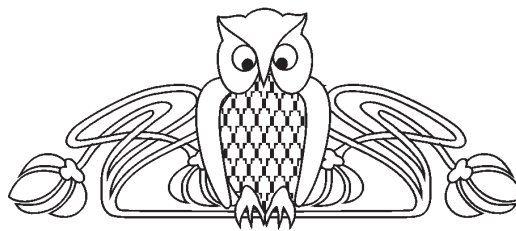
Kozlov O. A. Information Technologies in Training of Cadets of National Guard Troops of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 111–116. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-111-116.

УДК 37.015.3

ГУМАНИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Чепеленко Ксения Олеговна – кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского. E-mail: kseniya_ch@list.ru

Статья посвящена одному из актуальных аспектов современной педагогической науки. Цель работы – проанализировать ключевое понятие современной гуманистической педагогики, охарактеризовать основные принципы гуманизации отечественного образования в контексте теории и практики непрерывного образования. Гуманизация образования рассматривается как социально-педагогический феномен, объект гуманистических преобразований. Процесс гуманизации, в основе которого лежат идеи гуманизма, обеспечивается развивающейся методологией гуманистической педагогики. С формированием целостной концепции гуманизации связано развитие в педагогике личностно ориентированного и культурологического подходов. Актуализация принципов концепции гуманизации способствует интеграции общекультурного, социально-нравственного и профессионального начал в структуре личности эпохи нового гуманизма.

Ключевые слова: процесс гуманизации, непрерывность образования, гуманистическая педагогика, гуманитарное образование, гуманизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-117-120

Статья посвящена осмыслению такой научной области современной педагогики, как гуманизация непрерывного образования. Актуальность работы отражена в разнообразных созданных и создаваемых диссертационных исследованиях [1, 2], публикациях, научных конференциях, развивающих эту проблематику, статьях [3], специальное издание – электронный журнал «Непрерывное образование: XXI век» [4] постоянно публикует материалы по гуманитарной педагогике. Ряд научно-исследовательских организаций, в числе которых Институт непрерывного образования Петрозаводского государственного университета, Международная академия гуманизации образования (ИАНЕ), продолжительное время успешно работают в данном направлении.

Основными тематическими константами в данной статье являются философско-педагогические конструкты *гуманизация образования* и *непрерывность образования*. Образовательный ресурс востребован сегодня как никогда: XXI в. по инициативе ЮНЕСКО назван веком образования, обществом образования; гуманизация и гуманитаризация, диалогизм и проектность – его приоритеты. Во «Всемирной декларации о высшем образовании XXI века: подходы и практи-

ческие меры» (Париж, Всемирная конференция по высшему образованию, 5–9 октября 1998 г.) подчеркнута значимость высшей школы «в обслуживании стратегических направлений и расширении перспектив гуманизма» [5, с. 41].

Гуманизация – доминантный принцип развития отечественного образования, что отражается в постановлениях Министерства образования и науки и современных образовательных стандартах. Гуманистическая направленность образования отражена в Законе Российской Федерации «Об образовании», где говорится о гуманистическом характере образования, приоритетном значении общечеловеческих ценностей, как константах социокультурной реальности. Гуманизация системы образования продекларирована в «Концепции модернизации российского образования до 2020 года».

Гуманизация может рассматриваться как социально-педагогический феномен, отражающий тенденцию реформирования образования на принципах гуманизма. С процессом гуманизации образования непосредственно связана проблема самодетерминации человеческого поведения. Содержание концепта *гуманизация образования* определено комплексом представлений о развитии целостной личности, возможностях ее самовоспитания и самообучения, максимальной самореализации и самоосуществления. В гармоничном развитии духовной личности заключается высшая цель гуманистической педагогики: «Духовная воспитанность молодой личности в настоящее время является приоритетной целью образовательной системы» [6, с. 11].

Процесс гуманизации обеспечивается быстро развивающейся методологией гуманистической педагогики. Ученые работают над формированием целостной концепции гуманизации, связывая с ней развитие в педагогике личностного подхода, актуализированного в психологии и философии. Его суть, по определению А. Маслоу, «состоит в том, что цель образования и предмет обучения – сам человек и цели гуманистические, то есть которые отвечают интересам человека...» [7, с. 180].

Сегодня стал аксиомой постулат, согласно которому без гуманистически ориентированной педагогики невозможно качественное, отвечающее требованиям времени, профессиональное образование. «Любое знание, в том числе и негуманитарное, является знанием человеческим, а значит, каждый ученый или преподаватель, в какой бы области он ни работал, несет критическую, нравственную и политическую ответственность за его продуцирование, распространение, трансформацию и применение» [8, с. 27–33].

В гуманизации образования заключены возможности актуализации потенциала аналитико-критического конструктивного мышления, основы стимулирования таких универсальных ценностей, как нравственность, ответственность, уважение к труду, коллективизм, солидарность, патриотизм, формирующие образ индивидуума, соответствующего «идее *humanitas* – идее, отличающей человека от всего живущего на земле» [9, с. 130].

Непрерывное образование отвечает ритму быстро меняющейся социальной и культурной жизни и ее активным преобразованиям, помогает человеку адаптироваться к этой среде. Идея непрерывного образования в современном обществе последовательно и динамично развивается, перерастая в философско-педагогическую концепцию, всё более активно реализуется на практике. Концепция непрерывного образования представляет собой систему образовательных процессов и образовательных программ, обеспеченную соответствующими организационно-образовательными структурами. Термин «непрерывное образование» появился в 1968 г. в материалах генеральной конференции ЮНЕСКО, определивших суть этого основополагающего принципа образовательных реформ, в 2001 г. он актуализировался в ходе Болонского процесса. Сегодня основным документом, в котором определены базовое понятие непрерывного образования и его структурные компоненты, является концепция Федеральной целевой программы развития непрерывного образования на 2016–2020 гг.

Непрерывное образование обеспечивает рост образовательного – общего и профессионального – потенциала личности и общества, который детерминирован современным состоянием науки и техники, широким применением инновационных технологий. Непрерывное образование как альтернатива современному образовательному дискурсу основывается на представлении об учебной деятельности, охватывающей всю жизнь человека. Модель непрерывного образования строится как взаимодействие внутренних, личностно детерминированных, и внешних, зависящих от соци-

ально-экономических и педагогических условий, факторов. Содержание модели обусловлено законами информационного общества с акцентом на потенциальных знаниях, столь необходимых в условиях динамично протекающих информационных процессов. В этих условиях гуманитарное образование становится важнейшим фактором повышения общей культуры, который отвечает потребности человека в новых знаниях, соответствующих его духовным и интеллектуальным запросам.

Гуманитарный аспект современной системы образования приобретает особое значение. Гуманитарные науки (от *homo* – человек) представляют собой комплекс дисциплин, предметом которых является человек в аспектах его духовной, умственной, нравственной, культурной и социальной деятельности. Значима каждая из составляющих этого спектра: исторические, правовые, психологические, социологические, педагогические, философские знания важны как самостоятельные области гуманитарного знания и как элементы междисциплинарного синтеза. На стыке гуманитарных наук появляются новые научные отрасли: лингвокультурология, психосоциальная философия, лингвопедагогика и многие другие.

Главным педагогическим условием гуманизации в контексте непрерывного образования является актуализация личностно ориентированной модели образования (ЛОСО). С отказом от распространенной до недавнего времени социократической модели связана возможность реализовать образовательные потребности на базе ценностно-смыслового компонента, без которого самореализация, саморазвитие, самоопределение человека в современном мире невозможны.

Не менее значимы и весьма перспективны личностно-деятельный и культурологический подходы. Принято считать, что за качество образования отвечает компетентностный подход, позволяющий достичь «универсальных (общекультурных, общенаучных, социально-личностных компетенций) и профессиональных (общепрофессиональных, профильных и специальных) компетенций, имеющих ценностно-смысловой аспект и социально-личностные характеристики» [10].

Одним из основных структурных звеньев непрерывного является последипломное образование: особый вес оно имеет в системе «человек-человек» в таких профессиях, как педагог, врач, юрист и т.д. Последипломное образование высокоэффективно как в профессиональном, так и в общекультурном смысле: в первом случае расширяет сферу профессиональных компетентностей, во втором – способствует инкультурации

и социализации личности, преодолению дезинтеграции сознания.

Гуманизация непрерывного образования не только как актуальное, персонально-личностное, но распространяется на общество в целом, осуществляя «гуманистическую функцию культуры, обеспечивает целостность и непрерывность форм передачи социокультурного опыта, выступает интегральной составляющей процессов трансформации российского общества» [11]. «Интегративное» непрерывное образование служит средством гармонизации личности и внешних отношений личности с социумом. Его формула складывается из взаимодополнения профессионального и общекультурного образования.

В заключение можно сказать, что непрерывное образование, развертывающееся во взаимосвязи отдельных звеньев, обнаруживает качество целостности образования, личностно ориентированная модель которого конструируется на смысловой основе гуманизма.

Список литературы

1. Касаева А.Б. Гуманитаризация образования как фактор формирования социальных отношений в современном обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/gumanitarizatsiya-obrazovaniya-kak-faktor-formirovaniya-sotsialnykh-otnoshenii-v-sovremennom> (дата обращения: 11.05.2016).
2. Киямова В. Х. Гуманизация системы профессионального образования : на материалах профессиональных училищ и лицеев Республики Башкортостан : автореф. дис. ... канд. филос. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/gumanizatsiya-sistemy-professionalnogo-obrazovaniya-na-materialakh-professionalnykh-uchilish> (дата обращения: 11.05.2016).
3. Козлова Н. С., Некрасова А. В., Горбунова И. Л. Гуманизация системы образования в контексте современного общественного развития // Молодой ученый. 2014. № 10. С. 382–384.
4. Непрерывное образование: XXI век. URL: <http://lil21.petrsu.ru/journal/nlist.php> (дата обращения: 17.02.2016).
5. Субетто А. И. Приоритеты и философия целеполагания фундаментальной науки в XXI веке // Трансформация парадигмы университетского образования. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/0016/00161256.htm> (дата обращения: 29.03.2016).
6. Бех И. Д. Законопростір сучасного виховного процесу // Вища освіта України. 2004. № 1. С. 10–13.
7. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. 430 с.
8. Глостанова М. В. Векторы переосмысления гуманитарных наук в XXI веке и университетское образование // Высшее образование для XXI века : докл. и материалы V междунар. конф. М., 2008. С. 27–33.
9. Мяготин А. О моральном измерении реформ // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 128–131.
10. Виленский М. Я., Масалова О. Ю. Культурологические основания личностно-ориентированного образования по физической культуре в высшей школе. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-osnovaniya-lichnostno-orientirovannogo-obrazovaniya-po-fizicheskoy-kulture-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 05.03.2016).
11. Максимова Н. Ю. Гуманизация образования как социокультурный процесс : автореф. дис. ... канд. филос. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/gumanizatsiya-obrazovaniya-kak-sotsiokulturnyy-protsess> (дата обращения: 29.03.2016).

Образец для цитирования:

Чепеленко К. О. Гуманизация в пространстве непрерывного образования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 113–116. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-113-116.

Humanization Space Continuing Education

K. O. Chepelenko

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: kseniya_ch@list.ru

The article deals with the process of humanization in the space of continuous education. The main thematic pillars of this work are the humanization of education and continuing education. The linked issues are constantly in the field of scientific and pedagogical community. Relevance of the work emphasizes the impressive body created and produced dissertation research, publications, scientific conferences, developing these problems. The process of humanization, which is based on the ideas of humanism, is provided by developing the methodology of humanistic education. Scientists are working on a holistic

concept of humanization, linking it to the development of pedagogy, personal approach. Under these conditions, a liberal arts education is becoming a major factor in improving the overall culture of responsible human needs for new knowledge appropriate to the spiritual and intellectual needs.

Key words: process of humanization, continuity of education, humanistic teaching, liberal arts education, humanism.

References

1. Kasaeva A. B. *Gumanitarizatsiya obrazovaniya kak faktor formirovaniya socialnykh otnosheniy v sovremennom obshchestve*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. (Humanization of education as a factor of social relations in contemporary society: autoref. diss. of the PhD {Philosophy}). Available at: <http://www.dissercat.com/>

- content/gumanitarizatsiya-obrazovaniya-kak-faktor-formirovaniya-sotsialnykh-otnoshenii-v-sovremennom (accessed 11 May 2016).
2. Kiyamova V. H. *Gumanizatsiya sistemy professionalnogo obrazovaniya: na materialakh professionalnykh uchilishch i litseev Respubliki Bashkortostan*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk (Humanization of vocational education system: on materials of vocational schools and lyceums of the Republic of Bashkortostan: autoref. diss. of the PhD {Philosophy}). Available at: <http://www.dissertat.com/content/gumanizatsiya-sistemy-professionalnogo-obrazovaniya-na-materialakh-professionalnykh-uchilishch> (accessed 11 May 2016).
 3. Kozlova N. S., Nekrasova A. V., Gorbunova I. L. Gumanizatsiya sistemy obrazovaniya v kontekste sovremenogo obshchestvennogo razvitiya (Humanization of the education system in the context of contemporary social development). *Molodoy uchenyj* (Young scientist), 2014, no. 10, pp. 382–384.
 4. *Nepriyemnoe obrazovanie: XXI vek* (Continuing education: the XXI century). Available at: <http://11121.petsu.ru/journal/nlist.php> (accessed 17 February 2016).
 5. Subetto A. I. Prioritety i filosofiya tselepolaganiya fundamentalnoy nauki v XXI veke (Priorities and goal setting philosophy of fundamental science in the XXI century). *Transformatsiya paradigmy universitetskogo obrazovaniya* (The transformation of university education paradigms). Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/0016/00161256.htm> (accessed 29 March 2016).
 6. Beh I. D. Zakonoprostir suchasnogo vihovnogo protsesu (Space law of modern educational process). *Vishha osvita Ukraini*, 2004, no. 1, pp. 10–13.
 7. Maslou A. G. *Dalnie predely chelovecheskoy psihiki* (The farthest limits of the human psyche). St. Petersburg, 1997. 430 p.
 8. Tlostanova M. V. Vektory pereosmysleniya gumanitarnykh nauk v XXI veke i universitetskoe obrazovanie (Vectors rethinking of the humanities in the XXI century and university education). *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: doklady i materialy V mezhdunar. konf.* (Higher Education for XXI century: reports and materials of V International conference). Moscow, 2008, pp. 27–33.
 9. Myagotin A. O moralnoy izmerenii reform (On the moral dimension of reforms). *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia), 2008, no. 9, pp. 128–131.
 10. Vilenskiy M. Ja., Masalova O. Ju. *Kulturologicheskie osnovaniya lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya po fizicheskoy kulture v vysshey shkole* (Cultural foundation student-centered education on physical training in high school). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-osnovaniya-lichnostno-orientirovannogo-obrazovaniya-po-fizicheskoy-kulture-v-vysshey-shkole> (accessed 5 March 2016).
 11. Maksimova N. Ju. *Gumanizatsiya obrazovaniya kak sociokulturnyy protsess*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk (Humanization of education as a social and cultural process: autoref. diss. of the PhD {Philosophy}). Available at: <http://cheloveknauka.com/gumanizatsiya-obrazovaniya-kak-sotsiokulturnyy-protsess> (accessed 29 March 2016).

Cite this article as:

Chepelenko K. O. Humanization Space Continuing Education. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 117–120. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-117-120.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

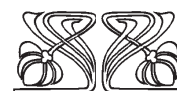
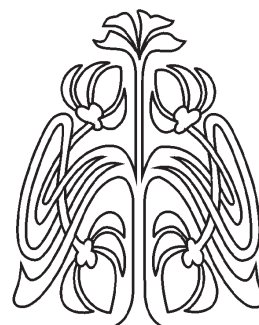
К 90-ЛЕТИЮ Я. Ф. АСКИНА – УЧИТЕЛЯ И ФИЛОСОФА

21 октября 2016 г. в г. Саратове прошли VII Аскинские чтения: «Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы». Это было мероприятие, которое проходит уже в седьмой раз, и поэтому можно уверенно говорить о сформировавшейся традиции, собирающей ведущих гуманитарных и социальных исследователей России.

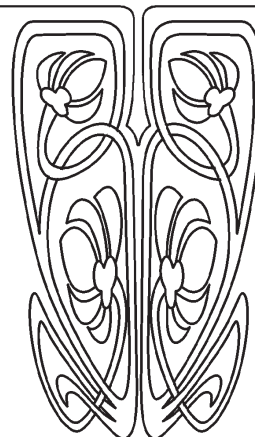
В 2016 г. конференция была посвящена юбилею Я. Ф. Аскина – 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, основателя саратовской школы философов. В научную орбиту профессора, с 1968-го по 1985 г. заведовавшего кафедрой философии, входили философские вопросы времени, взаимоотношения философии и естествознания, принципы детерминизма, развития, единства, теория философских категорий, проблема творчества, а его труды опубликованы на различных языках в десяти странах мира.

В своем приветственном слове, открывая конференцию, председатель Саратовского регионального отделения Российского философского общества, доктор философских наук, профессор *В. Б. Устьянцев* отметил, что традиция Аскинских чтений – участие представителей российских философских школ, вышедшие сборники научных трудов. Это – праздник общения философов различных направлений и поколений. Проректор по научно-исследовательской работе Саратовского национального исследовательского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор *А. А. Короновский* от лица ректора поприветствовал всех гостей и участников мероприятия, пожелав им плодотворной работы на пленарном заседании и секциях. Он также отметил активное участие молодых исследователей и тот факт, что творчество выдающегося философа Якова Фомича Аскина служит связующим мостиком между поколениями.

Время конференции неслучайно и место – тоже. Как справедливо отметил в своем приветственном письме президиум Российского философского общества в лице *В. С. Степина*, академика РАН, «Саратовский научный регион – это пространство сохранения и развития философии». В унисон с ним прозвучали приветственные слова профессора кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета *К. С. Пигрова*, что «Саратовская школа философии уверенно развивается, культивируя своеобразные, оригинальные идеи». Многие собравшиеся на конференции хорошо знали Я. Ф. Аскина – учителя, научного руководителя, соратника. Приветствуя участников, председатель правления Московского философского общества, доктор философских наук, профессор *И. К. Лисеев* в своем письме отметил: «Многие представители нашего старшего поколения хорошо знали Якова Фомича лично, восхищались результатами его научной деятельности. Но кроме научной работы этот замечательный человек обладал и редким организационным талантом».

ХРОНИКА

Тема конференции актуальна и удачно сформулирована: здесь и смыслы вечной ценности времени, выражение времени в различных общественных измерениях, творчество как пространство, где время обретает свое становление. Закономерно, что конференция привлекла внимание около 120 участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Волгограда и других регионов России, США.

Доклады пленарного заседания сформировали смысловое пространство научной дискуссии и сфокусировали внимание участников на многообразии измерений проблемы времени. В докладе профессора *С. А. Лишаева*, представителя Самарского национального исследовательского университета, осмысление времени в феноменологическом контексте было соотнесено с человеческим возрастом. *В. В. Афанасьева*, профессор кафедры философии и методологии науки Саратовского университета в соавторстве с докторантом нашего вуза *Е. А. Пилипенко*, акцентировала внимание на постнеклассическом измерении онтологии времени и утверждала, что именно ресурсы постнеклассической онтологии позволяют создать целостную картину времени. Социальная память как длящаяся актуальность стала темой выступления *О. М. Ломако*, профессора кафедры теоретической и социальной философии. Социальная память – важнейший духовный ресурс настоящего, что и было показано на примере эволюции явления от Античности до современности. *О. М. Ломако* актуализировала идеи *Я. Ф. Аскина* о диалектике вечности, которая понимается им как позитивная творческая сторона временного процесса, как рождение и становление, как историческое включение новых поколений.

В докладе *С. М. Фроловой*, профессора кафедры философии культуры и культурологии, проанализирован феномен повседневности как ценности бытия. Можно с уверенностью сказать, что повседневность как центр и эпицентр бытия человека скрывает и показывает сущность бытия, и в этом проявляется ценность человеческой индивидуальности.

Первая секция – «**Философия времени и время в философии**» – была посвящена анализу природы и свойств времени в различных философских концепциях, исследованию связанных со временем философских проблем. Исследование личности *Я. Ф. Аскина*, его вклада в философское осмысление времени, а также истории создания саратовской философской школы участники услышали в докладах профессора *С. П. Поздней*, профессора *Р. В. Маслова*. Доклад профессора *В. Н. Гасилина* «Проблема времени в феноменологической перспективе» был посвящен анализу трансцендентально-фено-

менологической традиции исследования времени, решению проблем объективности времени и относительности его восприятия, специфике постижения времени в социально-гуманитарных науках. Выступление профессора *В. В. Афанасьевой* «Время, виртуальность, хаос» было посвящено анализу онтологических отношений времени и хаоса, времени и виртуальности, в докладе конституирован концепт «виртуальное время», а доцент *В. С. Свечников* («Мемуары: координаты времени») презентовал трилогию книг, посвященных истории семьи автора в XX в., связанную с временными и социальными катаклизмами и метаморфозами.

В докладе доцента *М. А. Богатова* «Философия времени в XX веке» проблематизировался «временной поворот» в современной философии, анализировалась связь бытия и времени в концепциях *А. Бергсона*, *М. Хайдеггера*, *М. Пруста*, *М. Бахтина*, *М. М. Мамардашвили*, *В. Библихина*; обсуждались феномены «событие», «конечность» и «посюсторонность человеческого существования». Доклад доцента *В. Н. Артемова* «Время: философия и фундаментальная наука» посвящался осмыслению места открытий современного естествознания в развитии философских представлений о времени. В своем выступлении доцент *Е. Н. Богатырева*, исследовав социальное время как характеристику практик социального бытия культуры, показала, что социальное время несводимо к физическому и является бытийным основанием социальных и культурных практик. В докладе доцента *Ж. В. Петровой* «Противостояние добра и зла в философских концепциях *Н. О. Лосского* и *Э. Фромма*» обсуждались временные трансформации проблемы противоборства добра и зла в философском и религиозных контекстах. В докладе студентки *Д. А. Павловой* «Бытие истории в мышлении *В. Библихина*» была представлена интерпретация русской истории в творчестве *В. Библихина*.

Работа секции «**Духовное наследие как феномен социальной памяти**» была посвящена анализу потенциала и состояния духовных ресурсов современного общества и их роли в сохранении и развитии социальной памяти. Среди замечательных и ярких выступлений можно выделить исследование феномена «духов» социальных переворотов России XX столетия в контексте русской религиозной философии (профессор *В. П. Рожков*), анализ синхронного и диахронного аспектов культурной памяти (профессор *Е. В. Листвина*). В докладе профессора *Б. В. Маркова* речь шла о двух формах социальной памяти – «живой» и «официальной». Риски динамичных состояний духовного наследия были представлены в выступлениях доцента

Д. И. Зарова о деструкции социальной памяти, профессора Е. В. Романовской о проблемах манипуляции и трансформации социальной памяти. Философия вне личности невозможна: подтверждением тому было исследование доцента Г. Н. Петровой активной гражданской позиции Я. Ф. Аскина, которая отразила взгляды философа на различные исторические и социальные процессы, особенно на перестройку в СССР. В докладе магистранта К. Ю. Петровой прозвучал анализ проблемы духовности в различных философских системах. Интересные и актуальные доклады были представлены в выступлениях молодых ученых аспиранта М. А. Елисейевой, студентов С. С. Голощапова, А. Э. Панова.

Проблема становления – один из базовых онтологических вопросов – находила раскрытие в выступлениях участников секции «**Становление в природе, обществе, сознании**». Проблема становления раскрывается, как отметил в своем докладе профессор В. Б. Устьянцев, в состоянии революционной динамики общества. Революция как ситуация крайней неопределённости характеризуется столкновением двух состояний упорядоченности – прошлого, исчерпавшего свою способность движения, но ещё служащего причиной и формой, и обладающего непоколебимостью перводвигателя настоящего, содержательность которого лишь предстоит осознать. В докладе профессора В. Г. Косыхина «Онтологическое становление в концепции постдеконструктивного синтеза Майкла Мардера» содержался анализ трансформации понятия бытия, становления, сознания. Обсуждение идеи описания субъективной позиции наблюдателя с помощью представления об односторонних несимметричных отношениях прозвучало в докладе профессора И. Д. Неважжая, затронувшего также основополагающую проблему соотношения бытия и мышления и раскрывшего её через игру понятий сознающего, сознаваемого, сознания.

В выступлении профессора Ю. М. Дуплинской были рассмотрены эволюция Вселенной сквозь призму эволюции языка, специфика знаковых систем, проблема «десакрализации» языка, а доклад доцента С. М. Малкиной был посвящен горизонтам понимания человеческого бытия как письма, она использовала в качестве контрапункта философские концепты Ж. Деррида и Ж.-Л. Нанси. Доклад аспиранта М. Б. Буяева «О единстве и борьбе горизонтов классического понимания становления» представил вниманию слушателей неизбежность становления, которое есть движение к установленности как цели. Бытие в отношении сознания становится, присутствует в качестве всегда становящегося, бытие и сознание оказываются вовлечены в становле-

ние друг другом. Глубокий анализ философии времени был представлен в творчестве молодых исследователей, студентов А. А. Антоняна, А. А. Кураева.

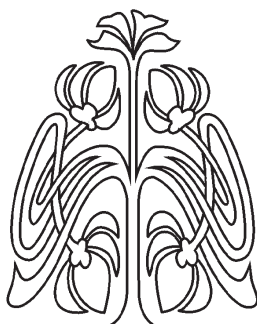
Проблема творчества как фундаментального измерения человеческого бытия всегда находилась в фокусе внимания Я. Ф. Аскина. Сопряженная с вопросами свободы, времени, ценностей, данная тема нашла свое актуальное выражение в работе секции «**Творчество как ценность человеческого бытия**». Профессор В. М. Дармограй проанализировал условия, при которых увеличивается вероятность события творческого характера, где Эго – мера творческой одаренности субъекта творчества и способ усвоения им потенциала культуры, посредством которой происходит процесс развития природной предрасположенности к творчеству. Доклад профессора В. П. Барышкова был посвящен теории экперсонализма – концепции, полагающей в качестве основы собственной жизнедеятельности индивидов возделывание ими совместной среды обитания (социальной экосреды), а личностного бытия как участного бытия.

Проблемы виртуального измерения культуры нашли выражение в докладах доцента М. Б. Кузнецовой («Коммуникативно-виртуальная парадигма культуры и проблема Фармакона»), аспиранта Д. Ф. Капустина («Анализ феномена сиюминутной известности в некритическом поле пользователей сети Internet»). Игровой горизонт игры был представлен в докладе доцента О. В. Шимельфенига, определившего, что без осознанной опоры на творческое игровое начало в мироздании не может быть ни продуктивного обучения, ни духовного развития человека. Идею реализации трудовой деятельности в творчестве представила аспирант С. Е. Здоренко, утверждая, что, влияя на окружающую действительность, человек становится творцом, благодаря чему и проявляется творческая специфика трудовой деятельности, так как именно творчество связано с преобразованием окружающего мира.

Прошедшие Аскинские чтения – важная веха в исследовании наследия Я. Ф. Аскина, пространство духовного поиска которого было безграничным, именно такими являются вопросы времени, творчества, ценностей. Все это разговор о Человеке – его онтологических началах и аксиологических дискурсах.

Оргкомитет конференции выражает искреннюю благодарность председателям и секретарям секций за информационную поддержку в подготовке обзора Аскинских чтений.

С. А. Данилов,
доцент кафедры теоретической
и социальной философии

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2017 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru